

МИДСАММЕР
№ 21

СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР

В НОМЕРЕ:

САКРАЛЬНАЯ СИМВОЛИКА НОРДОВ: СВЯЩЕННОЕ ДРЕВО

NIÁLSSAGA

РУНИЧЕСКИЙ ГРЕБЕНЬ ИЗ УИТБИ

GRASASÖGUR. ИСТОРИИ О РАСТЕНИЯХ

ХОДЯЧИЕ МЕРТВЕЦЫ: ДРУГ И АПТГАНГ
В ДРЕВНЕСКАНДИНАВСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

НЕДУГ И ДЕМОН КОСТЯНОЙ НАХОДКИ

Главный редактор:

Маша Юлина (Ранхильд),
дом Веретено Фригг
(Минск — Сан-Франциско)

Редактор:

Алина Петрова (Сигрид),
годорд Иггдрасиль (Киев — Краков);

Верстка:

Анна Пермина

Корректор:

Esgal

Дизайн номера:

Анна и Вадим Пермины,
Алина Петрова (Сигрид)

Редакция выражает благодарность за помощь при подготовке журнала Антону Платову, А.А. Хлезову, Резчику Идоллов, Хранителям Традиции, Алексею Глазачеву (Андвари), Георгию Урусову (Хальвдану), Ольге Маркеловой, Esgal, Кайса Варзуга (Екатерине Литиной), Вадиму Пермину, Marina Krewska, Вячеславу Володину, Анне Блейз, Владиславу Новицкому, Лесе Арде.

Наши контакты:

http://vk.com/yggdrasil_ukr

Годорд Иггдрасиль

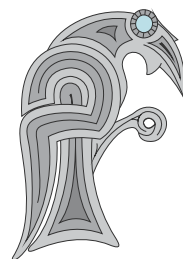
<http://vk.com/friggerock>

Веретено Фригг

<http://vk.com/nordanvindr>

открытая группа журнала

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО ОТ РЕДАКЦИИ	4
НОВОСТИ	5
Люди, с которыми нам по пути	
Резчик Идоллов	9
ИССЛЕДОВАНИЯ	
Священное Древо	14
Антон ПЛАТОВ	
Идеографический подход к дешифровке гальдрастафов	17
Резчик Идоллов	
Newark Odinist Temple: первый в Британии	22
Вячеслав ВОЛОДИН	
Военно-исторические и военно-социальные аспекты культуры архаической Скандинавии до эпохи викингов: расстановка акцентов	26
А.А. ХЛЕВОВ	
ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ	
Исландский дневник	34
Кайса ВАРЗУГА	
ПЕРЕВОДЫ	
Недуг и демон костяной находки на Профессорн 4	51
Магнус КЕЛЛСТРЁМ (Magnus KÄLLSTRÖM)	
Перевод: Хранители Традиции	
Истории о растениях (Grasasögur)	57
Йоун АУРТНАСОН	
Перевод: Вадим ПЕРМИН	
Староанглийская руническая надпись на гребне из Уитби и современные технологии	60
Гэби ВАКСЕНБЕРГЕР (Gaby WAXENBERGER)	
Перевод: Алексей ГЛАЗАЧЕВ (Андвари)	
Ходячие мертвецы: драуг и аптганг в древнескандинавской литературе	67
Перевод: Анна БЛЕЙЗ	
Сага об оркнейцах	76
Перевод: Георгий УРУСОВ	
(Хальвдан)	
МУЗЫКА ВЕТРА	
Исповедь Мастера	84
Владислав НОВИЦКИЙ	
СКАЗКИ	
Волшебные исландские сказки	90
Перевод: Любовь ГОРЛИНА	
ВИДЕООБЗОР	
Сага о Ньяле	92
Марина КРЕВСКА	
ТВОРЧЕСТВО	
Роман «Педер Арребё»	94
Ольга МАРКЕЛОВА	
Из современной исландской поэзии	104
Ольга МАРКЕЛОВА	
Стихи	
Ольга Маркелова	105
Арт-проект «Боги ходят по земле»	106
СИГРИД	

3...

СЕВЕРНЫЙ
ВЕТЕР

СЛОВО ОТ РЕДАКЦИИ

Слово от редакции, которое впервые в жизни следует прочитать!

В этот раз не будет стандартных приветствий и обращений. Ну, кроме разве того, что мы представляем вам 21 номер журнала «Северный ветер». На этом официальная часть закончена. Неофициальная же родилась из желания напомнить всем начинающим (и продолжающим), каким по нашему представлению должен быть человек, чтобы он мог считаться **достойным представителем нашей Традиции и веры**. Мы попросили друзей и авторов журнала, чтобы они поделились своими ориентирами на Пути и правилами поведения, которых они придерживаются каждый день. После долгих раздумий мы решили озаглавить этот сборник

«РЕЧИ БЫВАЛЫХ»

1. Не обещай того, что не исполнишь, не говори того, за что не ответишь (*Marina Krewska*).
2. Не проси богов сделать за тебя то, что в силах сделать сам (*Сигрид*).
3. Не произноси за спиной того, что не можешь сказать в лицо (*Marina Krewska*).
4. Никогда не произноси угроз, если не собираешься их исполнить (*Ранхильд*).
5. Впусти проходящего и выпусти уходящего. Может быть, это — все, что ты можешь для них сделать (*Esgal*).
6. Уважай чужую веру, гордись своей (*Ранхильд*).
7. Не думай, что тот, кто слаб в одном, слабый во всем (*Леся Арда*).
8. Выбирая дорогу — кинь кубики, выбирая лошадь — поверь знатоку (*Esgal*).
9. Нет ничего достойного в том, чтобы победить слабого противника. Хочешь заслуженной славы — сражайся только с равным или превосходящим по силе. Слабых же — защищай (*Ранхильд*).
10. Хочешь, чтобы тебя услышали — скажи. Хочешь, чтобы тебя поняли — промолчи (*Esgal*).
11. В любом случае иди по твоему пути до конца, даже если весь мир против. Ветер в лицо викингов никогда не останавливал (*Сигрид*).
12. Любой, объявивший свой путь единственным, объявил этим о своей ограниченности (*Esgal*).
13. Если твой урожай затопили дожди, к этому могли приложить руку боги. Но если он не вырос из-за засухи — виновата в этом только твоя лень. А на один первый случай приходится, как правило, где-то десять других (*Леся Арда*).
14. Читай книги, учи матчасть (*Ранхильд*).
15. Сказав "А", полагается сказать "Б". Зачем говорить? — Сделай (*Esgal*).
16. Если драки не избежать — бей первым. И бей со всей силы (*Ранхильд*).
17. Обретаясь в толпе, иногда удивляйся ей. Дабы не уподобиться (*Esgal*).
18. Если ты попросил богов о помощи, и они отозвались — не приписывай их достижения себе (*Леся Арда*).
19. Когда дают, подумай, прежде чем взять (*Esgal*).
20. Отвергни слабого, даже если он может быть в чем-то полезен. Прими отвергнутого, если он доказал силу (*Esgal*).
21. Не зазорно попросить помощи. Зазорно ныть и жаловаться, и ждать, что тебе эту помощь предложат (*Ранхильд*).
22. Ничего не повторяй дважды. Кому нужно — уже услышал, для прочих — не стоит труда (*Esgal*).
23. В ситуации, когда не можешь ничего сделать, сделай хоть что-нибудь (*Сигрид*).
24. Говоря о высоком, сделай паузу — послушай звезды (*Esgal*).
25. Не бойся думать (*А.А.Хлевов*).
26. Если не знаешь, что делать - делай шаг вперед (*А.А.Хлевов*).
27. Знание немногих принципов позволяет избежать знания многих фактов (*А.А.Хлевов*).
28. Не делай другому зла первым (*А.А.Хлевов*).
29. ДЕЛАЙ, ЧТО ДОЛЖЕН, И БУДЬ, ЧТО БУДЕТ.

Благо сказавшему!

Благо узнавшим!

Кто вспомнит — воспользуйся!

Благо внимавшим (с)!

Ранхильд и Сигрид.

... 4

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 21
2018

Вышла в печать переработанное и дополненное издание книги Вадима Пермина «Гальдраставы из рукописи «Huld»»

Аннотация

Исландские манускрипты, содержащие магические знаки — гальдраставы, давно привлекают внимание исследователей. Существует достаточно большой корпус трудов, посвящённых этой тематике. Кроме того периодически переиздаются и переводятся, в основном на английский язык, и сами рукописи. Русскоязычному читателю в этом отношении не повезло — кроме Леонида Кораблёва никто не публиковал серьёзных исследований по исландской магии. Данная работа посвящена одной из самых известных исландских магических рукописей — «Huld», в связи с чем, нельзя не упомянуть Джастина Фостера, издавшего перевод её на английский язык.

Рукопись ÍB 383 4to «Huld» (название происходит от исландского слова «hulda» — таинственность, тайна; покров; пустота) датируется 1860 годом и принадлежит перу Гейра Вигвуссона. Среди других магических сбор-

ников этот манускрипт выделяется необычным (альбомным) форматом и искусным оформлением. Рукопись содержит 27 бумажных листов и состоит из двух частей, в первой части собраны различные рунические алфавиты и системы тайнописи, во второй — небольшая коллекция из тридцати гальдраставов.

Данная работа является не просто переводом колдовской книги, автор изучил больше дюжины рукописей и к каждому ставу из «Huld» привёл аналоги из других источников. Более полутора сотен магических знаков, рецептов, включая ранее никем на английский и русский языки не переводившиеся.

Книгу можно приобрести в интернет-магазине издательства: <http://magic-kniga.ru/items/31400>.

5...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№ 21
2018

Археологи нашли клад эпохи датского короля Харальда Синезубого

На острове Рюген (Германия) в Балтийском море археологи обнаружили серебряные монеты и драгоценности времен правления датского короля Харальда I Синезубого (X век нашей эры)

Первыми сокровища нашли археологи-любители. Рене Шон и его 13-летний помощник Лука Малашниченко с помощью металлоискателя исследовали поле на севере острова Рюген и внезапно обнаружили фрагменты серебра. Раскопками занялись профессионалы. Они обнаружили в указанном кладоискателями месте около 600 монет, жемчуг, ожерелья, кольца, броши и амулеты в виде молота Тора, спрятанные больше тысячи лет назад.

«Это крупнейший клад с монетами Харальда Синезубого, найденный на юге Балтики, а потому имеет огромное значение», — рассказал один из руководителей раскопок Михаэль Ширрен.

Самые новые монеты, найденные во время раскопок, датируются 983 годом. Это может свидетельствовать о том, что сокровища были зарыты в конце 980-х годов, когда Харальду пришлось бежать в Померанию.

Источник новости:

<https://www.bbc.com/ukrainian/news-russian-43796421>

...6

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№21
2018

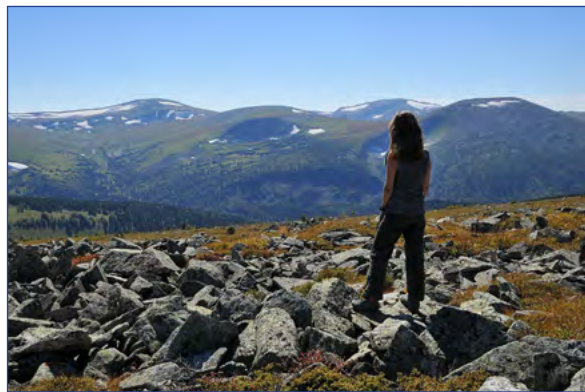
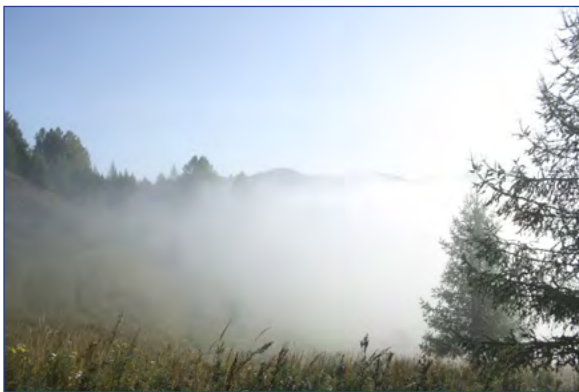

Женский круг Силы «Танцующая с волками» открывает набор участниц на девятидневный Алтайский семинар

Дата: 13-22 июля 2018

Этот тур для тех, кто всегда мечтал:

- побывать в тайных местах Силы Алтая;
- подзарядиться силой и энергией от стихий природы;
- набрать целебных и экологически чистых трав на зиму;
- создать и воплотить свой новый образ в костюмированной фотосессии;
- найти время и место, где можно побыть наедине с собой;
- встретиться с новыми людьми, проводить вечера за интересными разговорами у огня в юрте.

Семинар будет проходить в уединенной горной долине. Расписание включает в себя:

- медитации среди мегалитов в настоящем месте Силы под музыкальные инструменты;
- разговоры об образах и архетипах женщины в древности и современности;
- создание нового образа участниц в костюмированной фотосессии;
- чайную церемонию в юрте;
- путешествие на медную гору;
- сбор целебных и экологически чистых трав под руководством опытной травницы и многое другое...

Участницы увидят скифские Царский курган и мегалитическую обсерваторию — один из крупнейших комплексов в Евразии, ледниковое озеро на высоте 1360 метров, полные душистых трав альпийские луга, горы и облака, звездное небо Алтая, настоящую казахскую юрту, дом на границе мира людей и мира Духов.

7...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 21
2018

Ведущие

Валентина Соловова — историк, философ, преподаватель философии и мифологии. Мастер-керамист, дизайнер украшений. Путешественница, мама 2 детей. Организатор тура, хозяйка гостевого дома «Скифская долина», живет на Алтае 3 года. Ваша проводница по местным местам Силы.

Мария Пушная — фотограф, художник по историческому костюму, культуролог, путешественница. Снимает костюмные фотосессии с 2008 года, занимается дизайном и созданием костюмов с 2005 года. Совершила путешествия в более чем 20 стран (Европа, Азия), посещая культурные центры, исторические музеи и места силы (Стоунхендж; Ангор Ват; холм Тары, Ирландия; Тингвеллир, Исландия).

Екатерина Ахаева — травница, живет на Алтае. Знает секреты трав, собирает целебные чаи, разбирается в гомеопатии.

Проживание: в благоустроенном гостевом доме усадьбы «Скифская долина» или в юрте, уютной и теплой. В доме гостей будут окружать книги и керамика ручной работы, а за порогом будут ждать река (50 метров), горы (100 метров) и лес (50 метров).

Стоимость: от 23000 до 30300 (в зависимости от типа размещения).

Контакты для связи:

- ☎ +79132407128 (доступны мессенджеры Telegram, Viber, WhatsApp);
- @ morgana_only@mail.ru
- 📧 Valentina Solovova
- 🌐 <https://vk.com/id7965048>

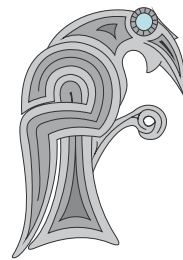

... 8

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№21
2018

Интервью подготовила
РАНХИЛЬД

Интервью: Резчик Идолов

Наш гость называет себя Резчиком Идолов. И делает это совершенно заслуженно, его работы достойны того, чтобы украшать алтари и храмы. И хоть он так и не раскроет нам своего имени, но честно и открыто поделится с читателями своим видением Традиции и магического искусства. А в разделе «Исследования» Вас будет ждать его статья «Идеографический подход к дешифровке гальдрастафов».

СВ Добрый день! Скажите, пожалуйста, нашим читателям несколько слов о себе. Сколько лет Вы уже в Традиции, с чего начинался Ваш Путь?

Сам я человек не выдающихся талантов, но, несмотря на это, умудрился повидать на своем коротком веку много вещей странных и необычных. В мир магии я проник где-то в середине 90-х годов, по чистой случайности, вследствие событий, от меня не зависящих, — я столкнулся с духами. Касательно моего интереса к т.н. «северной традиции», то хоть и возник он достаточно давно, углубиться в её изучение я смог сравнительно недавно, так как сказывался брак толковой информации по этой тематике, потому занят серьезным изучением «традиции» я лет семь и из них года два как, разжившись словарями

и выбросив окончательно рунно-эзотерический мусор из головы, начал свое знакомство с исландскими рукописями, благо исландская политика в отношении их книжного наследия предоставляет всем интересующимся такую возможность.

СВ На своей страничке в контакте Вы указываете свое мировоззрение как Galdratru. Поясните, пожалуйста, это одно из направлений Асатру или какое-то отдельное движение? И раз уж мы заговорили про Асатру, расскажите, пожалуйста, как Вы относитесь к этому термину, допускаете ли Вы его использование в отношении себя и своих работ?

Galdratru дословно можно перевести как «колдовская вера», эта формулировка ка-

9...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№21
2018

жется мне наиболее точно описывающей мое мировоззрение и дающей мне некую форму свободы, позволяя избегать узких рамок самоопределения в конкретной принадлежности к той или иной вере или магико-религиозной традиции. Сам я являюсь сторонником анимистических воззрений и, как анимист, неизбежно практикую в своей жизни то, что можно было бы назвать магией или колдовством, предпочтение же в силу своего менталитета, конечно, отдаю все более европейским континентальным формам колдовства, с одной стороны, сохранившим осколки древних языческих пережитков, а с другой — органично синкретизировавшимся с официальной Христианской религией в форме народного христианства. Также я изучаю, охотно перенимаю и адаптирую под свои нужды различные магические приемы и ритуальные формы колдовства других народов.

К а с а т е л ь н о
же Асатру, так
как я принимаю
своим богом

Одноглазого
Г о с п о д и н а
Гальдра, то конечно
имею отношение к «старой вере» (forneskja), а равно и Вере в Асов (Ásatrú), но с той разницей, что я считаю своим покровителем одного бога и оттого стараюсь не иметь дел с другими богами (за исключением, верно, только Господина Грома Асса-Тора, которому я все же иногда жертвую и чьим покровительством и защитой порой не прочь заручиться в том или ином рисковом предприятии).

С Как из обычного человека Вы превратились в Мастера, создающего сакральные предметы? Был ли этот процесс долгим поиском своего Пути или, впервые взяв в руки нож и дерево, Вы сразу поняли, что это и есть Ваше призвание?

Начинал я с птичьих костей. Я не считаю себя человеком прямо-таки необычным, да и, по правде, не считаю себя и мастером, я пока, скорее, подмастерье и все еще нахожу чему учиться, это относится и к искусству резьбы, и к иным попутно осваиваемым мной старинным ремеслам, относится это и к магии.

С Есть ли разница в ощущениях и состоянии, когда Вы вырезаете изображения богов или гальдрастафов по сравнению с созданием какой-либо бытовой вещи?

Так сложилось, что я крайне редко изготавливаю бытовые предметы. Все, что я режу, так или иначе связано с магией и с магами, которые, по большому счету, и обращаются ко мне за этой услугой, а там, где есть маги, там есть и духи, незримо стоящие за ними и им покровительствующие, и уже с ними в первую очередь мне и приходится иметь дело, угадывая их желания. Естественно, работа над подобными вещами требует концентрации особого рода, нужно быть крайне аккуратным в ходе работы с острым инструментом, чтобы не посечь себя и тем самым связать с вещью тесными узами.

Также в ходе работы я внимательно слежу за снами, знаками и стараюсь поддерживать ритуальную чистоту (как свою, так и инструмента, который использую в работе),

чтобы не оскорбить духов, которые, по сути, и будут являться истинными хозяевами этих вещей. Некоторые работы требуют особых условий или добычи правильных компонентов, все это неизменно сопровождает ритуал, в котором порой верно подобранный жест бывает гораздо важнее слов.

Касательно же гальдрастафов, прибегаю я к этого рода магии только в случае крайней нужды и использую в своей практике только те знаки, которые понимаю (или считаю, что понимаю).

С Существует ли у Вас какой-то особый ритуал подготовки перед работой? Не вообще, а именно при создании сакральных вещей?

Прежде чем приступить к работе, я пребываю в нерешительности и долгое время не выпускаю заготовку из рук, сначала я «режу в уме», имитирую те или иные движения, которыми буду позже обрабатывать вещь, извлекая из нее образы, скрытые в ней. Затем я очищаю себя дымом и перьями и жду снов или некоего знака, который убеждает меня

в том, что я могу начать свою работу. Это мой неизменный «ритуал».

С Кроме создания сакральных предметов Вы также проводите так называемый «Курс молодого бойца по магической графике». Расскажите, пожалуйста, немного об этом проекте.

В своем изучении исландских колдовских рукописей (а дело это, к слову, идет у меня медленно, так как знание языков — явно не мой конек) я, конечно, не мог пройти мимо темы, посвященной исландской чародейской графике, и, признаться, эти магические знаки захватили мое внимание поболее даже, чем формы рунического шифрования на «костях и палках» из археологических раскопок. Вначале я пытался подойти к их дешифровке с помощью уже известных мне методов числового шифрования рун, пробовал я и читать их по правилам связанных рун и, хоть и добился в этом кое-каких успехов, все же заметил, что добрая половина знаков устроена иначе. Так, собрав и проанализировав уже около 700 чародейских знаков (совместно с их рецептами), я пришел к выводу, что имею дело с формой рисунчатого письма, иначе — идеографией (*myndtákn*).

Все это время, собирая, анализируя и изучая графические формы колдовских знаков, я в рамках Дома Гальдра открыто делился своими мыслями касательно метода идеографической их дешифровки. Собрав достаточное количество информации, вначале я думал издать книгу, посвященную этому вопросу, но затем, еще немного поразмыслив и оценив количество хлопот, связанных с этим делом, предпочел организовать т.н. «курс молодого бойца», в ходе которого как в рамках тематических лекций, так и в режиме вопрос-ответ, я делюсь результатами своих «идеографических штудий». Исходя из того, что сами графические знаки тесно связаны с сопровождающей их рецептурой, представляющей

из себя в большинстве случаев тот или иной прием симпатической магии, то и этой теме я решил уделить немного внимания в курсе.

Основной задачей курса я ставлю привлечение к изучению исландской

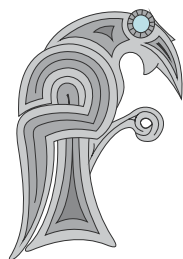
колдовской графики большого количества по-настоящему заинтересованных людей, так как считаю, что, объединив усилия в этом направлении, можно пролить свет на эту (отчасти утерянную) довольно самобытную форму магии.

С Считаете ли Вы, что абсолютно любого человека можно научить магии, или все-таки с этими способностями нужно родиться? Другими словами, если ученик Вашего курса будет самым привлекательным образом слушать все лекции, читать всю рекомендуемую литературу и выполнять домашнее задание — сможет ли он стать магом, даже если до этого «ни сном ни духом»?

О нет, я не настолько наивен, чтобы думать в таком ключе, и от подобной наивности хочу предостеречь: человека можно, конечно, научить многому, можно научить его различным формам магии и приемам колдовства, но это не сделает его магом, магом может сделать человека только случай, только соприкосновение человека с миром духов может изменить его, превратить его в человека знания, наделить (присущей ему) магией, и никак иначе. Человек для человека (будь он сам магом) может послужить проводником или указателем, но станет ли желающий узнать человеком знания, находится сугубо в руках духов и конечно в руках его судьбы. Я считаю, что единственный путь узнать это — испытать себя на этом пути, и нет лучшего способа для человека, ищущего знание подобного рода, как совершить поиск видения в ходе исполнения тех или иных форм ритуала утисеты. Это лучший и прямой путь.

С Одним из пунктов плана Вашего курса является изложение основ симпатической магии. Почему именно симпатической? Вы отдаете ей наибольшее предпочтение по сравнению со всеми другими видами магии? Разве магия подобия не распространена более в Южных Традициях, нежели в Северных?

Верное и полное название этой формы магии — натуральная низшая симпатическая магия, суть ее заключается в выявлении скрытых сил, которые присущи всем вещам без исключения, в область же ее изучения входит всё: камни, кости, органы и части тел животных, перья, травы, деревья, земли и т.п. Все это многообразие естественных вещей, а также формы обращения с ними для выявления, проявления и использования этих сил как самих по себе, так и в результате их взаимодействия, по сути, и составляет фундамент

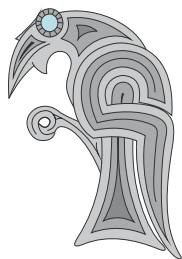

11...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№21
2018

и основу любой формы практического колдовства. Различие же в приемах симпатической магии, которые бытуют на севере и юге, не столь велико, как может показаться на первый взгляд. Так, африканский колдун, желающий вызвать ссору между двумя людьми, использует для своей магии шерсть собаки и кошки (исходя из предпосылки присущей им природной антипатии в отношении друг друга), как это делает и его коллега из северных областей континентальной Европы. В качестве наиболее яркого примера родства магических приемов может послужить довольно интересный факт: в Древнем Египте для того, чтобы стать обладателем магии, заключенной в заклинаниях, записанных на папирусном свитке, его помещали в вино, пиво или воду, чтобы краситель, которым были нанесены иероглифы, растворился и смешался с жидкостью, и затем эту магическую жидкость выпивали, тем самым поглощая заклинания внутрь себя, делая знание, заключенное в них, частью своего существа; подобная же форма счищения окрашенных рунических нарезок и замешивания их в хмельном напитке (для последующего употребления внутрь) может быть найдена и среди процесса инициации, описанного в «Речах Сигдривы».

С В своих исследованиях Вы акцентируете особое внимание, что наносить гальдраставы нужно на «ВЕРНО ПОДОБРАННЫЕ ПРЕДМЕТЫ» (цитата). Не могли бы Вы рассказать нашим читателям критерии верного подбора?

Исходя из того, что я наблюдаю в сопровождающих знаки рецептах, речь идет все о тех же приемах натуральной симпатической магии. Предметы, на которые наносятся знаки для магии, не случайны: во многом они схожи с теми, которые использовались на территории континента, и прекрасно описаны как в «Оккультной Философии» Агриппы, так и в многочисленных гримуарах по типу «Соломоновых ключей». С одной стороны, в них описаны вещи, получающие «силу» по случаю, в результате тех или иных обстоятельств, наделяющих вещь некоего рода «силой», так, например, «роковой силой» обладает «человекоубийственное дерево», а именно — обломок досок с лодок, которые не вернулись

из плавания; с другой — вещи, получающие свою «силу» исходя из собственного естества, благодаря тем или иным астральным влияниям (сигнатурам) планет и звезд, так, «меркуриальная сила» проявляется в природе пастушка, который, верно, заменяет редко встречающегося в Исландии, но более традиционного для континентальной магии удода.

С Где Вы берете информацию для изучения магического наследия Исландии? С каких источников посоветуете начать (продолжить и закончить) тем, кто интересуется данной темой?

Я стараюсь внимательно следить за тем, что пишут «многознающие мужи» нашего времени, такие как небезызвестный корифей-исландист Леонид Леонидович Кораблев, Хайдекен, Вадим Пермин; являюсь частым гостем сайта «Северная Слава», ну и конечно у меня в коллекции все выпуски «Северного Ветра». Стоит сказать, что я перестал следить за работами Антона Платова, так как нашел в последних его книгах зачистившие пассажи из «Understanding the Galdrabók & Creating Original Designs» Грега Кроуфута, а этот подход к дешифровке гальдрастафов считаю в корне неверным и более подходящим для инструкций по пайке микросхем в кружках радиолюбителей.

Чисто тематически конечно изучаю со словарями собрание рукописей на открытом сайте-библиотеке «Handrit.is». От того, что читаю сам, то советую и другим.

С Очень часто магические начертания в исландских гримуарах сопровождаются довольно точными инструкциями по их использованию. Тот же *kaupaloki* требуется наносить на конкретное дерево — бук, а став для охраны хутора от нежелательных гостей следует вырезать на рябиновой палке и окрасить собственной кровью в полдень на середину лета... Как думаете, насколько дотошно следует выполнять предписанные указания или «нету под рукой бука — ну и не надо, береза тоже дерево»?

Лично я стараюсь делать «по правилам» и следую рецептуре, мое мнение таково, что любая замена должна происходить лишь из предпосылки понимания используемых для магии компонентов и должна быть или равной

начной, или же превосходить по своим качествам исходную основу. Увы, в наше время я вижу тенденцию к неразумному упрощению многих колдовских форм, особенно этот невежественный подход распространен в отношении использования компонентов натуральной магии, где ключевые компоненты отбрасываются как излишние, и всё стремятся заменить бумагой. Хотя, казалось бы, в наше время мы как практикующие с относительной легкостью можем добывать для своих экспериментов гораздо более сильные и лучшие компоненты, чем те, которые смог бы добыть в средние века житель Исландии. Мое мнение таково, что следует осваивать для целей графической магии как компоненты флоры и фауны региона проживания, так и экспериментировать с более экзотическими компонентами, тем самым улучшая и расширяя свои возможности в практике. Так, я экспериментирую, используя в своем колдовстве не только привычные для традиционного исландского колдовства компоненты, но и более экзотические: амарант, эбен, лиану венсе баталла, пало санто и пр.

С *Играет ли Колесо Года особое значение в Вашей жизни? Отмечаете ли Вы сильные точки этого Колеса или еще какие-либо другие Традиционные праздники?*

31 октября я совершаю ежегодные жертвенные возлияния Господину Воронов, больше никаких праздников у меня нет, но есть время, которое для того или иного колдовства годно, и если есть у меня в том необходимость, то я этому времени следую.

С *Что для Вас вообще Традиция? Считаете ли Вы, что главная задача — это макси-*

мальное её сохранение в таком виде, в котором она существовала тысячи лет назад, или ко всевозможным нововведениям следует относиться философски, считая их неотъемлемыми аспектами современного мира? И возможно ли достичь разумного компромисса между этими подходами?

Любая Традиция, верно, подразумевает существование прямой линии передачи — преемственности. В отношении того, что принято именовать «северной традицией», о существовании прямой линии передачи традиционных форм поклонения, ритуала, включающего в себя некогда развитый институт жречества, говорить не приходится, так, говоря о «северной традиции», мы вынуждены признать то, что говорить нам придется не о наследовании как таковом, а, скорее, о тех или иных формах ее реконструкции. Исходя из этого, слово «традиция» — не совсем верный термин, думается мне. А раз дело касается реконструкции, то тут без нововведений уж никак нельзя обойтись, иногда это ведет к развитию и усложнению форм поклонения и восстановлению некоего рода института жречества в рамках отдельных религиозных групп, тогда это нельзя не приветствовать, в особенности, если это выходит за рамки ролевой игры и переходит в дело серьезное. С другой стороны, в отличие от утраченной древней языческой веры, мы все же можем говорить о некоего рода «традиции» в отношении «традиции книжной», вот эту «книжную традицию», я считаю, нужно всячески защищать от искажений и стремиться переводить, всецело изучать и наследовать.

С *И последний традиционный вопрос, какие перспективы развития, на Ваш взгляд, существуют в наших странах у язычников вообще и асатруа в частности?*

Пока существуют верные — будут строиться капища, будут приноситься жертвы и восславляться боги. Так было и так будет. То уходя в тень, то выходя из нее, древняя вера смогла уцелеть, но не смогла сохраниться в первоизданном виде, будет ли она восстановлена настолько, чтобы пустить крепкие корни и устоять перед натиском современного мира — покажет время. ◆◆◆

Большое спасибо, что уделите время нашему журналу. Очень надеемся увидеть Ваши исследования и в следующих номерах «Северного ветра».

Пусть боги подарят Вам свое благословение и поддержку на Пути!

13...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№ 21
2018

ЗНАЧЕНИЕ слова «символ» в своем современном звучании весьма широко. Восходя к греч. *symbolon*, что по-прежнему это слово может обозначать и некий необязательно графический образ, в сжатой — «символической» — форме передающий суть и смысл той или иной идеи. Так образ Древа Мира символизирует в Традиции идею взаимосвязи миров и единства Мультиверсума.

...Многие сакральные образы и символы индоевропейской Традиции являются уникальными — в том смысле, что они не встречаются или не имеют соответствующего мистического значения за ее пределами. Так, мы уже говорили об ограниченности ареала распространения свастики, и еще будем говорить (в следующих номерах журнала) о том исключительном значении, которое имеет для индоевропейцев образ боевой колесницы. Однако вместе с этим в Традиции присутствуют, разумеется, и образы практически универсальные для человечества в целом. Один из таких образов — Древо Мира.

Гальская монета в виде Древа.

О Мировом Древе написано огромное количество работ — и общих, и касающихся частных аспектов его идеи, образа и символики в мифологии, в ритуальной и магической практике. Нет смысла повторять их, но стоит просто обозначить основные принципы —

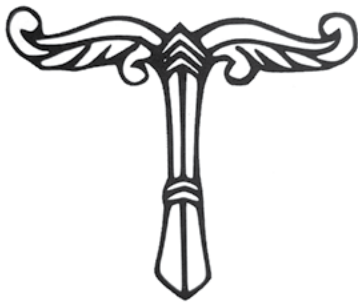
ориентируясь конкретно на интересующий нас северо-западный регион, ведь даже универсальные символы, будучи используемы конкретным этносом, приобретают определенную специфику.

Итак, во-первых, Мировое Древо являет собой *axis mundi*, «ось Мира», отмечающую его абсолютный центр, *полюс*, где пересекаются пути богов и где находится источник Силы, питающей Мир. Хорошо известно, что в Традиции любое сакральное действие происходит в особом, *мифологическом* времени (так мистерии, повторяющие события мифов, возвращают участников к «началу времен») и в особом, *мифологическом* пространстве — фактически, в центре Мира, у корней Мирового Древа¹. Святилище, на котором совершается действие, оказывается при этом центром сакральной географии Мира, и потому для индоевропейских святилищ характерно наличие центрального «священного столба» или столбообразного кумира бога, олицетворяющих именно Мировое Древо, а иногда — и его прямое изображение.

Таковым, возможно, был знаменитый *Irmisul* — священная колонна одного из важнейших германских храмов, снесенная в 772 году Карлом Великим. Рудольф из Фулды в своем описании святилища (середина IX века) дает ему следующее определение: «*Universalis columna quasyi sustinens omnia*» (лат. «Колонна Вселенной, на которой держится все»).

Неслучайно, конечно, и то, что одно из важнейших магических свершений скандинавских богов — обретение рун Одним — происходит в «главном святилище» Мироздания, прообразе всех прочих святилищ, — на ясене Иггдрасиль, как скандинавы именовали Древо Мира.

¹ См., например, работы М.Элиаде.

Предполагаемое изображение Ирминсуля мы находим на рельефе «Снятие с креста» из Экстернштайна, где находилось древнее германское святилище, ассоциируемое с данным монументом. На рельефе мы видим данный символ согнутым или сломанным — вероятно, это отражение торжества христианских священников по поводу победы над местным язычеством. На рисунке — современный символ Ирминсуля.

Во-вторых, Древо Мира вполне можно было бы именовать и «Древом миров» — в том смысле, что его корни и ветви связывают в единое целое миры Мультиверсума. Так говорит об этом древняя провидица в эддическом «Прорицании Вёльвы»:

*Помню девять миров,
и девять корней,
и Древо Предела...*

(Прорицание Вёльвы, 2)

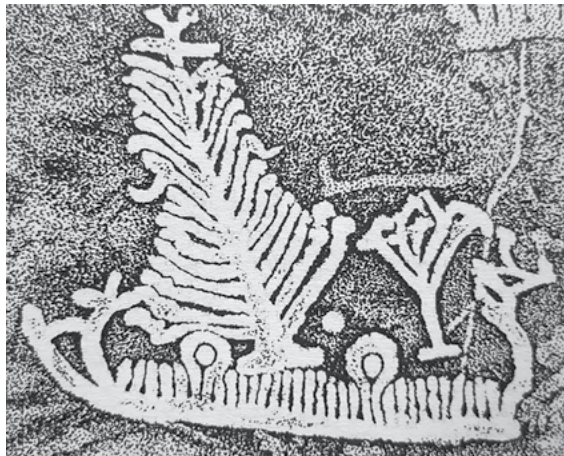
С этим связано свойственное Традиции представление о магических путешествиях между мирами, родственное аналогичным представлениям шаманских культов, но обладающее у индоевропейцев собственной спецификой². У современных народов, сохранивших традиции шаманизма, путешествие в иные миры прямо описывается как подъем по Древу Мира в Верхний мир или, наоборот, спуск по его стволу в мир Нижний. В северо-западных ветвях индоевропейской Традиции этот вопрос выглядит сложнее, но суть остается той же; так, скандинавское имя Древа Мира — *Иггдрасиль* — дословно означает «Скакун Игга», т.е. Одина, что возвращает нас к представлениям о волшебном коне, на котором Один странствует между мирами.

* * *

Символические изображения Древа Мира, — возможно, одни из древнейших заведомо индоевропейских — мы встречаем уже среди скандинавских наскальных рисунков. Эти изображения разнообразны и часто связаны с рисунками кораблей. Позднее —

² Подробнее о путешествии между мирами см., например: А.В.Платов. Дорога на Авалон. М., 1997

именно как часть художественного наследия **hällristningar** — аналогичный знак появляется на одном из древнейших готландских памятных камней — на камне из Санды (V—VI века н.э.).

Изображение Древа Мира, вырастающего над кораблем. Наскальный рисунок, Бохуслан, Швеция. Эпоха бронзы.

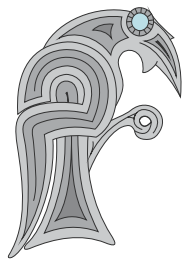

Изображения кораблей, магических символов и Древа Мира. Наскальный рисунок, Остфольд, Норвегия. Эпоха бронзы.

В железном веке аналогичные простые и схематичные изображения (можно даже сказать — символы) Древа появляются и на кельтских монетах. Позднее эти изображения усложняются, теряя характер «геометрического» знака и превращаясь в довольно сложные художественно-рисунки, как, например, на приводимой ниже галльской монете.

Изображение Мирового Древа на галльской монете. Мы видим здесь направляемого

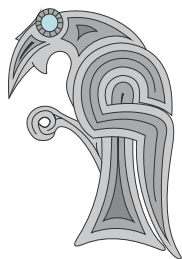
15...

СЕВЕРНЫЙ

ВЕТЕР

№ 21
2018

всадником коня с человеческой головой (андроцефала). Перед грудью коня — неясный знак в виде решетки (по предположению Л. Ленггеля — символ звёздного ночного неба); под конем — Древо Мира, вырастающее из опрокинутого полумесяца. На каждой ветви дерева — три ягоды; это позволяет предполагать, что древний мастер подразумевал тис, который у многих европейских народов считался священным.

...В разное время у разных народов Мировое Древо ассоциировалось с разными породами деревьев: с дубом, ясенем, тисом, елью. Но древнейшим для индоевропейцев, вероятно, все же следует считать образ Древа Мира как дуба.

Любопытно, что почитание дуба распространилось у кельтов и на его плод — желудь, в котором они видели (насколько мы можем судить) образ зародыша Мирового Древа и, стало быть, Мироздания в целом, своего рода носителя концентрированной Силы Мира. Изображение желудя встречается на целом ряде кельтских монет; известны и кельтские украшения в виде желудей — например, бронзовые подвески с Иберийского полуострова, датированные концом железного века. Вполне возможно, к слову, что подобное отношение к желудю как к сакральному символу присутствовало отчасти и у германцев.

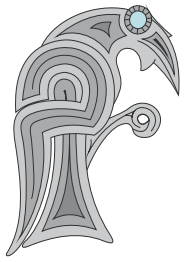
... 16

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 21
2018

Идеографический подход к дешифровке гальдрастафов

Резчик Идолов

Не все чародейские знаки (galdra-stafir), дошедшие до нас в рукописных исландских источниках, посвященных магии, могут быть прочтены методами (де)шифрования связанных в связки рун (band-runir), и многие из дошедших до нас чародейских знаков, думается, и вовсе рун не содержат, но состоят из руноподобных графических знаков, выражающих некие идеи, служащие для описания с помощью них событий (и их очередности) с целью оказать влияние на их исход. Подобная форма рисунчатого письма может быть названа пиктографией или идеографией.

Введение в идеографию

❶ Круг (Höfuð).

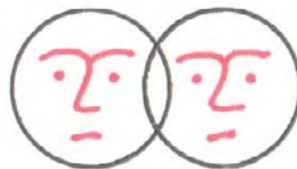

Первейшей и основной идеографической формой является Круг, чаще всего круг представляет из себя «голову» (höfuð) и является обозначением субъекта. В роли субъекта может выступать как человек (мужчина или женщина), так и животное (домашнее или дикое), птица, рыба или даже дух (различной природы). Иногда внутри круга изображено лицо, иногда изображение лица отсутствует.

Кругов может быть несколько: два, три и более. Существует несколько наиболее частых форм комбинаций кругов.

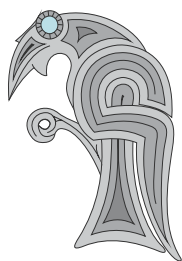
Графическая форма, в которой два круга сцеплены вместе, выражает идею объединения.

Сходная идея объединения (связи) может быть выражена в другой графической форме — один круг вписан в другой, но в зависимости от назначения знака может иметь разные значения.

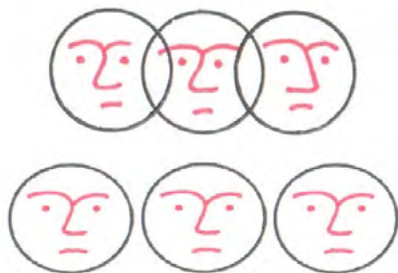
17...

Так, эта форма записи может выступать в значении «два субъекта вместе», и тогда это могут быть любовники, семейная пара, друзья и т.д., или же таким образом может быть изображен всадник на лошади, эта же форма часто может быть встречена в знаках для обнаружения вора, где внутренний круг будет изображать образ самого вора, а внешний — миску с водой, в которой этот образ проявляется. Внешний круг также может выступать в значении защиты, линии обороны (varnarlina), так, допустим, если защитный знак помещается в головной убор, то внешний круг будет выражать как идею защиты (ограды), так и сам головной убор, в который его поместили, а внутренний — голову, на которую его надели (см. приложение «Hagall hinn meiri»). В таком виде эта же графическая форма может интерпретироваться также как «один в другом».

Три Круга. Число 3 всегда выступает в значении «много», так, три круга-головы могут быть записаны отдельно или сцеплены между собой.

Также 3 круга могут быть вписаны друг в друга и означать «много людей».

Иногда в чародейской графике встречается и большее количество кругов, но пока не ясно, что именно они описывают в каждом конкретном случае (так, например, четыре круга, вписанных один в другой, могут описывать «много людей» (3 круга) внутри защитной круговой линии (varnarlina) и т.п.)

② Дуга (Spor).

Знак движения происходит от знака круга (головы), графически представляет собой дугу или след (spor) и выражает идею движения субъекта (головы).

В основном существуют следующие элементарные формы знаков движения:

1) один след — сделать шаг, идти, двигаться в том или ином направлении.

2) два следа — сделать два шага, следовать (идти след в след), переступить (например, порог), войти внутрь (ступить обеими ногами).

3) три следа — сделать три шага, быстро идти, бежать, лететь, ехать и т.п. при описании быстрого движения.

③ Линия (Gata).

Линия представляет собой дорогу (gata) и выражает направление движения, а также является основой, на которую «нанализываются» другие знаки движения и действий, описывающие происходящие события. Дорога может быть записана сама по себе, а может быть основой различных фигур, например, крестов (перекрестков), звезд, углов и т.д. Линия/дорога может быть прочерчена непосредственно от круга/субъекта в одном или нескольких направлениях:

1) дорога, начинающаяся от головы. Дорога может быть сформирована от знака движения и представлять собой направление,

заданное для этого движения. В этом случае движущийся по дороге не конкретизирован и может быть как субъектом, так и некоей (зачастую) абстрактной силой, например, ветром, удачей и т.д.

2) дорога, формирующаяся из знака движения, — «начать движение в заданном направлении». Знаки движения могут находиться непосредственно на линии, например в значении:

а) «идти по дороге»;

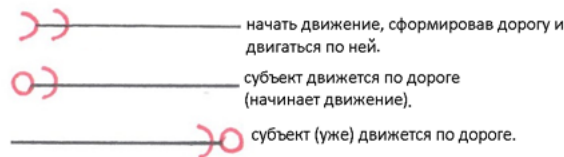
б) «следовать по дороге» (за кем-либо) или, в зависимости от общей идеи знака, «переступить через препятствие на дороге»;

в) «быстро двигаться по дороге» (бежать, лететь и т.п.).

Примечание. Зачастую при подобного рода записи линия/дорога начинается (или оканчивается) со знака субъекта или со знака движения:

Дорога также может оканчиваться знаками движения.

Возможны и другие, как простые, так и сложные комбинации.

4 Перечеркнутая Дуга (Hömlur).

Перечеркнутая дуга, а точнее, перечеркнутый след, выражает идею отмены или запрета движения, сдерживания или ограничения движения (hömlur от hamla — узы, препятствие, стопор).

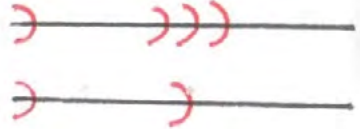

Таким образом, может быть запрещено (остановлено) не только движение, но и дорога в целом, а равно и все события, описанные на ней, например:

1) может быть запрещен вход на дорогу (ее формирование из знака движения).

2) могут быть остановлены разные формы движения по дороге.

3) может быть остановлен субъект.

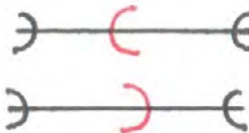

Знак запрета движения может быть продублирован на концах дороги, тогда всё, что находится на дороге, будет связано (удержано внутри нее).

По такому же принципу может быть связано движение по дороге, например:

1) связать движение по дороге (в одну и в другую сторону).

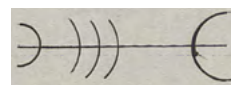

2) связать быстрое движение по дороге.

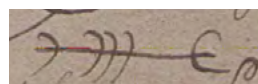
Эту форму графики мы встречаем в качестве самостоятельных знаков в двух случаях:

а) его чертили своей слюной на лбу, «дабы ни в чем не опозориться», верно, для того, чтобы сосредоточить свой ум (связать быстро проносящиеся в голове мысли);

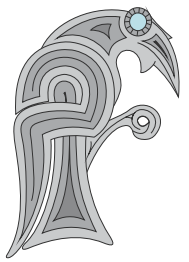

Lbs 5472 I 4to

б) форма защитного знака, который следовало резать серебряным шилом на можжевелевом дереве и подвешивать у входа супротив проникновения в дом злых духов, верно, проникающих вместе со сквозняками — быстрыми порывами ветра.

Lbs 2413 8vo

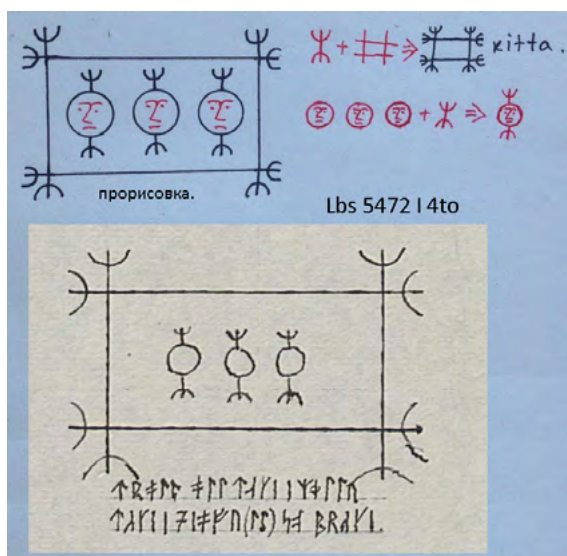

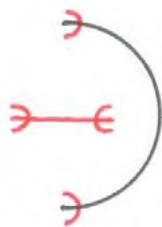
3) может быть связана голова, а равно — удержан субъект.

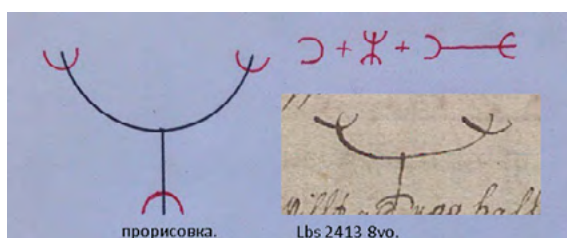
Эту форму графики мы можем встретить в знаке «Замколом» (LásaBrjótur), где решетка на основе «связывающих знаков» представляет из себя самостоятельный знак Kitta (замазывать, заделывать замазкой), представляющий здесь закрытое внутреннее пространство — запертый замок — с помещенными внутрь него духами-дьяволами (три связанных круга/головы в значении «много субъектов»).

4) может быть связан непосредственно сам знак движения — след.

Эту форму графики мы можем видеть, например, в знаке для игры в карты (из Lbs 2413 8vo). «Не ходи в мою сторону» — так может быть описана основная идея этого знака.

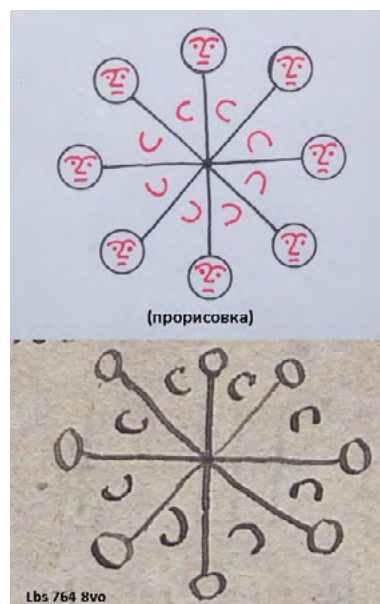
Таким образом могут быть связаны и иные знаки в значении «удержать, ограни-

чить движение/действие (и тем самым нейтрализовать), остановить и т.п.»

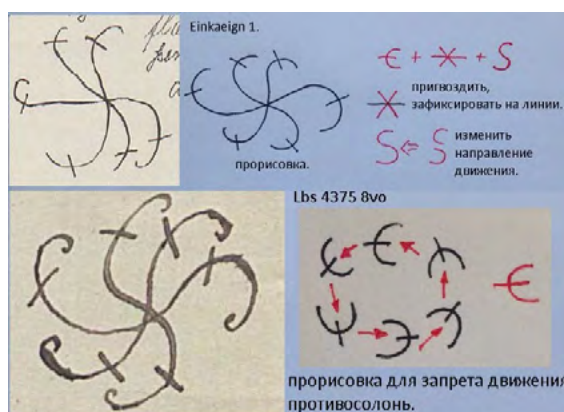
Существует множество других элементарных знаков движения и действий, а равно и их комбинаций для описания тех или иных идей, но рамки данной статьи не позволяют перечислить и описать все известные мне формы и комбинации, потому я опускаю их описание и в качестве дополнительного примера даю еще несколько кратких идеографических разборов чародейских знаков.

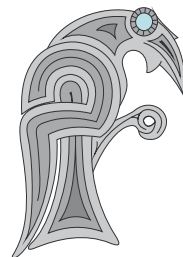
Приложение.

1. Чтоб вор не вышел из дома. Этот знак резали на дубе и прятали в пороге. Субъект (вор) в какую бы сторону не пытался выйти, вынужден двигаться противосолонь (движение противосолонь считается запутывающим) по кругу (как скотина на привязи).

2. Чтоб овцы не разбрелись и не потонули в потоках. Основа — знак фиксации, состоящий из трех знаков изменения направления движения, знаки движения противосолонь (в значении «заблудиться») перечеркнуты. Овцы «пригвождены» к месту без возможности разбрестись и заплутать.

3. Hagall hinn meiri. Защитный знак, резали его на свинце и помещали в свой головной убор. Голова/субъект помещен внутри защитной линии (головной убор надет на голову), 23 знака запрета движения в данном случае — это буквы алфавита, а равно и слова, из них состоящие.

На данный момент идеографический подход к дешифрованию исландских колдовских знаков — способ новый и все еще находящийся в процессе становления. Увы, недостаток информации и русскоязычных переводов исландских манускриптов, посвященных этому роду магии, не способствует быстрому продвижению исследований в этом направлении, но я надеюсь, что моя работа не останется незамеченной и привлечет свежие умы энтузиастов к решению проблемы окончательного дешифрования исландского графического магического наследия, так как эта форма магии самобытна и уникальна, она, безусловно, заслуживает того, чтобы снова быть понятой и возродиться к жизни в наше время. ◆◆◆

Контакты для связи с автором:
https://vk.com/rezchik_idolov
https://vk.com/dom_galdra

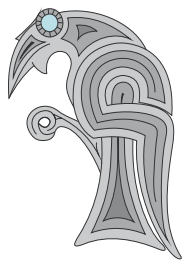

21...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№ 21
2018

Вячеслав
ВОЛОДИН

Newark Odinist Temple: первый в Британии

Первый за тысячу лет

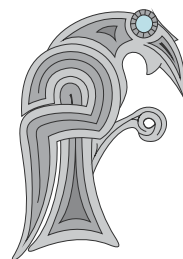
На праздновании Мидсаммера в июне 2014 года, в день летнего солнцестояния, британское сообщество одинистов *Odinist Fellowship* основало первый в Англии языческий храм за тысячу лет. Ральф Харрисон (*Ralph Harrison*), глава сообщества, освятил старинное здание, в котором расположился Храм одинистов Ньюарка (*Newark Odinist Temple*). Он же и повесил мемориальную доску в честь этого знаменательного события.

Здание храма находится в городе Ньюарк (*Newark on Trent*) графства Ноттингем и было построено в 1556 году как небольшая каменная часовня *Bede House Lane Chapel* для окружавших её тогда приютов. Бывшие в старину приюты и богадельни назывались в честь Беда Достопочтенного — они и дали название прилегающей к храму улочке *Bede House Lane*. В XX веке здание уже не принадлежало Англиканской церкви, и в нём некоторое время располагался офис местной благотворительной организации. Приходившую долгое время в упадок часовню городские власти выставили на аукцион, и сообщество *Odinist Fellowship*, собрав 46,000 фунтов стерлингов (~64,000 долларов США), приобрело здание. Ещё 15,000 фунтов (~21,000 долларов) сообщество потратило на обширные реставрационные работы, проводимые компанией *Newark Kirk&Bills*. Эта инициатива была тепло встречена национальным «Обществом защиты древних зданий», и ими также были пожертвованы 2,000 фунтов стерлингов на ремонтные работы. И из-за протечек и живописной мшистой поросли на стенах, с новыми коммуникациями и обновлённым внутренним убранством, восстановленный храм открыл двери для всех желающих. Чуть позже, в 2015 году, здание *Newark Odinist Temple* было официально признано местом отправления религиозного культа согласно акту 1855 года о местах поклонения.

Храм одинистов Ньюарка — второе по древности здание в городе. Фасад бывшей часовни XVI века, украшенный рельефным декором из натурального камня, отлично передаёт дух тюдоровской Англии. «Маленькая жемчужина», как называют это историческое строение местные жители, стоит в окружении более высоких соседних зданий, потому спрятана от праздных обывателей в сердце квартала. Храм представляет собой ориентированное по сторонам света одноэтажное здание

с характерными для старинных английских церквей фронтонами, образованными двускатной черепичной крышей с деревянной башенкой колокольни. Кладка фундамента святилища выполнена из обтёсанных грубых блоков, основание стен дома до трети высоты выложено из более правильных камней, а верхнюю часть стен западного и восточного фронтона составляет крупный щебень. Используемый в большей части строения лиасский известняк и позволил зданию сохраниться до наших дней — благодаря силикатным составляющим камня кладка со временем стала монолитной. Белоснежная деревянная звонница, забранная деревянной решёткой, венчает западную часть крыши и декорирована резным изогнутым навершием. На северной стороне и на восточном фронте храма расположены два высоких староанглийских стрельчатых окна «в клеточку». Южную сторону дома украшает резной каменный портал входа с деревянной дверью. Выходящий на улицу западный фронтон под самой колокольней несёт барельеф, изображающий щит, — средневековый символ защиты угнетённых. Это вполне соответствует общественному статусу храма одинистов, так как он является благотворительной организацией. Под щитом на высоте $\frac{2}{3}$ от основания стены помещено глубоко врезанное в камень изображение молота Тора, служащего символом веры британского одинизма.

В стенах святилища

Внутреннее пространство храма составляет единственный общий зал с возвышающимся алтарным пространством в восточной части здания. Мягкое освещение и светлая цветовая гамма стен также призваны посредством иллюминации создать акцент на алтарной зоне. Алтарь представляет собой покрытый белым полотном массивный стол из тёмного английского дуба, на котором хранятся священные реликвии одинистов: окованный золотом питейный рог, филигранное клятвенное кольцо, железный молот Тора, фаянсовая чаша с землёй и изящный кувшин. Такие же предметы лежат на двух соседних столах, отличаясь только серебряной отделкой.

Интерьер святилища составляют мебель из орехового и красного дерева, контрастирующие с ней белые занавеси и полотна, каменные мемориальные доски о строительстве и освящении храма и посвящённые северным божествам авторские картины. Картины были преподнесены их авторами в дар сообществу Odinist Fellowship. Странствующий Один и управляющий колесницей Тор соседствуют с храбрым Тюрором и Фрейром, а также с благостной Фрейей, Эйр и Фригг — их изображения встречают посетителей храма Newark Odinist Temple. Под каждой из семи картин есть небольшая табличка с молитвой к божествам.

Ральф Харрисон пишет:

«Боги — это, конечно, Дух. Эти живые, умные, могущественные существа всегда присутствуют рядом, несмотря на их эфирность и незримость. Мы, одинисты, не поклоняемся этим образам, поскольку мы не «идолопоклонники»; но изображения — наша попытка воплотить духовные истины в понятный людям язык».

23...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 21
2018

При всей простоте убранства здание храма вмещает 36 человек и регулярно используется двумя местными общинами — группой *Hearth of the Hammer* графства Ноттингем и группой *Wayfarer's Hearth* графства Линкольн. Свои общины единисты называют «Очагами» (*Hearth*), так как обычно они собираются на праздниках в домашних группах. Также они проводят открытые церемонии в исторически значимых местах или на особо красивых участках местности, таких как мегалит *White Horse Stone*, курган *Grim's Mound* или водопад *Aysgarth Falls*.

Обрядовой частью руководит священник, стать которым может любой взрослый единист, мужчина или женщина. Священнослужителя выделяет из ряда последователей церемониальное одеяние и золотые украшения: доходящий до пола широкий белоснежный балахон стянут чёрным поясом, голову жреца покрывает чёрный капюшон, переливаются золотыми искрами мьельнир на шее и клятвенное кольцо на запястье. Произнося слова молитв, песнопений и стихов, священник поднимает питейный рог во славу божеств северного пантеона, орошает из рога землю в чаше и передаёт напиток по кругу. Используемый в ритуалах напиток *Mead* варится священником из мёда и является древнейшим алкогольным напитком, известным человеку. В этом питье единисты видят символ божественной мудрости и творческого вдохновения.

О хранителях Храма

Участники сообщества *Odinist Fellowship* считают возведение собственного храма по-настоящему историческим событием. После тысячелетия забвения бывшая родной для саксов, англов и ютов вера в древнейших богов возрождается и обретает своё место в Великобритании. Этот шаг приближает давнюю цель сообщества, выраженную в проекте по созданию целой сети единистских храмов по всей стране.

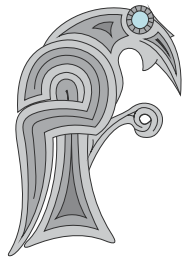
Путь к возрождению нативного язычества Британских островов был тернист, но продуктивен. В 1980 году образовалась организация *Odinic Rite*, бывшая до этого года скорее оккультной, чем религиозной. К тому времени уже начали спорадически появляться первые единисты, не-одруиды и викканы, участвующие в массовых нью-эйджевых фестивалях. И 1 июня 1985 года разразился национальный скандал, когда 1,300 офицеров полиции безжалостно разогнали фестиваль близ Стоунхенджа. Эта акция вошла в историю как «Битва при Бинфилд» (*Battle of the Beanfield*) и запомнилась самым массовым арестом в истории современной Англии: 537 человек арестованы и 24 госпитализированы. Резонанс события лишь помог развитию религиозной терпимости в обществе, и в 1988 году *Odinic Rite* был признан благотворительной организацией.

Большого добилось вышедшее из *Odinic Rite* сообщество *Odinist Fellowship*: в 2006 году единизм был юридически признан религией в ходе слушаний по делу о дискриминации религиозных прав Дональда Холдена. Тогда мусульманские работники Королевской Почты препятствовали Холдену проводить языческие моления.

Большого добилось вышедшее из *Odinic Rite* сообщество *Odinist Fellowship*: в 2006 году единизм был юридически признан религией в ходе слушаний по делу о дискриминации религиозных прав Дональда Холдена. Тогда мусульманские работники Королевской Почты препятствовали Холдену проводить языческие моления.

В 2017 году основатель *Odinist Fellowship* Ральф Харрисон называет цифру в 10,000 единистов по всей стране и, вероятно, поэтому требует у Англиканской Церкви передачи двух церквей, скрывающих под фундаментом древние святилища английских язычников. А в феврале 2018 уже само правительство Великобритании в лице Министерства Юстиции [принимает законопроект](#),

согласно которому из числа британских одинистов, друидов и виккан будут набраны 40 капелланов для религиозной службы в исправительных учреждениях.

На сегодняшний день

Хранители храма Newark Odinist Temple продолжают проводить религиозные таинства, всегда ожидают новых посетителей и одерживают маленькие, но столь нужные современному язычеству, победы. Недавно одинисты подписали договор аренды с Окружным советом Ньюарка и Шервуда, по которому они на семь лет получают во владение прилегающую к храму часть улицы с внутренним двором. Они весьма довольны этим решением и готовы облагородить территорию, установить информационный щит и оградить здание святилища от дороги.

Храм используется и как место общих собраний, а выносимые в святых стенах решения обязательны для всех участников сообщества Odinist Fellowship. Так в июне 2017 года на праздновании Мидсаммера встретились активисты сообщества со всех концов страны и решили, что храмы могут существовать только за счёт пожертвований, не взимая платы за вход. Одинисты считают, что деньги не должны взиматься с тех, кто приходит в святилище ради молитв, поклонений или созерцания. И это также отличает языческий храм от большинства христианских церквей Англии.

Несмотря на малоизвестность храма, в его стенах регулярно звучат клятвы новопришедших одинистов, и среди неофитов встречаются дети и подростки. Это лишний раз подтверждает, что у Северной Традиции есть будущее, и оно сокрыто в подрастающем поколении. Именно для потомков язычники сегодня воздвигают святилища и строят храмы по всему миру, чтобы в будущем уже их дети могли вспомнить древнее наследие их народов. И только через эти достойные деяния возможно обеспечить бессмертие Традиции, ведь не умирает то, что обретает вечную славу.

Полезные ссылки:

- 🔗 [Сайт Odinist Fellowship](#)
- 🔗 [Сайт храма Newark Odinist Temple](#)
- 🔗 [Страница с контактами храма](#)

25...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№21
2018

Военно-исторические и военно-социальные аспекты культуры архаической Скандинавии до эпохи викингов: расстановка акцентов

А. А. ХЛЕВОВ

Проблематика эпохи викингов — каких бы аспектов она ни касалась — традиционно пребывает в фокусе внимания специалистов в области скандинавистики. При всей сложности интерпретации ряда ключевых моментов истории этого периода, обилие источников и относительная хронологическая близость делают период походов викингов достаточно ясным для анализа и оставляют в нем не так много по-настоящему «белых пятен». Однако ситуация с предшествующим периодом выглядит далеко не так привлекательно. Особенности исторического бытия римского и германского железного века освещены источниками достаточно пунктирно. Вместе с тем, именно они позволяют определиться с ответами на несколько ключевых вопросов и, в частности, с решением основной проблемы — проблемы начала походов викингов.

... 26

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 21
2018

В самом деле, переход от вполне «инкубационного» состояния Скандинавии после ее культурного обособления, после завершения Великого переселения народов, к достаточно интенсивной и осуществляемой в различных формах экспансии продолжает являться существенной проблемой. Интересно, что в европейской немарксистской науке продолжает широко использоваться идея «материального фактора» — демографический скачок, нехватка пищевых и земельных ресурсов, развитие технологий кораблестроения и судоходства. При этом отечественная (марксистская, что характерно) наука уже в 1960-1980-х гг. сделала основной упор на факторах социальных («апгрейд» родового общества до более высокого уровня (Г.С.Лебедев, в частности)) и идеологических (формирование особого типа ментальности, ориентированной на престижность «походного» образа бытия (А.Я.Гуревич, М.И.Стеблин-Каменский)) — то есть, в конечном счете, также социальных. Именно этот подход представляется автору единственно верным и оптимальным, и отнюдь не из квасного патриотизма, но в силу того, что он активно по-

глощает вышеназванные факторы, которые сами по себе в одиночку не способны объяснить экспансию викингов. Поскольку таковая существует не сама по себе, а как элемент цепи многочисленных экспансий разных эпох, очевидно, что она нуждается в анализе именно как стадийное явление, объяснимое лишь с социальной точки зрения.

Вместе с тем, не приходится сомневаться, что из всех базовых аспектов культурного бытия социального организма аспект военно-технический, без сомнения, выступает в качестве одного из важнейших. Более того, коль скоро речь заходит об эпохе средневековья, в особенности раннего, данный аспект приобретает едва ли не структурообразующий смысл. В самом деле, в качестве важнейших характеристик раннесредневекового общества выступают его аграрность и повышенная степень конфликтности. Как то, так и другое стало, как известно, в конечном счете причиной формирования весьма специфических социальных структур так называемого феодального типа. Их специфичность, собственно, и была обусловлена острейшей

необходимостью создания эффективных воинских формирований в основном профессионального типа в условиях острейшего же дефицита ресурсов, — как сырьевых, так и пищевых, — что спровоцировало весьма ограниченную численность этих отрядов и, в конечном счете, их элитарность.

Другая важнейшая черта раннесредневекового военного дела — чрезвычайно устойчиво переживаемый «римский след». В оружейной сфере, по крайней мере, техническое влияние римского опыта (особенно эпохи позднего принципата и домината) ощущалось исключительно сильно, воздействуя на технологии и типологическую эволюцию отдельных видов вооружения вплоть до развитого средневековья. В сущности, вообще сложно говорить о чисто варварском комплекте вооружения — речь может идти лишь об отдельных его элементах, имеющих, например, сугубо германское происхождение. Примечательно при этом, что воздействия вне технической сферы — в тактике, логистике, стратегии и т.п. — мы уследить почти не в состоянии.

Наконец, третьим фактором, долженствующим быть принятым во внимание, является то обстоятельство, что в силу географических причин процесс интенсификации экспериментов с конницей и ее относительно бурное развитие, имевшее место в Западной и Центральной Европе, практически ни в какой мере не характерны для Северной Европы и Британских островов. Этот корректирующий момент действует не только на протяжении всего раннего средневековья, но в том числе свойственен и Темным векам. Без учета этого обстоятельства многие параллели окажутся неработоспособными.

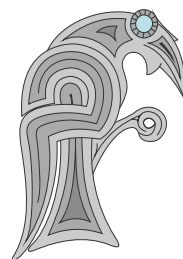
Исследуя вопрос бытования, эволюции и применения вооружений первых веков нашей эры и раннего средневековья как повсюду в Европе, так и конкретно в Скандинавии, мы сталкиваемся с рядом проблем. Первая из них — наиболее общая для всего периода — острый дефицит источников. Слабая репрезентативность текстов, имеющих континентальное или британской происхождения, в части интересующей нас проблематики сменяется их полным отсутствием в Северной Европе. Очевидно при этом, что Север, однако, дает гораздо больший простор для экстраполяции — в силу замедленности здесь развития, в том числе и в оружейной сфере. Однако эти экстраполяции также имеют естественный и разумный предел. Так, если переносить опыт тактических действий скандинавов эпохи Хаврсфьорда или Свелда на эпоху вендельских лидеров более-менее корректно

и рационально, то утверждать тождество оружия даже на протяжении двух-трех веков совершенно недопустимо. Лишь факт употребления того или иного предмета вооружения может быть извлечен из ретроспективных свидетельств, наиболее информативными из которых остаются «Сага об Инглингах» и «Беовульф».

Археологические свидетельства в этом отношении остаются единственными адекватными источниками как позитивных данных, так и гипотетических суждений. Однако при их анализе возникает следующая проблема. Предметы вооружения как артефакты повышенной ценности, жизнеобеспечивающий фактор, а нередко и объект ритуализации зачастую могли служить нескольким хозяевам и надолго переживать эпоху своего создания. Кроме того, многие из них не имеют отчетливо документированной истории в силу случайности этих находок, отсутствия данных об их археологическом контексте и т.д.

И даже если учесть, что точная датировка здесь все же вторична и ею можно пренебречь, все равно остается третья проблема, связанная с возможностью дальних перемещений оружия в ходе масштабных переселений и походов. Этот фактор нередко удручающ, поскольку полностью вырывает артефакт из его контекста и резко снижает ценность находки. Отметим, тем не менее, что, во-первых, его влияние несколько сглаживается фактом высокой унификации (не тождественности!) оружия в построманской Европе (каковой можно в целом давно уже принять как аксиому), а, во-вторых, в гораздо меньшей степени относится к региону Фенноскандии.

Таким образом, целью данного исследования является, во-первых, установление общих закономерностей трансформации оружейного комплекса в Скандинавском регионе и, во-вторых, определение возможностей корреляции военно-технической информации с социальными выводами, рисующими непротиворечивую картину общества, которое вступает в эпоху массовой экспансии. Разумеется, краткое исследование не претендует на анализ всех аспектов заявленной проблемы — это лишь попытка именно «расстановки акцентов», как это и заявлено в названии, и, отчасти, — определение путей, на которых поиск может быть наиболее плодотворным. Вместе с тем, мы полагаем, что в данном случае уместен и необходим относительно детальный экскурс в контекст проблемы, каковым является военно-исторический фон первых веков н.э.

27...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№ 21
2018

Фактологической канвой рассматриваемого вопроса являются весьма бурные изменения, происходившие в римской армии эпохи позднего принципата и домината — изменения как этнического, так и технического свойства. Разбавление армии представителями варварских племен, безусловно, носило относительно односторонний характер: оно касалось прежде всего вспомогательных и национальных формирований, бывших до того несколько маргинальными подразделениями, но теперь приобретающих все большее значение (Albrethsen 1997: 215-216). Собственно легионов это касалось меньше — если и происходило их разбавление варварским элементом, то римские *fabricae* по госзаказу снабжали регулярную армию все же стандартизованными образцами вооружения. Да и оптимизированы были прежние виды вооружения под способ ведения войны, традиционный для римлян, — механическое копирование каких-либо элементов варварского оружия было просто нецелесообразно.

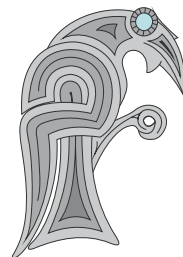
Ключевым является период III-V столетий. Активное привлечение в это время федератов и иноземных отрядов к регулярной службе создает именно ту контактную культурную среду, которая является главным медиатором оружейных традиций Рима и варваров. Особенно интенсивно этот процесс оттока римских импульсов пошел после балканских войн готов 370-х гг. Он был осложнен тем, что сама империя переживала в тот момент сильнейшую ломку традиции. С открытием канала новой волны «конной агрессии» с Востока, Восточная, а за ней сразу же и Западная империи сталкиваются с необходимостью гораздо более масштабного применения кавалерии и, следовательно, смещения фокуса программ закупок вооружения для армии. Несомненно, именно в этот период (конец IV — конец V вв.) был достигнут пик разнообразия вооружений на полях битв, не превзойденный за много столетий в дальнейшем. Смещение римской, западно— и восточногерманской, скандинавской, степной традиций и создало ту питательную среду, которая сформировала оружейную традицию раннего средневековья в целом. Вопрос формирования и роста кавалерийских подразделений, могущих конкурировать с новым типом противника как в маневренности, так и в ударных качествах и запустил механизм становления эффективной европейской конницы, постепенно превратившейся в феодальное рыцарство.

Далее, со второй половины IV в. намечается определенный дисбаланс в самой рим-

ской армии — свое последнее столетие она проводит в условиях заметного дефицита кавалерийских формирований. Для нас принципиально важно, что в период конца IV — конца V вв., в эпоху интенсивного перемещения племен, армий и резкой активизации боевых действий формируется то самое ядро преемственности оружейной традиции, которое будет актуально для Европы в последующие века. Но и с падением Западной империи Восточная будет продолжать исполнять роль ретранслятора римского опыта и транслятора собственных идей в германскую по преимуществу среду Западной Европы.

Итак, основой оружейного комплекса (комплексов) первых веков н.э. в Европе явился детально разработанный и многократно апробированный на разных театрах военных действий набор защитных и наступательных элементов римского вооружения, бытующий в пехотном и кавалерийском вариантах. Ему противостоял весьма разнородный, но менее богатый по числу форм комплекс вооружений европейских варваров, который также бытовал в пехотном и кавалерийском вариантах — правда, их дифференциация была менее существенной, чем у римлян.

Необходимо при этом учитывать, что в основе эволюции и той, и другой систем лежали почти одни и те же формы. И римское, и кельтское, и германское вооружение восходили в своих истоках (в особенности это заметно по наступательному оружию) к образцам, хорошо известным нам по находкам развитого бронзового и раннего железного веков. Допустимо говорить, что некоторые образцы оружия были чрезвычайно близки между собой у предков этих народов в начале I тыс. до н.э. и даже позже. Регулярной была и подпитка традициями соседей (кельтские шлемы, заимствованные римлянами, и др.). Заметим, что интенсивная трансформация оружия у римлян была связана с более тесными контактами с Грецией и Востоком, но главным образом, с постановкой военного дела на иную основу — социальная жизнь прогрессировала в Италии гораздо активнее, чем в лесной Европе. Бой в тесной формации, упор на пешие формирования, а также успехи металлургии обеспечили чрезвычайную популярность короткого меча-гладиуса, ранний и заметный прогресс защитного вооружения пехотинца, редукцию некоторых видов оружия (оттеснение в легкую пехоту метательного вооружения, например) и концентрацию в кавалерии бывшего некогда общеупотребительным в Европе длинного прямого меча.

На этом фоне археология остальной Европы не дает поводов говорить о существенном прогрессе. Выработанный в эпоху гальштатта и закрепленный в латенское время тип комплекса элитарного вооружения, насколько можно судить, незначительно изменяясь, доживает до рубежа эр, когда и входит в интенсивное соприкосновение с римской традицией. Особо оговорим — именно элитарного, поскольку большинство воюющих варваров никогда не располагало всеми элементами этого комплекса — шлемом, доспехами для корпуса, рук и ног; как правило, рядовой воин использовал один базовый тип наступательного вооружения. Ряд приемов ведения войны серьезно отличал варварские формирования от римских, причем первые в этом случае не отставали от вторых, а порой и опережали их — вспомним спорадический расцвет боевых колесниц у бриттов, отмеченный Цезарем (и, возможно, хотя и не известно наверняка, применение колесниц в бою в эпоху гальштатта и раннего латена).

Однако к нашей точке отсчета — середине I тыс. н.э. — варвары и римляне подошли в весьма разном военно-техническом состоянии, и лидерство, без сомнения, было за римлянами. Однако их развитие было весьма резко прервано или, что точнее, ограничено в перспективе территорией Византии, где пережило определенную стагнацию. Вместе с тем византийский фактор оставался активно действующим в течение всего периода Темных веков. Возможно, его влияние проявляется весьма опосредованно, однако исключить его при анализе невозможно.

В рамках периода 3-6 вв. военная активность в Северных странах не снижается. Об этом свидетельствуют как многочисленные жертвоприношения военной добычи в болотах, так и продолжающиеся захоронения с оружием (Randsborg 1995). Кроме того, весьма важное значение приобретают укрепленные поселения, которые весьма распространены в Скандинавии этого времени. Среди них наиболее изученным на сегодняшний день является поселение Рунса в Уппланде (Центральная Швеция), расположенное на гребне холма в окружении двух больших гаваней и некрополя. Система укреплений в виде двойного вала окружала пространство, на котором располагались остатки семи строений со следами активной деятельности, включавшей, в частности, металлообработку и ткачество.

Система подобных укреплений была исследована, проанализирована и описана Ульфом Нэсманом на материале, в частно-

сти, раскопок на острове Эланд в Балтийском море. По его данным от 16 до 20 укреплений датируются здесь временем от IV до VII столетий. Некоторые из них использовались по прямому назначению и в более поздний период — в эпоху викингов и в Средние века. Не менее чем в девяти укреплениях обнаружены следы постоянного проживания людей, нередко весьма значительные. Так, в расположенном на юге Эланда Экеторпе раскопками открыто 53 длинных дома с резиденцией вождя в центральной части, причем количество построек возрастало от эпохи Великого переселения народов к Темным векам. Еще более значителен масштаб крупнейшего из эландских укреплений, Исманторпа, где обнаружено 83 длинных дома (Bente 2003: 14).

Не вызывает сомнения, что такие укрепления были частью системы элитарных властных структур, основанных на мелкой дружинной организации. В эту же систему входили большие курганы с захоронениями вождей и камерные погребения этого времени. Система власти локальных конунгов достигает расцвета в рамках позднего римского времени и в начале вендельской эпохи, а затем постепенно склоняется к закату, уступая место иным формам власти. Этот процесс также согласуется с ощутимыми, хотя и не катастрофическими, изменениями в поселенческих структурах и хозяйстве, идущими в период поздней вендельской эпохи (Ibid.: 15).

Как правило, точкой отсчета для анализа военного дела Скандинавии позднеримского и меровингского времен выступают массовые находки оружия в болотах и их интерпретации. Наиболее показательным является в этом смысле исследование болота в Иллерупе, содержащего уникальную коллекцию из 15 000 предметов вооружения, датируемых в основном периодом 200-500 гг.

В частности, наиболее массовой коллекцией Иллерупа выступает, по мнению Йоргена Илькьера, группа оружейных артефактов, связанных с предполагаемым вторжением в Южную Ютландию варварской армии из района Южной Норвегии и прилегающих областей нынешней Швеции. Вооружение этой, разбитой местными войсками, армии, насчитывавшей, по мнению исследователей, не менее 1000 человек на нескольких десятках кораблей, и было в начале III в. затоплено в озере, послужив одной из важнейших составляющих коллекции. В дальнейшем она многократно пополнялась путем аналогичных жертвоприношений более скромного масштаба. В числе артефактов множество как ритуально испорченных предметов вооружения,

29...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№ 21
2018

так и вполне целых, практически пригодных для использования (в частности, два десятка римских мечей).

Значение этих находок для выяснения обстоятельств интересующей нас проблематики, в частности, в том, что в 1990-е гг. Илькьером и фон Карнап-Борнхеймом были предложены решения по соотношению качества декорирования оружия с социальным статусом его владельца (Ilkjaer 1990, 1993; von Carnap-Bornheim, Ilkjaer 1999). Так, было заявлено, что мечи, щиты, амуниция и конская упряжь, снабженные серебряными украшениями с золотым покрытием должны быть рассмотрены как принадлежность верховных армейских лидеров, т.е. собственно предводителей армий. Ко второй, более многочисленной, группе воинов авторами были отнесены владельцы оружия с бронзовыми украшениями. Этот своего рода «офицерский корпус» представлял собой привилегированное воинское сословие. Наконец, простым железным оружием, по мысли авторов гипотезы, владели рядовые воины. Обоснованием такой классификации выступили количественные показатели каждой категории оружия. Так, в Иллерупе среди исследованной группы находок комплекты, относимые к высшему командованию, исчисляются в 5-6 единиц. Им соответствуют 35-40 комплектов среднего уровня с бронзовыми украшениями. И наконец, около 350 наборов вооружения были отнесены к экипировке рядовых воинов. Там же, в Иллерупе, обнаружено 12 наборов конской упряжи, соотнесенных с соответствующим процентом всадников (см. также Frans-Arne Stylegar, *Scandinavian armies in the Late Roman period*).

Альтернативным источником информации о социальном статусе служит, по мнению ряда авторов (Лотты Хедигер, в частности), совстречаемость разных типов оружия в комплекте вооружения одного воина. При этом воины, имеющие на вооружении только один или два типа оружия, рассматриваются как наименее привилегированные, владеющие тремя — более привилегированными. Соответственно, наверху воинской иерархии оказываются обладатели нескольких типов оружия — и, разумеется, декоративных атрибутов его особой ценности и значимости.

Сходная с Иллерупом дифференциация прослеживается в Эйсбёле, где материал, относящийся примерно к 300 г., группируется следующим образом: порядка 200 комплектов включали в себя копье, дротик и щит, около 60 в дополнение к этому набору содержали меч или скрамасакс, еще 12-15 комплектов

рассматривались как элитарные на основании присутствия в них исключительно богато орнаментированных мечей и украшенной фалерами амуниции, еще 9 содержали конскую упряжь (Jensen 2003: 571).

Именно на основании высокой степени унификации массового рядового вооружения в Иллерупе, кстати, был сделан вывод о централизованном снабжении из вождеских «арсеналов» большого контингента, разбитого позднее в Ютландии близ Иллерупа. В таком случае подразумевается, что первые два класса воинов должны рассматриваться как профессионалы — вожди и дружинники, а третья категория — как племенное ополчение, лишь эпизодически привлекаемое к боевым операциям.

Как видим, процентное соотношение находок предположительно разных прослоек воинов заметно различается, однако различия эти не носят качественного характера. При этом отмечалось, что в Иллерупе соотношение между высшим и средним сословием воинов примерно 1:8, и почти такое же соотношение между средней и низшей категорией воинов. Аналогии авторов с системой римских *contubernium* — «отделений», низших войсковых единиц в римской армии из восьми человек, деливших между собой лагерную палатку, достаточно интересны. Однако к ним следует относиться с известной осторожностью, так как сомнительно столь буквальное цитирование германцами, не входившими в тесный контакт с Империей, ее воинских структур, причем на двух уровнях сразу. Тем более что находки в Эйсбёле дают иные процентировки воинских классов, с явно меньшим количественным разрывом между ними. Скорее всего, главным диктующим мотивом была конкретная демографическая ситуация и имущественные возможности как всего социума, так и отдельных его членов, а они варьировались и в пространстве, и исторически — во времени.

Высказывались, далее, предположения о том, что часть германцев, воевавших с римлянами в период Маркоманнских войн и в дальнейшем служивших во вспомогательных войсках Империи, принесли с собой по возвращении на родину новые идеи в части армейского строительства. Однако такие предположения кажутся чересчур смелыми. При несомненном заимствовании разными путями римских образцов вооружения (о чем впервые и именно применительно к Маркоманнским войнам заявил в 1920-х гг. Хокун Шетелиг) германцы в организационном плане не демонстрируют ничего, напоминаю-

щего регулярную римскую организацию. Коль скоро речь заходит о вспомогательных римских войсках, уместно заметить, что, поступая на службу, варварские контингенты вряд ли существенно меняли привычный им образ ведения войны, так что в этом случае римские заимствования вряд ли имели место.

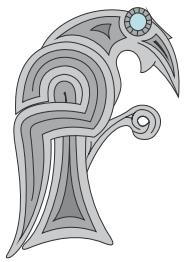
Другая категория археологических памятников, имеющих прямое отношение к данному вопросу, — погребения с оружием. Попыты соотнесения данных, касающихся оружейной традиции, воинской иерархии и социальных последствий по данным болотных находок, с одной стороны, и данным погребений — с другой, предпринимались неоднократно в лице Илькёера, Гансума, фон Карнапа-Борнхейма и др. В Скандинавии общие характеристики погребений с оружием, сформированные в раннем римском железном веке, могут быть прослежены вплоть до победы христианства, однако существуют и явные локальные различия. Наибольшая концентрация таких памятников приходится на Данию. Число погребений с оружием здесь постоянно возрастает в период раннего римского железного века, когда около 7 процентов погребений содержат оружие. В позднеримский период этот процент снижается до 2. Аналогичные процессы проходят в Юго-Восточной Норвегии, однако с некоторым запаздыванием по времени. То есть рост милитаризации общества, вопреки ожиданиям, не достигает пика в эпоху Великого переселения. Несмотря на некоторое увеличение разнообразия оружия, сами погребения с ним становятся относительно редкими. Дольше всего традиция удерживается на Западе Южной Норвегии, в Вестфольде и Телемарке, а также вокруг озер Мьоса и Раннсфьорд. Аналогичная концентрация погребений с оружием в этот период представлена на о. Готланд.

Учитывая принципиально иные условия обнаружения находок в не столь богатых болотами Норвегии и Швеции, именно эта категория памятников является единственно сопоставимой с местами массовых жертвоприношений (Schetelig 1912: 51-54). Однако здесь возникают известные трудности, поскольку, как указывалось самими авторами интерпретаций, например, лишь около 10% южно-норвежских находок из примерно 150 оружейных комплексов (в фюльках Эстфёльд, Акешхюс, Осло, Хедмёрк, Бускеруд, Уппланн, Вестфёльд и Телемарк) сопровождаются достоверной документацией. Остальные — это в основном случайные находки, никак не могущие считаться закрытыми комплексами.

Для юго-восточных регионов Норвегии характерен весьма слабый разрыв между численностью групп воинов, снабженных одним, двумя и тремя видами вооружения. По данным Франса-Арне Стюлегара комплексы с одним видом оружия составляют 41% находок, с двумя — 27%, и целых 32% — с тремя видами оружия. При этом, если оценивать находки по принципу элитарности декора вооружения, то наблюдается очень близкое сходство между датским и норвежским материалом. В Дании и Норвегии доля высшей категории воинов определяется, соответственно, в 1,5% и 0,7%, средней — в 9% и 12%, наименее привилегированной — в 89% и 88%.

При общем согласии с тем, что оружие в захоронениях является индикатором милитаризации варварского общества, неоднократно предпринимались попытки конкретизировать исследования, установив и иные корреляции между комбинациями оружия в погребальном наборе и социальным статусом. На северогерманском и, в частности, датском материале это было сделано Лотте Хедигер, указавшей, что, например, оружие сопровождает погребения относительно молодых мужчин, в то время как наборы без оружия, но включающие в себя шпоры, соотносятся с пожилыми мужчинами (Hedeager 1992: 160). По ее мнению, оружие в погребении без шпор, прежде всего, соотносится со статусом активного взрослого воина. С возрастом, утрачивая возможность полноценно воевать, но сохраняя за собой власть, богатства и статус, перекрывающий воинскую функцию, человек сохранял в качестве символа своего положения шпоры. В то же время, есть категория совсем молодых воинов, с которыми погребены как оружие, так и шпоры. За ними Хедигер видит, прежде всего, наследуемый социальный статус, приобретенный по праву рождения, а не добытый в ходе боевой деятельности.

Вместе с тем, высказывалась мысль о том, что относительно небольшое число погребений могло объясняться, в частности, тем, что погребения с оружием удавалось не каждый, имевший отношение к воинскому ремеслу, но только один человек на семью соответствующего статуса в каждом поколении (Jorgensen 1988: 17-53). Таким образом, не всякое погребение без оружия демонстрирует непричастность погребенного воинскому ремеслу, но каждое с оружием подчеркивает его воинский статус. Для Восточной Ютландии предпринимались попытки связать

погребения со шпорами с формированием локальных административных округов — позднейших «херадов».

Таким образом, тщательный количественный анализ как весьма массового, так и относительно разрозненного материала, связанного с оружейной культурой, дополненный аргументированным исследованием его качественной дифференциации, способен привести к вполне продуктивным результатам. Новые идеи, завоевывающие себе место в скандинавской науке в последние два десятилетия, демонстрируют качественное совершенствование методологии. Сама по себе схожесть выводов позволяет рассматривать данные качественные и количественные показатели в качестве надежной основы для социальной стратификации воинского сословия архаической Скандинавии и, в перспективе, решения спорных и чрезвычайно важных вопросов комплектования раннесредневековых армий и трансфера отдельных воинов через социальные перегородки.

Подведем итоги. Представляется, что в отечественной историко-археологической и социологической традиции в последнее время уделяется явно недостаточно внимания наиболее яркой модели модернизации архаического общества, реконструируемой на скандинавском (в особенности на норвежском) материале. Между тем привлечение этого материала, как прекрасно продемонстрировано, в частности, Ф.-А. Стюлегаром, с привлечением дифференцированных и компаративных теоретических конструктов, позволяет сделать далеко идущие социологические выводы. Отметим следующие (а список их далеко не полон) возможные выводы и перспективные направления исследовательской работы.

По качественному параметру в поздне-римский период и в период Темных веков сохраняется очень устойчивое соотношение между высшим, средним и низшим сословиями воинов в примерной пропорции 1:9:89. Само по себе это заставляет вспомнить общераспространенный термин «херад» — «сотня» как базовую единицу земельного, административного и воинского устройства и утверждать, что это, кажущееся чересчур условным, соотношение на самом деле строго выдерживалось, если говорить о взрослом боеспособном свободном мужском населении Северной Европы.

Соотнесение «гипотезы Илькьера» и «гипотезы Хедигер» оправдано, поскольку сравнительные числа социальных групп пока-

зывают высокую схожесть там, где условия залегания находок примерно схожи, и дают не катастрофичные расхождения там, где они существенно разнятся. Апробация этих методик на южнскандинавском материале подтверждена в недавнем прошлом на материале таких лендов, как Даларна, Хельсингланд и в особенности Медельпад. При этом существенно сопоставление материала с возможно более ясным археологическим контекстом, что для некоторых регионов представляет серьезную проблему. При этом следует однозначно признать, что если с методикой качественной атрибуции оружия по социальным стратам все, в общем, понятно, то нуждается в дальнейшей апробации и тщательнейшем исследовании «метод Хедигер», дающий намного большую свободу для анализа материала и весьма заманчивые перспективы социальных выводов.

Важной задачей является дальнейший анализ распространения и встречаемости клинкового оружия — мечей и скрамасаксов — как индикатора а) социальных различий и б) качественного изменения армий Севера в темпоральном аспекте. Однако говорить о построении в этом сегменте хотя бы приблизительной концепции однозначно рано. Вообще роль клинкового вооружения в реконструкции социальных структур, на наш взгляд, трудно переоценить. В пределе, вероятно, допустимо говорить о таковом как об атрибуте социального лидерства и, быть может, об определенном картографировании этого лидерства для бесписьменного периода истории Скандинавии — разумеется, лишь там, где находки достаточно надежно документированы.

Из этого, в свою очередь, вытекает возможность, пожалуй, наиболее важного для нас анализа — анализа поселенческих и экоструктур, топографии и географии локальных (родовых?) коллективов. В пределе, вероятно, изучение оружейных находок, их статистическая обработка и привязка к карте могут привести к двум результатам в области социальных исследований. Во-первых, к максимально полной локализации древнейших родовых общин и возможному заполнению ими известных локусов заселения — например, для долин Средней Норвегии, где такой результат можно будет считать оптимальным и более чем достаточным. И, во-вторых, это может стать важным шагом к определению параметров социального микроклимата в таких архаических «микрородовствах», что исключительно важно именно для понимания атмосферы, в которой начались походы викингов.

Литература:

Albrethsen S. E. *Logistical problems in Iron Age warfare // A. N. Jorgensen, B. L. Clausen. Military Aspects of Scandinavian Society in a European Perspective AD 1-1300. Copenhagen. 1997.*

Bente M. *Dwellings and settlements: structure and characteristics. The Scandinavians from the Vendel Period to the Tenth Century // An Ethnographic Perspective. — Melton Woodbridge, 2003.*

Hedeager L. *Iron-Age Societies. From Tribe to State in Northern Europe, 500 BC to AD 700. — Oxford, 1992.*

Ilkjaer J. *Illerup Aadal. Die Gurtel. Aarhus, 1993.*

Ilkjaer J. *Illerup Aadal. Die Lansen und Speere. Aarhus, 1990.*

Jensen J. *Danmarks oldtid. Aldre jernalder 500 f.Kr-400 e.Kr. Kobenhavn, 2003.*

Jorgensen L. *Family burial practices and inheritance systems. The development of an Iron Age society from 50 BC to AD 1000 on Bornholm // Acta Archaeologica, 1988, # 58. — Kobenhavn.*

Randsborg K. *Hjortspring. Warfare and sacrifice in Early Europe. Aarhus, 1995.*

Schetelig H. *Vestlandske graver fra jernalderen. Bergen, 1912.*

Stylegar F.-A. *Scandinavian armies in the Late Roman period (<http://arkeologi.blogspot.com/2007/11/scandinavian-armies-in-late-roman.html>).*

von Carnap-Bornheim C., Ilkjaer J. *Import af romersk militaerudstyr til Norge i yngre romertid // Et hus med mange rom, vol. A. Stavanger, 1999.*

Wallace-Hadrill J.M. *War and Peace in the Early Middle Ages. Transactions of the Royal Historical Society, 5th series, no 25. London, 1975.*

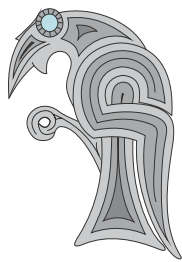

33...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
Б
Е
Т
Е
Р

№ 21
2018

Исландский дневник

Кайса
ВАРЗУГА

*Написано по черновикам исландского дневника
и полностью основано на реальных событиях.*

Продолжение. Начало читайте в 20 номере «Северного ветра».

ЛЕДУЮЩИМ утром первое, что я увидела, высунувшись из палатки — дождь. Кажется, в этих горах всегда непогода, через какое-то время он сменился легкой моросью — но ботинок всё равно не высушить. Мы полдня сидели, не высовывая наружу носы. Но к вечеру ребята ушли прогуляться под дождём. А мне не хотелось снова идти под морось и ветер в сырой одежде, а мочить последнюю сухую и тёплую я ни за что не согласилась бы. Да и раны разболелись после вчерашнего. Я осталась сидеть в палатке, и невеселые думы нагрянули в мою голову. «Зачем только мы сюда с таким трудом добирались, чтобы не увидеть ничего в тумане, да ещё промокнуть и замерзнуть? И что мы вообще забыли в этой негостеприимной Исландии? Почему с самого начала путешествия нас всё время преследуют невыносимые трудности? А эти исландские горы заманили нас своей красотой, взяли с нас жертву, замучив холодом и ветром, а в ответ не показали ни грамма красоты, утаившись в тумане!» — я злилась и обижалась, кутаясь в спальник, а палатка дрожала под ударами дождя. Вернулись ребята, и мы провели остаток дня в разговорах и сказках, что принялись по очереди рассказывать друг другу.

Одежда немного подсохла лишь на следующий день, хотя как ей это удалось в тех коротких промежутках хмурой погоды между дождями — не знаю. Наверное, по большей части ветер продул. Я решила прогуляться и урвать у Исландии немного горной красоты — благо

туман чуть спал. Я надела свой сыроватый плащ, а вот заставить себя нацепить промокшие ботинки, которые и не думали сохнуть, у меня не хватило духу. Поэтому я пошла в горы в резиновых шлёпках. Тропа вела вдоль ручья мимо утёса из зелёного песка — уж не знаю, что за минерал так раскрошился, но выглядел он очень необычно. Пройдясь вдоль ручья, тропа выводила к груде камней и уже петляла меду ними. Оттуда открывался вид на одиноко возвышающуюся рыжую гору без снега, у подножия которой что-то дымилось. Наверное, там горячий источник или тёплая река — так дымилась воды вокруг гейзера и около источника в самом Ландманналейгаре, где мне так и не удалось искупаться из-за разболевшихся после бродов ран.

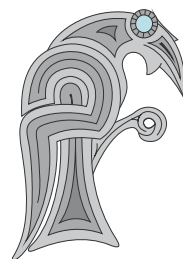
Подойдя ближе, я обнаружила, что этот тёплый белый пар поднимается прямо из трещин в земле. Выглядело это очень устрашающе, ведь обычно подсознательно воспринимаешь землю как что-то твёрдое и единое. А тут из трещин поднимается пар — откуда он взялся в такой твёрдой и постоянной земле? Что-то в глубине порождает его, что-то подвижное, изменяющееся. И от этого сама земля кажется живой — будто ступаешь по шкуре спящего дракона или кита и ощущаешь тепло его тела, его дыхания. Шаги становятся осторожными, не желающими тревожить этот сон. Я была рада, что пошла в шлёпанцах — надев походные ботинки, я бы не смогла ощутить тепло, исходящее от земли. Часть пути я и вовсе прошла босиком.

Я поднималась вверх, следуя за манящими меня горами — особенно звала меня самая рыжая вершина. Дождя не было, и мне это казалось невероятным. Неужели Исландия сжалась над нами? Неужели я увижу хоть немного её горной красоты? Пока я шла по тёплой земле, радость наполняла моё сердце. «Вот заберусь на вершину и стану умолять Богов пожалеть нас, прекратить подвергать таким испытаниям, ведь мы простые туристы, которые всего-то хотят спокойно путешествовать, и никому мы не причиняем вреда...» — так размышляла я, шагая вверх.

Вскоре тропа увела на самую вершину рыжей горы, откуда вздорная Исландия позволила насладиться потрясающим видом своих пластилиновых гор. Рыжие, ярко-зелёные, красновато-подпалые, чёрные и кремевые — они держали в своих разноцветных ладонях неугомонную воду, застывшую в своём белоснежном покое. Придёт время, и ей снова захочется куда-то утекать. А горы зеленеют и цветут, пыhtят белым паром и подсматривают за проходящими сюда людьми. Кто они, и можно ли им доверять?

Я смотрела на панораму гор, на хмурое небо Исландии. Мы достигли ещё одной цели нелёгким путём. Я вспомнила всё, через что мы прошли на пути сюда — опоздавший багаж, моё падение в самом начале пути, езда на велосипеде с незажившими ранами сквозь боль и сжатые зубы, наши скитания по тундре в попытках найти дорогу к Хайфоссу и, конечно же, ледяной путь в Ландманналейгар, доведший меня почти до отчаяния. Внутренняя ярость стала просыпаться во мне. Нет, я не стану умолять Богов сжалиться над нами. Мне вдруг всё стало очень ясно. И весёлая злость вскипала внутри. Они проверяли нас! Проверяли меня — из какого теста состоит тот, кто вот так приехал сюда, открыл своё сердце и решил вести себя с ними на равных: думаешь, родился на Севере, значит — всё можно? Докажи-ка, что достоин. Нет, я вовсе не была обычным туристом, я приехала сюда искать встречи с ними, и они затеяли со мной эту игру. Я поднялась на самую высокую точку и что есть сил крикнула им в пространство, что они ещё узнают, с кем связались, что я не боюсь их испытаний и мой дух не менее силен, чем эти горы, несмотря на то, что я такого маленького размера. Моя воля мощнее и страшнее! Я не отступлю.

35...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 1
2018

Ярость и какая-то безумная радость всё вырывались наружу. Силы переполняли сердце, и я чувствовала это ликование, которое наполняло хмурое небо. Кажется, я всё поняла верно, и им понравился мой ответ.

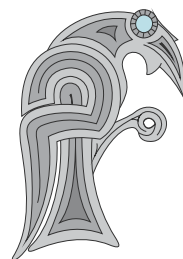

А тем временем над Ландманналейгаром уже висела туча и поливала, поливала... Другая туча подходила из-за хребта, куда вводила тропа дальше. Я усмехнулась — я знала, что нас ещё потрясёт в пути, что ветры ещё будут хлестать по лицам, что дожди от всей души постараются промочить до нитки. Но всё это будет нипочём моему духу — ведь теперь я понимаю, что это жалкие попытки сломать нас, которые уже обречены на провал.

Прошло довольно много времени с тех пор, как я ушла из лагеря. Пора было возвращаться к ребятам, хотя мне очень хотелось пройти по тропе дальше. Но опустившийся туман и подступающая морось были иного мнения. Горы решили, что с меня достаточно красоты и пора бы мне убираться восвояси. Да и нехорошо так надолго уходить. Вернувшись в лагерь, я обнаружила, что мои друзья запаковывают вещи и намереваются выбираться из этой горной страны. Их окончательно достало это место, да и меня сам Ланд утомял, вот только горы неустанно манили, звали и не хотели отпускать. Вскоре мы тронулись в путь. Хорошо снова оказаться на дороге, оставив позади неприятности, снова ощущать движение вперёд, жизнь и вечно юный горизонт.

Напялив сырую одежду и мокрые ботинки, затянув пожитки потуже в чехлы, мы продолжили наш путь под проливным дождём. Прежде чем поставить палатку на ночь нам пришлось преодолеть множество бродов — мы потеряли им счёт. Наверное, их было не меньше двадцати. Всё так же было холодно и мокро, всё та же невероятная усталость от постоянного преодоления бродов, от крутых подъёмов и спусков, но уже не было в сердце того отчаяния, какое охватило меня на пути сюда. Я знала, что предстоящий путь через горную страну на юг, к побережью, будет ещё очень длинным и трудным и затянется на несколько дней, но на душе была решимость и спокойствие. Кажется, уже не шёл такой сильный ливень, а просто была морось, которая периодически сменялась затишьем. И я стала любоваться горами-касатками, которые теперь могла хорошо рассмотреть. Мы поставили нашу палатку среди первозданной дикой красоты, за холмом у дороги, и слушали ночью песни резвящихся ветров.

Весь следующий день мы боролись с бродами, которым не было числа. Под вечер горы потихонечку начали отступать, количество ледяных переправ заметно сократилось. Вскоре мы спустились в долину, и дорога пошла вдоль реки, судя по карте, предвещая безбродное путешествие. Погода сразу улучшилась, облака перестали нависать над головой и поднялись выше, хотя морось иногда достаивала нас вниманием. Но на душе сразу стало легче и как-то свободнее. Даже дождь воспринимался не так тягостно. И вдруг мы увидели Солнце — впервые за эти дни. Невероятное ликование охватило нас. Как описать это чувство? Похожее испытывала я на своей родине, когда после долгих месяцев Полярной Ночи впервые видишь Солнце — на глаза наворачиваются слёзы от несдерживаемого счастья. И начинаешь понимать солнцепоклонников, потому что в эти минуты и сам готов всем своим естеством приветствовать его. Так же было и в Исландии, когда мы выбрались из пасмурного мрака и холода. Увидев Солнце, мы теперь точно знали, что спасены. В самом хорошем настроении мы остановились на ночлег, как это уже стало обычным, за холмом у дороги, в поле, полном овец и птиц.

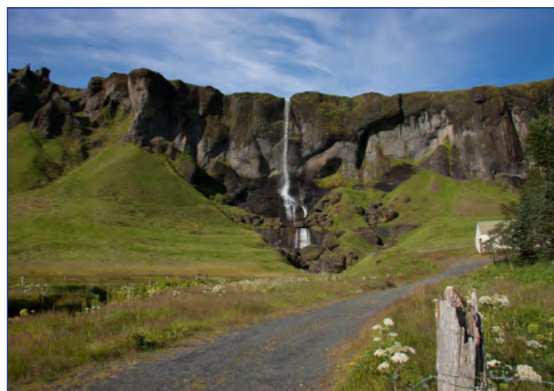
Утро следующего дня встретило нас проливным дождём, который не умирал свою ярость аж до двух часов дня. Собирать вещи под ливнем и подвергать их неминуемому промоканию совсем не хотелось, и мы лежали в палатке, которая содрогалась под порывами ветра, и слушали стук капель по тенту. Когда непогода спала, путь снова позвал нас. Дорога была всё ещё разбитая, встречались крутые спуски, на которых приходилось вовсю жать по тормозам. Когда-то на этом пути мы остановились и съели всухомятку заварную вермишель, которая на вкус мне показалась печенкой. Дорога вела всё дальше, постепенно камней на ней становилось меньше, сама она выравнивалась. Появились фермы с белыми шариками заготовленного сена, жизнь потихонечку возвращалась в окружающие нас

пейзажи. Небо впереди заметно светлело, а позади, в горах, всё так же клубились чёрные тучи. Было приятно уезжать из мрачного места. Хотя и жаль оставлять позади нетронутую глазом красоту.

Мы вновь очутились на ровном асфальте, толком не успев насладиться долгожданным моментом, и наш темп сразу же увеличился. К вечеру нас приветствовали земли, разрушенные эрозией, которая возникла из-за того, что исландцы пытались изменить русло реки Скафта. Теперь они называют это место «геопарк». Мы встали на ночлег на чёрном песке на берегу реки Арквистар. Вода в ней была вперемешку с глиной, поэтому на следующий день мы обошлись без завтрака.

Дальше наша дорога вела в Скафтафелль к самому большому леднику в Исландии — Ватнайокудлю. Была ясная и тёплая погода, что для нас оказалось настоящим дивом после всех этих дней дождей и серых грузных туч над головой. Не спеша мы достигли поселения под дивным названием Киркбьюбайарклэйстур, где решили заглянуть в магазин. Я купила йогурт и шоколад — какое блаженство съесть что-то эдакое после стольких дней макарон и овсянки! Дальше наш путь сопровождала потрясающая скала, которая тянулась вдоль реки. Со скалы время от времени свисали тонкие ниточки водопадов, а у подножия ютились краснокрышные домики фермеров. Скалы были округлыми и плавными, но очень высокими, нависали грозными великанами, таили свои мысли в вечных пазухах глыб и камней.

... 38

Мы остановились посмотреть поближе один из водопадов, спускающихся с этих исполинов. С одной стороны у его подножия возникала радуга, а тень от воды на скале сначала убегала от водопада, а потом снова возвращалась к нему.

По пути нам встретилась красивая река с невысокой системой порогов, с прозрачной и чуть бирюзовой водой, которая омывала цветные кочки с зелёной травой и мелкими цветами. Глаза радовало наличие таких кристально чистых цветов — синего, зелёного, белого, голубого. Было и тепло, и спокойно, а тихое журчание реки убаюкивало. Я даже задремала, пригревшись на солнце.

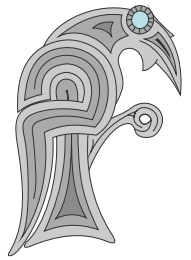
Наш дальнейший путь пролегал по местности, сформированной извержением вулкана Лаки. Огромные глыбы камня, заполнившие землю до самого горизонта, поросли густым мхом. Это извержение случилось в 1783 году и существенно повлияло на климат северного полушария Земли, вызвав неурожай и голод во многих странах, а по некоторым мнениям, даже послужило причиной французской революции — это мы прочитали на одной из табличек, встреченных нами на пути. На той табличке была изображена картина «Взятие Бастилии».

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№21
2018

Дорога вела вдоль океана, но его самого пока не было видно. Зато нещадно задувал ветер, иногда сбрасывая нас с велосипедов в кювет, так что даже приходилось пешком идти по ровной дороге, а на спусках с трудом крутить педали.

На удивление, ночью был штиль.

После традиционного макаронно-грибного завтрака мы валялись в палатке, разглядывая её потолок, и болтали о снах прошлой ночи. По тенту стучали удары капель мелкого дождя. Как только вернулись к дороге — привет — нас встречает вчерашний приятель — ветер. Пришлось в этот день очень много пройти пешком, иногда пытаюсь ехать. Так целый день мы сражались с ветром, но я знала, чьи это происки, и мне было весело. Я стала петь песню «Ready for the storm» и наслаждаться тем, как её уносит ветер. Я её спела в полный голос раз пять, а меня слушали только скалы и травы, так как я вырвалась немного вперёд.

По мере приближения к леднику нам стали встречаться информационные таблички, на которых было расписано, как много бед исландцам, в частности, исландским дорогам, причиняет ледник и его вулканы, которые вызывают обильные наводнения и разрушения трасс и мостов. У стенда как демонстрация всего этого валялась громадная железная штурковина — видимо, кусок бывшего моста. Ужасная, вся в ржавчине и граффити, она образовывала своеобразную горку, по которой катались дети. Даже самые страшные чудовища могут приносить радость.

К вечеру мы достигли Скафтафеля и уснули с видом на горы высотой более 2000 метров, которые баюкали в темноте величественный ледник.

Утро выдалось мрачноватым, на небе повисли тучи, и горы выглядели хмуро, а мы-то так надеялись погулять в красоте при солнце и пушистых облаках. В этот день у нас закончился спирт денатурат — банки в 1 литр хватило почти на две недели — придётся теперь готовить на газу. Следующие два дня мы решили задержаться в этой горной долине и погулять здесь пешком — это здорово, потому что по ночам ноги ныли от боли в коленях — видимо, очень сильная на них нагрузка. Зато все раны затянулись и больше меня не тревожили. Мы прикинули наш маршрут на карте и двинулись в путь. Дорога стала подниматься наверх, и сначала было тяжело по ней идти. Хения стала рассказывать о прочитанных ею книгах, и разговор так увлёк, что я перестала замечать трудность подъёма, а главное — думать о том, как мне надоело идти вверх. Дар переключать внимание — великая вещь! Вскоре дорога перестала быть такой крутой, и идти стало гораздо веселее. Мы достигли обрыва, откуда открывался вид на скалы внизу, а справа спускался снежно-грязный язык ледника. Нам всё хотелось увидеть его белую шапку и бесконечное поле снега — это же самый большой ледник в Исландии — Ватнайокудль. Под этим ледником находится несколько вулканов, которые иногда там извергаются. Всё это казалось мне очень таинственным — вулканы, извергающиеся внутри ледника! Слева от нас возвышался небольшой утёс,

39...

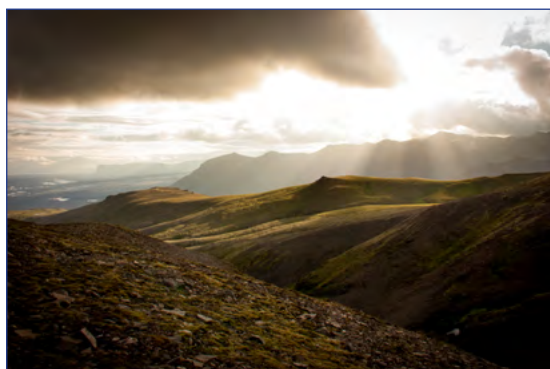
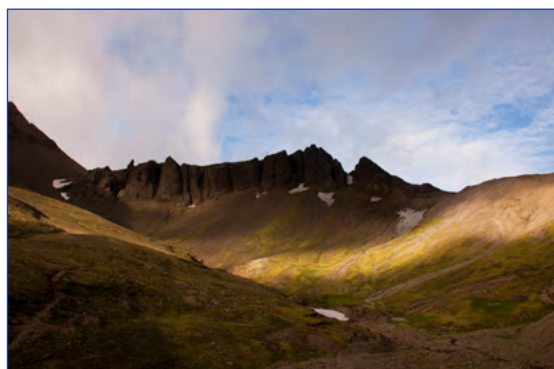
С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 21
2018

и я предложила подняться туда — ведь с этой высоты шапка ледника будет ближе. Но ребятам было крайне лениво снова идти вверх, и они стали всячески отговаривать — мол, всё равно там тоже не будет видно шапку, и что вон то облако сейчас спустится прямо на этот твой утёс. Мне стало грустно, что почти дойдя до вершины, мы поворачиваем обратно, казалось, что мы оставляем там что-то прекрасное, что ждало нас так долго. В итоге решили, что я поднимусь на гору одна, а ребята подождут внизу. И я начала свой путь наверх в полном одиночестве. Тропа заводила за гору и терялась за поворотом. Показалось уютное привершинное плато. Дойдя до края плато, я заглянула вниз, откуда открылась чудесной красоты панорама на много километров вдаль — вплоть до самого океана. Долина, испещрённая тысячами ручьев серого цвета и ровной безжизненной чёрной землей. А вниз спускались зелёные холмы предгорий, и где-то вдали виднелся лагерь Скафтафель, на окраинах которого мы спрятали нашу палатку. На самом верху утёса взору открывался острый хребет, который тянулся до ледника — шапка чуть приподнялась, но снежную долину я не увидела. Но всё равно там было что-то от вечности, что завораживало сердце и волновало дух. Я радовалась, что забралась сюда — ведь это ещё одно сокровище, которое теперь останется со мной.

... 40

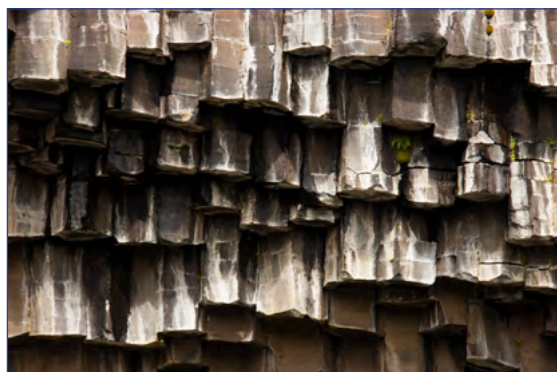
С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

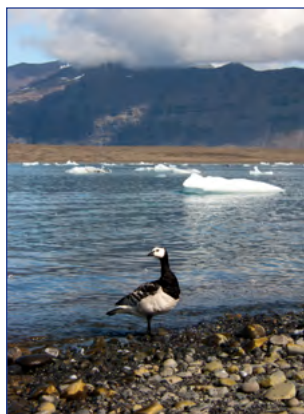
№21
2018

Обратный путь нам освещало уютное вечернее солнце. Мы обогнули мой утёс, пересекли ручей и поднялись на склон небольшого холма, вдоль которого новая тропа уводила в лагерь. Мягкий свет наполнил сочными красками окружающие ландшафты, в колышущейся траве толстые шмели подыскивали себе место для сна. Слева от тропы мы увидели ещё один язык ледника, меньший по размеру, — он утекал дальше вниз серыми речками напрямик в океан. В Скафтафель мы спустились, когда уже стало темно.

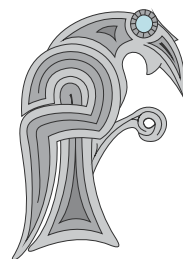
На следующий день мы решили повидаться со знаменитым водопадом Свартифосс. Ещё в детстве я видела его на картинках, — тогда я даже не могла вообразить, что когда-нибудь буду стоять у его подножия. Водопад обрушивался вниз с необычной скалы, похожей на скопление каменных колонн чёрного цвета, и создавалось впечатление, что это рукотворное явление, но эти базальтовые колонны были созданы природой. Издали этот водопад казался маленьким ручейком среди леса, но как только мы подошли ближе, он предстал перед нами во всём своём чёрном могуществе. Хотя я его представляла по-другому, когда увидела на фотографии много лет назад. Мне почему-то казалось, что он шумит на побережье и где-то рядом ему вторит океан.

Йокульсарлон, или лагуна айсбергов, — место, куда мы отправились, покинув Скафтафель. Добрались мы туда глубокой ночью, и в темноте местность показалось совсем унылой: голая серая земля, а лагуна — просто лужа со льдом, покрытым грязью. И это та самая лагуна айсбергов? Но когда мы стали искать место для палатки, то прошлись немного дальше, и оказалось, что лужа имеет продолжение и лёд там почище. Ночью в устье пересохшей реки, которая когда-то впадала в лагуну, с шумом нагрязнула стая упитанных чёрно-белых птиц — казарок. Они важно ходили в ночи по побережью, не замечая нас, занятые своими делами.

Это была самая дальняя точка нашего маршрута, после которой дорога будет приближать нас к Рейкьявику и аэропорту. На следующий день я с самого утра отправилась гулять вдоль лагуны, так как ещё вечером было решено разделиться. Мои друзья невероятно измотались тяготами такой жизни и решили раскошелиться на автобус аж до города Вик. Мне же он был не по карману, да и не могла я просто так лишиться себя удовольствия мчаться между океаном и горами в залитый солнцем день, пахнущий свободой и солёным морским ветром. Я отправлялась в обратный путь на велике — в Скафтафель. А оттуда на автобусе до Вика. Ребята же решили ехать до Вика сразу из лагуны на вечернем рейсе. Поэтому я должна была

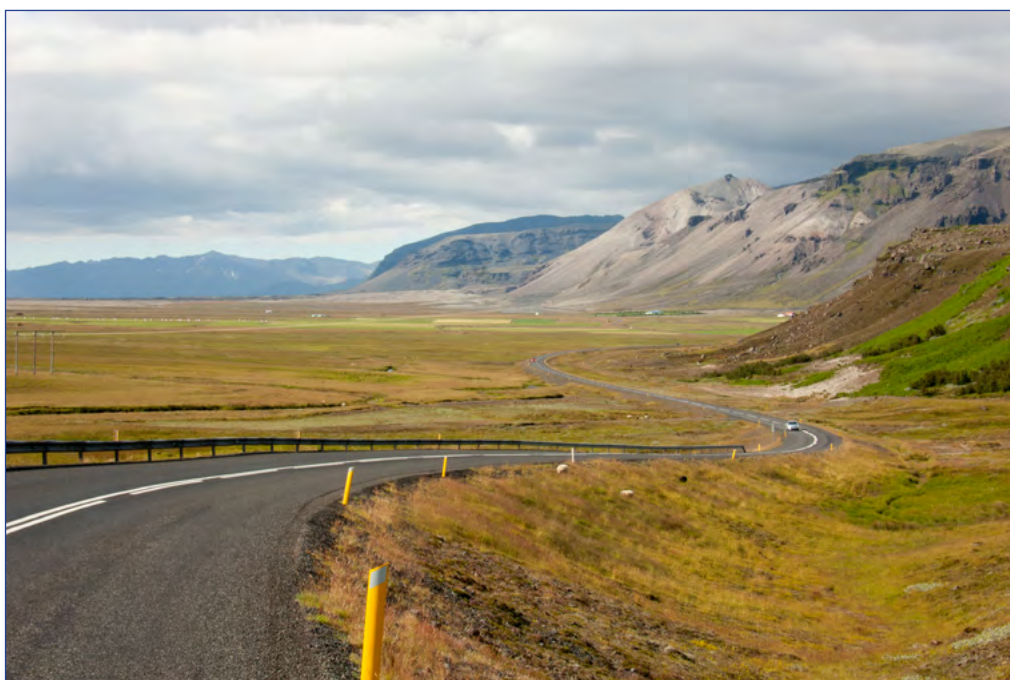
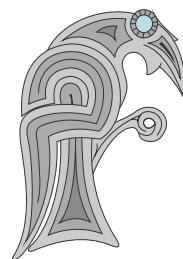

успеть добраться до Скаффафеля раньше автобуса, на котором приедут ребята, чтобы подсесть к ним в Скаффафеле. Автобус-то всего один! Поэтому я сразу отправилась гулять по лагуне, чтобы всё успеть.

Даже не знаю, что мне больше понравилось — вид айсбергов в лучах солнца или стаи чёрно-белых птиц — тех самых вчерашних гостей, что прилетели к высохшему устью реки. Я их наконец-то нафотографировала вволю и даже засняла на видео их утренний моцион — пригладить пёрышки, вычистить пух, размять крылышки. Когда я снимала видео с птицами, внезапно раздался грохот: раскололся большой айсберг, и одна его половина стала тонуть, — это выглядело величественно и торжественно, даже немного церемониально. Люди застыли, безмолвно наблюдая его неспешное погружение. Лагуна тянулась далеко до самого ледника, от которого отваливались эти глыбы хрустального льда. Они плыли по воде и таяли на солнце. Удивительно, но эти айсберги увидим только мы — те, кто посетил лагуну вот в это самое время, и больше она никогда не будет такой. Те айсберги исчезнут, а появятся новые, но они будут радовать уже других людей. Конечно, так можно сказать о многих вещах — например, что и скалы истачиваются и через десять лет уже будут не такими, как сейчас. Но красота айсбергов мимолётней. Она исчисляется человеческим временем, поэтому можно вообразить, что эта вот самая уникальная красота предназначена только для тебя. Особенно остро это чувствовалось в самом дальнем конце лагуны — где она соединяется с ледником — там нет туристов и вообще никаких людей, и все айсберги, что плыли там в это время, были только моими. Всё-таки какой я жадный и эгоистичный человек.

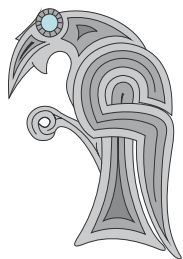
Обратный путь был великолепен. Справа возвышались прекрасные горы, слева виднелся океан. Дул ветер, иногда мешая ехать, а иногда помогая. Я пела песни и делала снимки после каждой — горы, овечки, дороги, снова горы — потому что не фотографировать это было невозможно. Так, в радостном настроении, я проехала поворот, после которого километры дороги приняли обратный отсчёт. Время подошло к 17:00 — отправления автобуса из Йокульсарлона — ребята, должно быть, уже грузятся в автобус. У меня оставался час, чтобы добраться до Скафтафеля. Я поднажала на педали и постаралась ехать быстрее — благо было уже совсем недалеко — показался соседний язык ледника — Свинафель — названный свиным, так и есть, и уже не знаю, почему. Я прибыла к месту назначения в 17:30 и стала ждать. Автобус опоздал на 30 минут, а ребят в нём не оказалось. А я — то ждала, что вот-вот выпрыгнет Энтони и поможет мне закрепить велосипед на задней наружной стенке автобуса (там были специальные крепления). Пришлось делать всё самой — благо это оказалось интуитивно просто. Так приятно было ехать в автобусе после стольких дней велосипедной жизни. Мы проехали место старой ночёвки — холм, у которого ютилась когда-то наша палатка. Кажется, это было уже давно. Через 2 часа я прибыла в Вик. Водитель сказал, что перед Скафтафелем он заезжал в лагуну айсбергов, но велосипедистов там не было. Значит, опоздали всё-таки, и ждать их стоит лишь к утру — мы условились, что если что-то пойдёт не так, то встречаемся в Вике на станции. Что-то и правда пошло

43...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 21
2018

не так, а мне надо как-то провести эту ночь, ведь палатка у нас была одна, и она осталась у ребят. Ложиться ли спать или просто погулять до утра? Будет ли дождик? Небо покрылось угрожающе хмурыми облаками... До полночи я сидела на берегу пляжа из чёрного песка, слушая океан и размышляя о вариантах ночлега. Если я не посплю сегодня, то завтра у меня не будет сил продолжить путь. Я попробовала забраться в гроты прибрежных скал, но обнаружила там следы проживания птиц и решила не тревожить их покой.

Я заночевала в высокой траве, что росла на берегу моря, под открытым небом, свернувшись калачиком на туристическом коврикe. Велосипед и рюкзак я спрятала в траве — кажется, меня невозможно было увидеть ни с какого ракурса, хотя вокруг этого пятка проходило множество туристических троп. Я проснулась в 6 утра и очень этим расстроилась — вот бы проспять хотя бы до 8 — магазин-то открывается в 9, а есть очень хотелось. Я постаралась снова уснуть, но стала дрожать от холода и прислушиваться к окружающему миру. Помню, что ноги ужасно болели, если держать их согнутыми в коленях — сказывалась постоянная езда на велосипеде. Вдруг я услышала звук приехавшей машины. «Только лежи тихо, не вставай, тогда тебя никто ни за что не увидит», — думала я. Вскоре машина уехала, а в воздухе стал разноситься звук чистящего зубы человека. Я стала ждать, пока он прекратится, но, похоже, это надолго. Осторожно выглянув из травы и удостоверившись, что людей поблизости нет, я решила выбираться из своей спальни. Мне повезло, что этой ночью не было дождя.

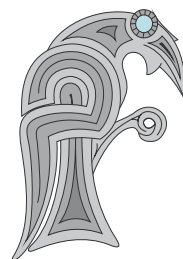

Утром я обнаружила, что провела ночь в окружении спелого дягиля, который решила пособирать, чтобы убить время и запастись восхитительной добавкой в чай. При сборке дягиля я наткнулась на кустик сочного щавеля и сорвала себе букетик на завтрак. А звуки зубной щетки издавали те самые птицы, что живут в скалах — кажется, это какие-то чайки. Миновало 9 утра, я обзавелась едой в магазине и оправилась на автобусную остановку ждать ребят. Карта местного района, скучающая у остановки, рассказала мне, что до Рейка было около 187 км — не так много для 8 дней, правда, судя по карте, впереди ещё уйма интересного, да и Вэстманнаэйар тоже хотелось бы посетить. Так, разглядывая её, я почувствовала, что меня клонит в сон, облокотилась на велорюкзак, который был прислонен к столу, и задремала. Открыв глаза, я увидела прибывший автобус Strætó и Хению, которая помахала мне рукой. Оказывается, они пропустили вчерашний вечерний автобус, потому что он не заехал на автобусную остановку, а притормозил на трассе. И таким образом оставил всех пассажиров в лагуне.

Мы гуляли по улочкам Вика, заглядывая в маленькие местные музеи и сувенирные лавки, а потом отправились на пляж с чёрным песком, к месту моего ночлега. Здесь к побережью тянется большая гряда скал, и где она заканчивается, из моря вырастают несколько одиночных утёсов. Местная сказка рассказывает, что это два тролля мастерили 3-х мачтовый корабль, но не успели спрятать от рассвета и в итоге окаменели вместе с кораблем.

Наш путь звал на другую сторону этих скал — в местечко Дирхолаэй. Там располагался грот, сформированный базальтовыми колоннами. Мы надеялись увидеть здесь птиц-тупиков, но выяснилось, что они обитают на другой скале, которая располагалась дальше по побережью — можно и прогуляться до неё по берегу чёрного песка. Шли довольно долго, оставляя цепочки своих следов на песке. Заветная скала оказалась неприступной — путь к ней преграждала глубокая река с сильным течением. На скале сидели тупики, прячась в щели от ветра — они находились слишком далеко для моего фотоаппарата, а вот техника у моих друзей оказалась к такому готова. Они увлеклись съёмкой, а я пошла к берегу океана.

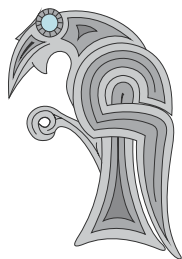
Что-то звало меня туда... Непреодолимо и тревожно. Я даже забыла про птиц, которых очень люблю. Подойдя к самой кромке воды, я неожиданно для себя опустилась на колени, из глаз хлынули крупные слёзы, а грудь сотрясли глухие рыдания. Меня выворачивало наизнанку, я легла на мокрый песок, не в силах совладать с происходящим. Всё моё естество переполнило странное чувство, отдалённо похожее на радость, но такое мощное, что человеческое тело просто не могло его вместить. Сначала мне казалось, что эта странная радость исходила от океана, но потом я осознала, что её источник находится везде — в холодной земле, в пенящихся волнах, в небе, обратившем на меня свой взор. Это был тот самый долгожданный разговор. Но то, что мне поведали Боги невозможно выразить человеческим языком. Это знание передаётся какими-то иными путями. Возможно, нечто такое удалось бы передать музыкальными нотами — если бы я только могла сочинять. Собрав в пучок всё своё естество, я таким же непостижимым способом послала им образ себя, в котором заключались все невысказанные вопросы человеческой души, даже те, о которых она и не подозревала. Пришел ответ, и я ощутила, что в самой сути между нами нет различий. Потом всё стихло. Я лежала на песке вся в слезах, море качало волны, где-то вдалеке ребята пытались заснять на видео птиц и обсуждали, с какой стороны лучше к ним подобраться. Кажется, они ничего не заметили.

Я стала охотиться за крупной птицей на берегу, делая вид, что ничего не произошло, и кажется, мне даже удалось сделать пару удачных кадров. Я тогда не могла говорить о случившемся. На обратном пути нас сопровождали чайки, которые кружили над головами и сердито кричали. Мы добрались до велосипедов и поехали дальше. Палатку ставили уже в сумерках, но с места нашей стоянки открывался великолепный вид на ставшие дорогими моему сердцу скалы Вика.

В одной из музейных книг я вычитала, что тупиков лучше всего наблюдать с 7 до 10 утра и с 18 до 22 вечера. Поэтому, чуть проснувшись, я взяла велосипед и поехала к скалам. Не сказать, что тупики — это единственное, что меня туда тянуло. Мне хотелось побродить там одной самым ранним утром и опять посмотреть на океан. Да, там оказались тупики, но их было совсем немного, зато они сидели довольно близко, и мне удалось их как следует сфотографировать. Кажется, пару раз в море появлялись мордочки тюленей, но их заснять мне не удалось. В тот час там было невероятно: сладковато пахло вечностью, и ощущались начало и конец, сжатые в одну точку. Я сидела на вершине этих скал самым ранним утром одна, закрыв глаза. Внизу шумел прибой, и ветер колыхал редкие травы. И тут снова со мной произошло что-то необъяснимое. Нет, это не было похоже на вчерашний непростой диалог. Я всё ещё безмятежно сидела на скале и разглядывала травинки. Постепенно я стала осознавать, что чувствую, как ветер склоняет их к земле, стала ощущать их как часть себя. Моё тело расширилось дальше — и уже вмещало в себя и эту скалу, и тупиков, прячущихся от ветра, и тёмную массу воды, тяжело дышащую внизу. Я чувствовала, как ветер колышет траву на моём теле, что росла на соседнем утёсе, как он пронизывает её, прижимает вниз —

45...

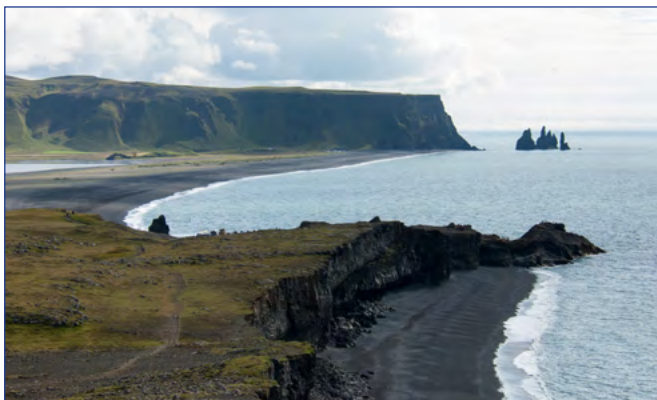
словно волосы на голове. Как чайка несёт в клюве рыбу своему птенцу, не теряя ни на секунду бдительность, как по ветке ползёт продолговатое существо, похожее на гусеницу — кажется, я ощущала собой всё, на чём концентрировалось внимание. Мне кажется, это было странно похоже на смерть, я растворилась в этом мире, но не канула в небытие, не потеряла себя, а добавила к своему естеству весь остальной мир. В моём новом теле сосуществовало множество разумов, но это было и единство — как если бы пальцы на руке обладали своим сознанием, но жили гармонично, потому что были одним организмом. Я стала частью Исландии, как старый мшистый валун, как бурный ледяной поток, как хлюпающее глиной жерло термального источника, как кулик-сорока, сидящая на заборе и щурящая глаза от ветра, что теревит её перья. Я встряхнула головой, возвращаясь в обычное состояние, но какая-то лёгкая дымка той связи с этим миром осталась внутри. Кажется, теперь Исландия приняла меня, посчитала достойной, и отныне испытания закончатся.

Да, странное место — Дирхолаэй.

Мне кажется, это не последняя наша встреча с тобой.

В лагере я присоединилась к моим друзьям, и мы пошли обследовать живописный грот, который изнутри порос зелёными листьями папоротника и выглядел очень необычно. Из него открывался почему-то печальный вид на скалы Вика — может, мне не очень хотелось их покидать.

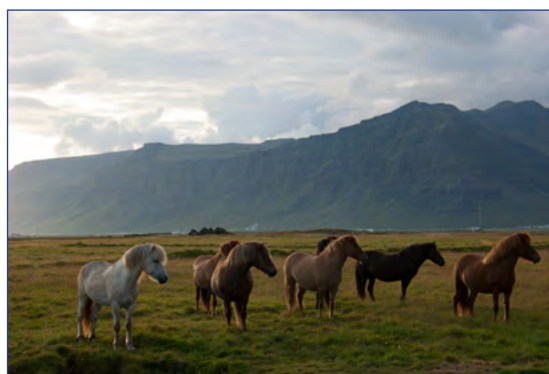
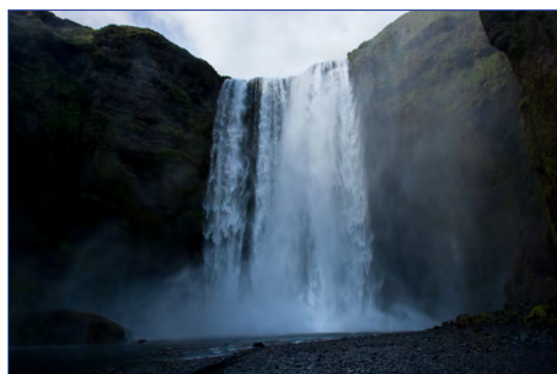
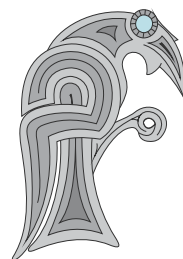
...46

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№21
2018

Было приятно и здорово снова ехать, светило солнце, нас окружали поля с овечками и работающими фермерами, справа возвышались вулканические горы. Мы видели два ледника одновременно — Мирдальсйокудль и Эйяфлатлайокудль с тем самым вулканом. По пути встретился водопад Скодафосс — высокий и очень широкий, с водой, напоминающей вату. Поэтому водопад производил впечатление падающего облака. Вверх и вправо от водопада уходила самая знаменитая в Исландии тропа, теряясь между двумя ледниками. Её протяженность около 23 км. Может быть, эта дорога дождётся нас когда-нибудь. День клонился к вечеру, и мы стали искать место под палатку. Отъехав от Скодафосса, мы встали на ночлег у какого-то ручья на пяточке, поросшем хвощом. В закатном солнце ревелись необыкновенной красоты кони, гоняясь друг за другом по полям и озаряемые тёплыми лучами.

На следующий день мы намеревались достигнуть Вестманнаэйра — города на острове Хэймаэй, что отделяется от остальной Исландии в её южной части. Всё утро мы мерно ехали по дороге, любовались видами зелёных лугов и ферм. Повсюду в полях паслись овцы и кони, провожая нас взглядами и задумчиво пожёвывая траву. По пути нам встретился холмик, внутри которого было сооружено углубление со скамеечкой. На табличке к нему рассказывалось, что холмик использовался фермерами, чтобы защитить молоко от солнца, а в непогоду дети ждали там школьный автобус. Классно было бы ребёнком здесь вот так посидеть. У кого-то в детстве был этот холмик, дождь, вид на пустую даль, продуваемую ветрами. Оставив позади чьё-то детство, мы тронулись дальше по своей дороге. Нам встретилась пещера, где согласно преданию жили призраки 14-ти моряков. Глубокий грот пещеры с высоким потолком порос зелёными листьями мелкого папоротника, солнце пускало свои лучи сквозь листву, и они светились в сумраке. Если там и жили моряки, то сейчас они явно вышли выпить эдакого в своих призрачных барах, так как никакого присутствия в пещере не ощущалось.

Свернув с трассы №1, мы помчались в сторону пристани, от которой шёл паром на Хэймаэй. Оказалось, что мы приехали прямо к отплытию. Здорово было оказаться на корабле, почувствовать движение вод под днищем судна, пройтись по палубе, подставив лицо солённому ветру. У пристани в воде плавали тупики, промышляя рыбой. Когда паром отходил, птицы стали на брюхе отпрыгивать в сторону, как лягушки, вместо того чтобы вспорхнуть и улететь, как подобает пернатым.

Где-то с час — и показались скалы и острова. А сам город ютился среди них на довольно ровном плато — город белого цвета. На этих островах находится несколько вулканов, среди которых — Эльдфедль, чьё извержение погребло под собой половину города. Часть впоследствии откопали, а один район оставили спать вечным сном под застывшей лавой. Мы забрались туда по лестнице и увидели таблички с названиями улиц и камни с изображением домов, погребённых внизу. Какие-то дома находились в 17 метрах под землей, глубина погребения одной церкви достигала 40 метров. А над городом и языком застывшей лавы возвышался вулкан Эльдфедль, который и натворил всё это в 1973 году, извергаясь 5 месяцев — с января по июль. Я была поражена теми людьми, что жили здесь. Мы узнали, что во время такого длительного извержения только часть населения эвакуировалась в Исландию, остальные же пытались тушить разливающуюся лаву из пожарных шлангов. Мне вспомнилось вдруг, как в раннем детстве меня так сильно потрясла картина Карла Брюллова «Последний день Помпеи», что несколько ночей я не могла уснуть от страха, что вдруг начнётся извержение, и мы будем погребены под слоем пепла. Всё было настолько серьёзно, что взрослым пришлось объяснить мне строение земной коры и то, что наш город

47...

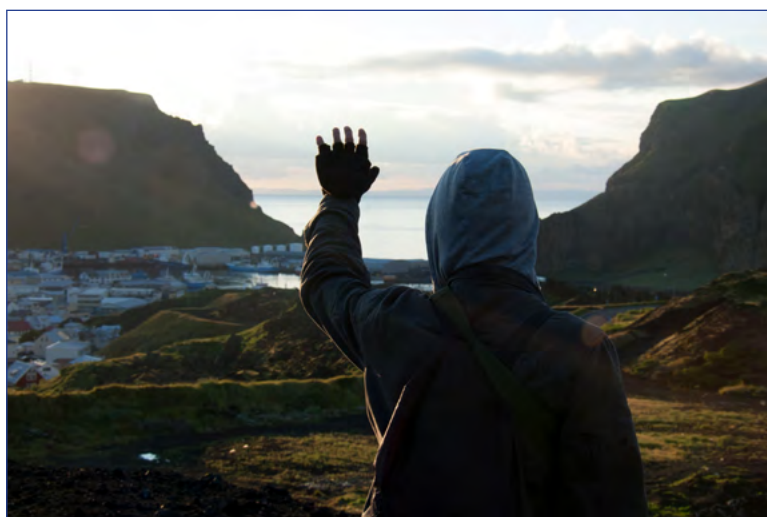
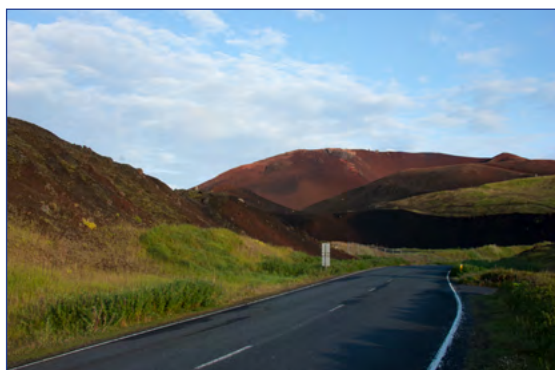
С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№21
2018

находится на твёрдой старой платформе, а не в районе сейсмоактивной складчатости. Только тогда я немного успокоилась. Поэтому, стоя на лаве и смотря то на расположившийся внизу город, то на возвышающийся над ним вулкан, я не могла перестать восхищаться мужеством живущих здесь людей. Рядом высилась гора Хельгафедль, что означает «священная гора», старый вулкан.

Мы прогулялись по погребённому городу, а потом решили подняться на властелина острова. Путь туда шёл по красно-чёрному вулканическому песку — и прямо на вершину. У этого вулкана не было кратера — он представлял собой вытянутый гребень; как мы потом выяснили, такие вулканы назывались «разломного типа». При извержении гребень раскрывался, и из длинной трещины языки лавы спускались на расположенный внизу город. Всего в лаве было погребено 417 домов. На самой вершине мы обнаружили отверстия в земле, из которых валил горячий воздух. Земля под ногами была тёплой. Около иных отверстий

было приятно погреть озябшие руки, а из других воздух шёл такой горячий, что, наверное, там запросто можно было бы сварить яйцо или запечь сосиску. Когда мы возвращались с вулкана, за нами увязался кот абрикосового цвета. Он шёл за нами всю дорогу до велосипедов — наверное, заблудился. Мы его прозвали Вулканический Кот Абрикос.

В эту ночь мы заночевали на лаве на окраине погрёбённого города.

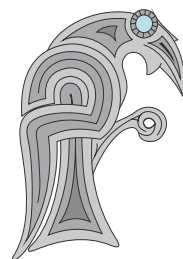
Наутро мы спустились с лавового поля к гавани. Окружённая вздыбленными из воды скальными островами, шумела портовая гавань, пахнущая рыбой и приютившая в своей уютной бухте уйму маленьких белых корабликов. Вестманнаэйар в переводе означает «острова западных людей» — говорят, первые поселенцы здесь были ирландцы, сбежавшие из рабства у викингов, которых последние называли «западными людьми». В национальном музее в Рейкьявике я вычитала занимательную вещь — оказывается, генетически 63% женщин Исландии относятся к жителям Британских островов, преимущественно Шотландии, а 80% мужчин имеют гены поселенцев со скандинавского полуострова. Такие дела.

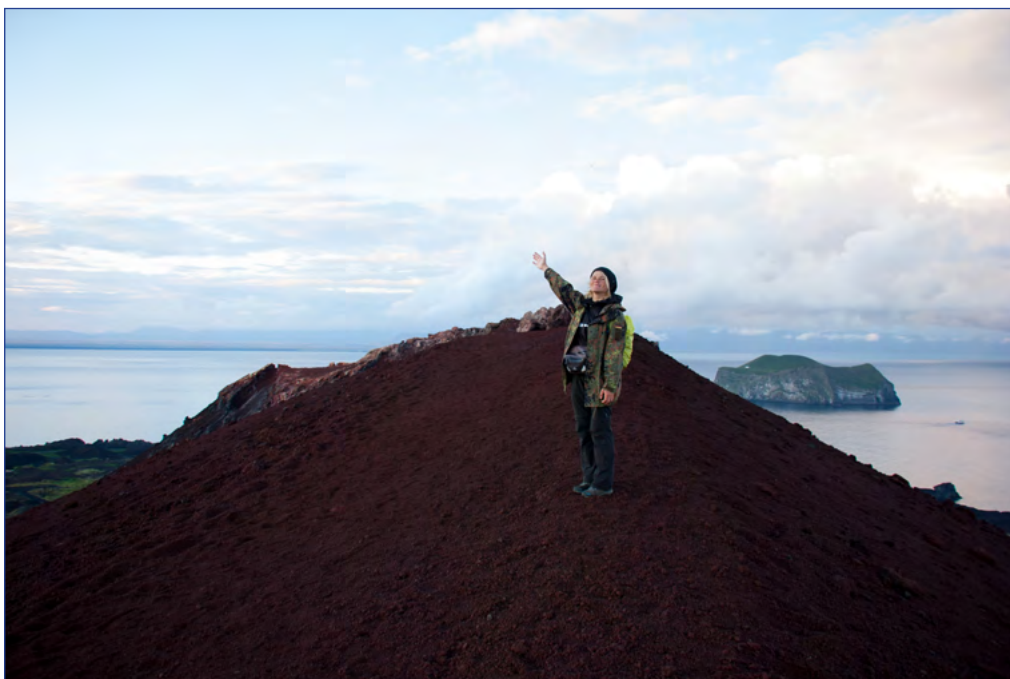
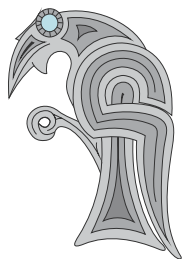

Самый большой остров архипелага Вестманнаэйар называется Хэймаэй, где и располагается довольно большой по здешним меркам город. Пожалуй, это второй по величине город в Исландии, который нам встретился — после мегаполиса Рейкьявика — остальные города можно назвать посёлками. Даже Вик. Мне нравится слушать шум портового города — там жужжат суда, загружая и выгружая грузы, кричат морские птицы, ходят редкие прохожие по своим обычным делам — всё это сильно напомнило мне мою родину.

Ближе к вечеру ребята решили пойти в краеведческий музей, а мне захотелось провести ещё немного времени с вулканами, ведь уже ранним утром паром заберёт нас из этого сказочного места. И я начала своё восхождение на вулкан Хельгафедль — уж очень мне хотелось заглянуть в его кратер. Когда я забралась наверх, оказалось, что он весь порос травой и жёлтыми цветочками. Это было так необычно, ведь сам вулкан представлял собой безжизненный каменистый холм, состоявший из обломков лавы и вулканического песка. Я побродила вокруг кратера, спустилась в него, потрогала землю — не горячая, в отличие вершины Эльдфедля, где из трещин в земле поднимается горячий воздух, и сама она тёплая-тёплая. Я спустилась со «священной горы» и решила воплотить маленькое озорство — зашла в магазин Кронп и прикупила там пачку сосисок, — забавно, что их марка называлась «Godi». А потом вновь отправилась на Эльдфедль. И вот я уже сижу у своеобразного очага и смотрю, как печётся сосиска в вулкане. Кажется, получилось, — я чувствую восхитительный аромат, их кожица вкусно треснула, и засочился сок. Посмаковав офигенность момента, я тут же поужинала этими горяченькими кусочками наслаждения, а потом спустилась вниз навстречу к ребятам, которые вернулись с кладбища. Мы решили заночевать у подножия Хельгафедля с обратной стороны от города. Здесь склоны поросли приятной травой, а из палатки открывался вид на Атлантический океан.

Мне было грустно покидать Вестманнаэйар, я постоянно оглядывалась ему вслед, стараясь сохранить в памяти вид этого белого города среди скальных островов. Теперь наша дорога неумолимо стремится к завершению. Мы заняли классные места прямо на носу корабля, подключив в розетки всю нашу технику, — выглядело это как какое-то взрывное устройство. Вскоре паром причалил, и мы отправились в обратный путь. Нашей целью на сегодня был город Хвольсвёлур и расположенный там музей исландских саг — всего в 30 км от пристани. Музей саг меня совсем не впечатлил — там были представлены принты иллюстраций из краткого пересказа саги о Ньяле. И больше ничего занимательного. А вот кафетерий оказался классный, сделанный из добротного дерева в стиле эпохи викингов, — столовая для ярла и его людей: деревянные столы, длинные скамьи, покрытые шкурами, —

всё как надо. После Хвольсвёлюра мы снова покатали дальше. Проехали не очень много, километров 10, и достигли города Хелла. Здесь ребята уточнили расписание автобуса до Рейкьявика и решили сесть на него завтра в 10:20 утра. Мне же, как это у нас повелось, предстоял путь на велосипеде в 93 км.

Вечером на меня навалилась светлая грусть — вот и подошло к концу путешествие, что-то упущено, что-то промелькнуло слишком быстро, а на что-то хотелось смотреть другими глазами. Сквозь пальцы утекало настоящее прямо в сердце, становясь уже воспоминаниями, которые будут греть радостью всю жизнь: Вик, Дирхолаэй, Вестманнаэйар, гейзер Строккур, водопад Хайфосс и маленький мир с кукушкиным льном.

Кто знает, что ещё ждёт впереди, может быть, волшебство только начинается.

Завтра меня всё ещё будет ждать дорога, и я оставлю этот лист недописанным, чтобы история никогда не заканчивалась.

Для связи с автором пишите на: kaisa.varzuga@gmail.com

Недуг и демон костяной находки на Профессорн 4

Магнус КЕЛЛСТРЁМ
(Magnus KÄLLSTRÖM)

Вклад в интерпретацию
сложной надписи из Сигтуны

Перевод статьи выполнен силами
Хранителей Традиции
https://vk.com/keepers_of_the_tradition

ОДНА из самых странных рунических находок была сделана в Сигтуне в 1996-м году при раскопках в окрестностях Профессорн 4 (Professorn 4). Через год после изучения культурных слоев при непосредственном содействии музея Сигтуны археологи обнаружили ребро, на обеих сторонах которого можно было разглядеть свыше ста хорошо сохранившихся рунических знаков. Стратиграфические исследования находки (т.е. определение возраста на основе окружающих ее культурных слоев в совокупности с природными породами — прим.) позволяют утверждать, что она была изготовлена в конце XI — начале XII века. Хелмер Густавсон (Helmer Gustavson, 2010) подверг надпись самому тщательному анализу, а затем, в процессе изучения, интерпретировал её целиком. Предложенную им версию можно обобщить следующим образом (исправление некоторых типографических ошибок см. Gustavson, 2010: 64, 71):

(A:) **iorils x ouriþ x uaksna ur : kroke x bat han x riþu x bar-... | [+ 8 тайных рун]**
(B:) **han : riþu x aok x siþa x sarþ x sararan x uara x hafir x fult | fekit x fly : braot riþa**

Iorils vrið! Vaksna ūr Krōki! Bant hann riðu, barði(?) hann riðu. Ok siða(?) sarð sāraran. Vara hafir (hann) fullt fengit. Fly braut riða!

Перевод: «Йорилла (ранящий) жезл! Сильнее становится Крок! Он (т.е. наславший болезнь) един с лихорадкой, будет сокрушен (?) с лихорадкой. Сейдом околдовал (?) очаг боли. Полностью схвачен гной. Улетай, лихорадка!»

(Шведский вариант содержит много архаизмов, трудных для адекватной адаптации на русский язык. Поэтому, чтобы у читателя сложилось наиболее полное представление о смысле надписи, приводим также оригинал шведской версии и вариант с дословным переводом некоторых трудных и спорных слов:

Jorils (sår)pinne! Väx ur Krok! Han (dvs. besvärjaren) band febern, kros-sade(?) febern. Och sejdandet gjorde slut på sårhuset. Han har fångat varet fullständigt. Fly bort feber!

Jorils (sår)pinne ((рана, язва) булавка, острая палка, жезл)! **Väx** (становиться выше, расти, набираться сил) **ur Krok! Han (dvs. Besvärjaren** (здесь пояснение от Густавсона. В своей книге, прежде чем дать собственную интерпретацию этой надписи, он некоторое время рассуждает на тему того, кем мог быть **Joril**, и условно называет его **Besvärjaren** — то есть проклинаящий, злой колдун (от **Besvärja** — заклинать, очаровывать, насылать проклятие))) **band** (производная

51...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 21
2018

форма от глагола **binda** — сдавливать, связывать) **febern, kros-sade(?)** (разрушать, дробить, уничтожать) **febern**. **Och sejdandet** (в различных источниках так называют сам процесс сейд-чародейства. Это глагол, который приблизительно можно перевести как «засейдить» или «сейдовать» — использовать сейд-колдовство) **gjorde slut** (завершил, закончил) **på sårhuset (sår** — рана, язва; **hus** — дом; то есть дом болезни). **Han har fångat** (поймать, захватить) **varet** (гной, гниль) **fullständigt** (несколько более усиленное слово, чем просто «полностью»; **full** — полностью, целиком; **ständigt** — навсегда). **Fly bort feber!**

Уже из первой публикации (Gustavson, 1998: 25 и далее) было ясно, что надпись представляет собой заклинание против демонической лихорадки. Но до сих пор ясны не все детали, и поэтому данную трактовку справедливо считать, вероятно, не окончательной. Конструкция надписи напоминает текст знаменитого амулета из Сигтуны, который был найден в 1931 году в районе Гранхекен (Granhäcken), а также надпись скандинавскими рунами из рукописи «Кентерберийское заклинание» (Canterburyformeln, DR 419, см. также Gustavson, 2010: 73 и далее), которая сохранилась в Британской библиотеке. Последняя начинается со следующих слов:

kurilsarþuaraforþunufuntinistu

Надпись интерпретируется так: «Гюриля (Gyri) ранящий стержень, прочь улетай, тебя обнаружили!» (DR: 490). Позже в надписи снова можно встретить имя демона: в фрагменте **iurilsarþura**, где **iuril** принято считать неверно написанным словом **kuril** (см., например, DR 658, под словом *Gyri*). Последовательность рун **sarþuara** интерпретируется как родительный падеж слова **sarþwari** — «несущее язвы копье» (**sårstång** — дословно «язва-шест» — прим.). Изначально это слово рассматривалось как кённинг для меча или копья, пока Энн Хольтсмарк (Anne Holtmark, 1951: 216 и далее), переосмыслив, не пришла к выводу, что речь идет о гнойном воспалении (**vågmor**), т.е. об образовании абсцесса. Впоследствии именно такое определение было внесено в древнескандинавские словари (см., например, Fritzner 4: 302, определение слова *sårþvara*).

Еще раз обратимся к первой части находки из Сигтуны:

iorils x ourip x uaksnaur : kroke

По всей видимости, в этом фрагменте заложено аналогичное смысловое содержание: кто-то или что-то, называемое **iorils x ourip**, получает прямое указание оставить в покое человека по имени Крок. Густавсон предположил (2010: 67 и далее), что значение этих слов можно найти в «Кентерберийском заклинании». В частности, он ссылается на фрагмент **kurilsarþuara** и думает, что **ourip** может быть одной из форм глагола *vrida* («крутить, вращать» — прим.) и здесь используется в значении (**sår**)pinne ((ранящий, наносящий увечья) жезл — прим.). Первое же слово в рунической надписи **iorils** Густавсон связывает (2010: 70) с **kuril/iuril** из «Кентерберийского заклинания» и интерпретирует его таким же образом, как и Хольтсмарк.

Что же касается меняющегося обозначения исходного звука, то здесь он солидарен с Феликсом Гензмером (Felix Genzmer, 1950), который утверждал, что при записи «Кентерберийского заклинания» за основу не был взят какой-либо письменный англосаксонский образец, и вместо этого текст воспроизводился по памяти. В староанглийском буквы «G» и «J» звучат очень похоже, и если в начале слова поставить «j» вместо «g», то ее очень легко спутать с «i». Соответственно, по словам Гензмера, писари бездумно воспроизводили на слух первую букву в слове **Gyri**, и у них получалась «j». Именно так руна «k» превращалась в «i». Густавсон также утверждает (2010: 71), что подобная неразбериха с «G» была присуща и скандинавским языкам, пока она не была решена в средние века. Поэтому форма **iorils** кажется ему «удивительной, учитывая, что кость датируется XII веком».

Объяснение Гензмера кажется весьма правдоподобным, но все же остаются некоторые обстоятельства, которые вызывают сомнения. Например, маловероятно, что англосаксонский писарь записывал всю формулу по памяти, учитывая использование скандинавских рун и (за одним исключением) безукоризненный древнескандинавский язык. Разве не гораздо более вероятно, что формула была списана с некоего образца, например, с деревянной палочки или даже металлического амулета наподобие того, что был найден в Сигтуне? И тогда банальное неправильное освещение легко могло бы превратить руна «k» в руна «i». Тем не менее, не стоит забывать, что надпись на ребре из Сигтуны по факту начинается с **iorils**, где первая руна «i», и что этот текст является оригинальным за весь XII век. Этот факт оказывает сильнейшую поддержку слову **iuril** в «Кентерберийском заклинании». И если это действительно так, то **kuril** и **iuril** следует рассматривать как два различных слова, а не как ошибку писаря.

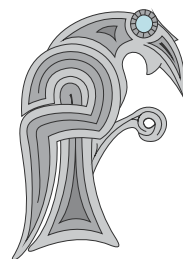

Изображение 1. Лицевая сторона рунической надписи на кости из Профессорна 4. На ней видны наиболее обсуждаемые слова «iorils x ourip». Над ними можно увидеть восемь тайных рун, которые до сих пор не удалось расшифровать. Фото Bengt A. Lundberg, 1997.

Это заставляет еще раз вернуться к надписи из Сигтуны и посмотреть, возможно ли интерпретировать руны **iorils x ourip** любым другим способом. Так как **iorils**, по всей видимости, ставит **ourip** в родительный падеж, оно должно быть главным словом в предложении, поэтому уместнее будет начать именно с него.

Конечно, это весьма занятно, что Густавсон сразу берется за глагол **vrida**, даже не пытаясь рассмотреть существительные. Например, древнее шведское слово **vridh**, означающее «боль, колики» (Söderwall 2: 1012), т.е. аналог современного заворота кишок. Форма этого слова **vrid (vred)** в значении «боль» также встречается и в древних датских источниках (см. Kalkar 4: 875). Вряд ли **ourip** является прямым эквивалентом этого слова, поскольку буква «v» в начале слова обычно не записывалась сочетанием рун «ou». Хотя один такой пример можно встретить у того же Густавсона (**kouikon** («быстрый») *kvikk(v)an* на руническом камне U 1040). Руна «o» объясняется здесь личным предпочтением резчика.

Если мы заглянем в ШАС (Шведский Академический Словарь), то увидим, что приставка **ō-** при определенных условиях все-таки соответствует орфографическим правилам, а не личной прихоти. Рассмотрим альтернативное использование этой приставки из официального определения: «Используется для придания более или менее уничижительного смысла, чтобы обозначить нечто ненормальное (сверхъестественное или опасное, или абсурдное) или нечто неблагоприятное, или неудачное, или зловерное, или неполноценное, или плохое и т.п.». Там же мы можем найти, что практически всегда важность доносится исключительно через **-sätt**, которое выступает связующим между существительными. В качестве примеров указывают слова: «проклятие», «несчастье», «проступок» и т.п. (в оригинале все слова начинаются на «o»: **obön, ofärd, ogärning**). Основная проблема заключается в том, как далеко назад во времени можно пронести такой тип соединений через **o-**. Эрланд Роселл посвятил этой группе слов самые детальные исследования и в итоге пришел к выводу, что в старшведском языке этим словам редко придавалось уничижительное значение и что продуктивными они стали только в новое время (Erland Rosell, 1942: 178). Стоит также отметить, что он сформировал особую группу слов, в которых выявил так называемую «аномальную **o-**». Каждое слово в этой группе так или иначе относится к чему-то аномальному или неестественному. Сюда он внес в том числе и старшведское слово **ogærning**, т.е. «колдовство», которое в книге «Эстгеталаген» (*Östgötalagen — книга законов Восточного Геталанда и Эланда — прим.*) также используется в значении «истребление через отравление или колдовство (**Trolldom**, где **troll** — собственно, тролль, турс, а **dom** — обречение, приговор по аналогии с английским «doom» — прим.)» (Schlyter: 481). Примечательно, что Роселл также находит (1942: 184) такую «аномальную **o-**» в нескольких поздних старшведских словах, которые как раз имеют прямое отношение к различным расстройствам и заболеваниям: **okladhe** — «сильный зуд»; **och osar** — «тяжелые раны» (Söderwall Suppl., s. 580, 593). Последнее слово также имеет форму **osår**, и в этом виде оно принимает следующее значение (согласно ШАС): «Опасные или воспаленные раны; гнойные нарывы; также возможно: фурункул». Это слово в данном значении встречалось не только в позднем старшведском, но и до сих пор используется в некоторых современных шведских диалектах (см. Rosell, 1942: 184, прим. 44). Учитывая всё вышесказанное, можно предположить, что слово **ourip** из Сигтуны может соответствовать ранее неизвестному старшведскому слову **ōvrið**, означающему «тягостная, противоестественная шишка».

53...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№ 21
2018

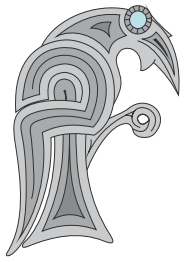

Первоначальное **iorils** также следует рассмотреть в родительном падеже, но на самом деле у этого слова не так уж и много этимологических вариантов. Похоже, здесь мы наблюдаем производное от *ila-*, когда суффикс существительных обычно выступает в качестве посредника или инструмента для преобразования их в глаголы, придающие уменьшительное значение и стоящие во главе второго существительного (Wessén, 1965: 57). Так как в этом случае нет никакого глагола, связать с производным от основного существительного можно только одно слово из древнескандинавского языка: **iórr** — «дикий кабан», которое очень часто встречается в рунических надписях в виде корня *iór-* при упоминании различных имён, типа **Iörunðr**, **Iörunn** и т.п. (см. Peterson 2007: 141). Если речь в надписи идет о желудочной болезни, можно предположить, что демонический недуг передавался людям от свиней.

Также следует рассмотреть еще одно предположение, а именно: связать руническую надпись **iorils** с водотоком Йора (*Jōra*), который появляется в нескольких местах по всему северу. По словам Ассара Янцена (Assar Janzén, 1936: 247), который (в том числе) занимался детальным исследованием имен и названий, любое такое слово может рассказать, откуда оно пришло. **eur-* (звездочка здесь и далее означает любые слова, содержащие этот фрагмент — прим.) имеет архаичные корни, соотносящиеся среди всего прочего с древнескандинавским **aurigr**, *-ugr* — «мокрый»; **aurr** — «вода»; **úr** — «мелкий дождь, изморось», что также родственно староанглийскому слову **wær** — «фонтанирующая вода, быстрый поток» и древнескандинавскому **vari** — «вода, жидкость» (Janzén, 1936: 247 и далее). Интересно, что последнее слово (в виде **uara**) скорее всего позже окажется на кости из Сигтуны. Именно это слово Янцен называл основополагающим в ряде индоевропейских языков, так или иначе связанных с водой или жидкостью (1936: 251). Он также говорит, что название Йора, «скорее всего, означает 'богата водой' или, возможно, просто 'вода'». Янцен также обнаружил (1936: 252), что названия с корнем *Jor-* встречаются по всему Западному региону скандинавских стран (в первую очередь это Норвегия и Бохуслен). Тем не менее, он полагает, что восточное (имеется в виду *Восточный регион Скандинавии* — прим.) *Jūr-*, возможно, пришло на запад из Вестергётланда вместе с именем Дюран (*Djuran*), образовав в итоге название ***Jūra**.

Конечно, интерпретация Янценом названия водотока Йора была встречена с некоторой критикой. Например, Вальтер Янссон (Valter Jansson, 1939: 321) в том числе оспаривал и *-satt* в составе некоторых слов, значения которых разбирал Янцен. Он также отмечает, что корень *iór-* может возникать при образовании некоторых имен собственных и названий построек, а также, что «кажется, <...> мы видим здесь инстинктивное желание свести вместе древнескандинавское **iöfurr** и родственные слова». Это приводит к традиционной интерпретации упомянутых названий рек, что означает, что древнескандинавское **iöfurr** использовалось здесь в значении «дикий кабан» (см. комментарий Янцена, 1936:245). Несколько позже Янцен скажет (1948: 5), что отклоняет возможность такой интерпретации, «так как по крайней мере одно из норвежских названий Йоры никак не может содержать в себе **iöfurr**, поскольку дикие свиньи не способны поставить под сомнение наличие воды в горном потоке» (здесь Янцен саркастически намекает, что хотя бы в одном месте в Норвегии кто-то увидел саму воду раньше, чем диких кабанов в этой местности и, следовательно, несмотря на схожие корни, дал название, акцентируя его на воде, а не на животных — прим.).

Исследователь топонимов Гёста Францен (Gösta Franzén, 1977), опираясь на некоторые названия поселений и овчарен, приходит к выводу, что залив Слётбакен (*Slätbaken*) в Сёдерчёпинге (*Söderköping*, *Östergötland*), возможно, первоначально носил название ***Iūr**, и подчеркивает, что хоть «в названиях водоемов завсегдатаями являются *Jur-/Jor-*, и это отлично подтверждают» скандинавские страны, найти какую-либо убедительную этимологию ему не удалось (Franzén, 1977: 103). Среди прочего он также упоминает интерпретации Янценом групп слов и говорит, что, хотя его «аргументы были поставлены под сомнение Янссоном <...>, теория сама по себе кажется имеющей достаточно веские основания, чтобы утверждать о появлении некоторых слов в балтийских языках, происходящих от *eur-* и так или иначе связанных с водой или водными путями» (там же). И это одобряет даже некоторая современная литература. Например, Роджер Вадстрём говорит (Roger Wadström 1983: 16 и далее), что приход имени Йорланды (*Jörlanda*) в Бохуслене дал название водотоку *Йора как в самом Бохуслене, так и в Норвегии, и что «корень **jōr-* <...>, вероятно, является обозначением воды». Однако Шведский словарь географических названий (SOL, 2003: 158) более осторожен: «Такая приставка в названии может быть отсылкой к старому имени Йорланды (*Jörlanda*), где *Йора (**Jora*), возможно, означает 'богатый водой' или 'вода'».

Kuril из «Кентерберийского заклинания» в предыдущих исследованиях убедительно трактовали как Гюриль. Основанием для этого служило древнескандинавское слово **gor** — «наполовину переваренная пища в кишечнике животных» (см DR: 658, Gyril). То же самое слово (**gorr**) встречается как в старошведском языке, так и в более поздних его диалектах, где оно может также означать «экскременты, навоз; нечистоты; отстой», а также «абсцесс или гнойную рану» (см. ШАС, G, 765). Согласно предположению Эвальда Лидена (Evald Lidén, Lindquist, 1936: 36), имя демона Гюриль относится к «персонализации разложения, гниения». Весьма заманчиво представить, что за словом **iorils** с кости из Сигтуны кроется нечто подобное, тем более слова с **iūr/*iōr* означают воду или жидкость, что также может быть связано с различными язвами и болячками. Такая же этимология может быть применена к слову **iuril** из «Кентерберийского заклинания», которое в таком случае снова перестает восприниматься как результат канцелярской ошибки.

Следует отметить, что это предположение тоже не идеально. Например, ожидалось, что так называемый умлаут «i» (*изменение артикуляции и тембра гласных: частичное или полное подражание предыдущего гласного последующему, обычно — коренного гласного гласному окончания в некоторых германских языках — прим.*) в составе *ila-* должен был изменить свойства корня (ср. *Gyrill* и др.сканд. **Gur-ila-R*). Начальное /iu:/ возвращается к более ранней форме /eu/, что превращает его в /y:/, то есть длинное «у» (см. Noreen 1904: 56 § 59.11). Но этого не было сделано, что можно было бы объяснить формой имени *Йорилл (Iōrill)*, которое образовалось относительно недавно, уже после того, как умлаут «i» перестал работать. С другой стороны, также плохо, что предлагаемое использование в составе слов **iūr/*iōr* в скандинавских странах на данный момент было обосновано только через географические названия, что, следовательно, относит его к очень архаичной группе. Еще одна нестыковка заключается в том, что это имя не было изначально получено через *ila-*. Вместо этого был использован суффикс *ula-*, в котором любой умлаут «i» неприменим. Хотя мы можем предположить, что окончание *-ull* позже просто заменили на *-ill*. Стоит отдельно отметить произношение слова **iorils** с рунической надписи из Сигтуны. Как подчеркивал Янцен (1936: 252), эквивалентом западного *Jōr-* должен был быть *Jūr-* из восточной области. Поэтому загадка **iorils** решается более эффективно, если рассматривать это слово в разрезе западноскандинавских диалектов. Тем не менее, это, вероятно, самая меньшая из проблем. Также нужно отметить, что при резке дифтонга /au/ (*сдвоенной гласной, когда при произношении одна переходит в другую — прим.*) крайне редко использовали обозначение «ao» вместо привычного «au» (**braot => braut; aok => auk**), что может говорить о том, что у резчика были некоторые трудности при различении «u» и «o».

Понятно, что при создании надписи несколько раз намеренно была использована аллитерация, которая позволяет в полной мере изложить весь текст в поэтической форме. Первая часть надписи может быть интерпретирована в данном случае следующим образом:

*Iōrils ðvrið
vaksna ūR Krōki*

Данные строчки, очевидно, используют аллитерацию на *v-*, но следует отметить, что аллитерация нечетных строк приходится на вторую половину слова **ðvrið**. Тем не менее, этот пример не является слишком удачным, и его никак не поставить в один ряд с эддической поэзией (ср. «Речи высокого» 29 *opt sér ógott um gelr*, 145 *Betra er óbeðit, en sé ofblotit* и «Поездку Скирнира», 19 *óleiðastan lifa*).

Первые два слова на ребре — **iorils x ourip** — должны поэтому, на мой взгляд, читаться как **Iōrils ðvrið** — «Йорилла тяжкая шишка». Сложно сказать, какая болезнь могла бы скрываться за этими строками, но разумно предположить, что это желудочное или кишечное расстройство. Так как он, по всей видимости, был единым целым с болезнью (ср. заключительное **Flý braut, riða!** — «Улетай, лихорадка!»), наиболее вероятным мне видится обострение аппендицита.

Если эти предположения верны, то словари восточного древнескандинавского языка можно пополнить двумя ранее неизвестными словами: имя демона **Iōrill**, которое также может быть архаичным определением воды, и название болезни **ðvrið** — «тягостная, противоестественная шишка». Длинная надпись на ребре также содержит еще одно слово, которое ранее не встречалось в рунических надписях. Это крайне спорное **vaksna**, где окончание *-na*, предположительно, служит выразительной частицей (Gustavson 2010: 68) либо становится переходным причастием от **vaxinn** («расти, возводить»), как, например, древнескандинавское **brotna** («ломаться») становится **brotinn**, или как **gróna** («зеленеть») «растет, увеличивается» пока не переходит в **gróinn**.

Другим примером является существительное **sīða**, когда абстрактное мышление превращает его в **sejdandet**. Существительное становится глаголом, вероятно, просто потому, что это просто оказалось удобнее в данный момент времени (см. Gustavson 2010: 70). Можно также задать вопросом, что означает слово **sararan** в этой рунической надписи. И это даже несмотря на очень привлекательный вариант Густавсона (см. там же). Действительно ли оно получило свою окончательную интерпретацию или все-таки за ним кроется нечто иное? Резюмируя все вышесказанное, остается только добавить, что в этой увлекательной надписи все еще остается очень много открытых вопросов.

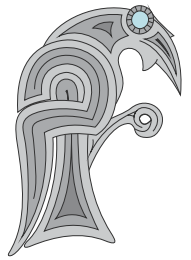
... 56

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№21
2018

Истории о растениях (Grasasögur)

Йоун АУРТНАСОН
Перевод: Вадим ПЕРМИН

Часть вторая

Это перевод главы из раздела «Истории о природе»
(*Náttúrusögur*) фольклорного сборника Йоуна Ауртнасона
«Исландские народные предания и сказки».

В. Травы (Grös)

«Замок-трава» или **четырёхлистный клевер**. У этой травы такое название от того, что она открывает любой замок, на который [она] помещена. Чтоб заполучить её есть два способа. Первый — такой: взять послед лошади в дни переезда¹ и зарыть в землю близ болота там, где достаточно сыро, на глубину около фута, и затем накрыть дёрном. Если осмотреть [это место] в ночь мессы св. Йоуна, трава должна прорасти².

По рассказам из Муласислы³, в которых эта трава зовётся четырёхлистным клевером (*Paris quadrifolia*)⁴, она не вырастает раньше, чем на третий год. Затем надо взять сей «клевер» и высушить на ветру, да остерегайся, чтоб солнце на него не попало, и носи его на шее на шёлковой нити; открывается тогда любой замок перед тем, кто эту траву имеет.

Другой способ связан с бóльшими трудностями. Человек должен сделать дверную

коробку целиком, вместе с дверью, замком и ключом, да установить её перед гнездом белой трясогузки и запереть в то время, пока трясогузка не в гнезде. Когда она прилетит к гнезду, захочет она попасть к яйцам своим или птенцам; найдёт она тогда «замок-траву» и принесёт её к двери или засунет в замок и так откроет его тотчас, и именно так люди впервые узнали о магических свойствах сей травы. Когда трясогузка воспользовалась сей травой, следует её взять и использовать по нужде и необходимости; но с этим связана такая трудность, что никогда больше тот, кто сию траву использует, не может ходить с непокрытой головой, потому как трясогузка постоянно будет искать случая скинуть ядовитую змею ему на голову и убить его.

Манжетка⁵. Если человек спит на манжетке, не снятся ему ни кошмары, ни дурные сны.

«Супружеская трава». У «супружеской травы» два корня, один толстый, а другой сухой (тонкий). Толстый корень возбуждает женолюбие и плотские желания, прогоняет печаль, увеличивает радость и подкрепляет

¹ Fardagar — дни переезда (несколько дней в конце мая — начале июня).

² Рукопись с Западных фьордов называет это растение: «herba omnia reserans», а «Хамрендабоук» — «травой, которая всё открывает» (прим. автора).

³ Múlasýsla — округ на Востоке Исландии.

⁴ Вороний глаз четырёхлистный или обыкновенный.

⁵ Máriaustakkur — Манжетка тонкостебельная (*Alchemilla filicaulis*).

57...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 21

2018

душевную силу человека. Сухой корень следует давать человеку для воздержания.

Эту траву обычно называют «травой Браны», и ещё больше имён у неё, например, «любовная трава», «трава Фригг», «корень похоти» и «трава подруги»⁶. Название «трава Браны», само собой разумеется, происходит от той травы, которую Брана старая дала своему воспитаннику Хальвдану, чтоб получить любовь Марсибилы дочери Оулава конунга Англии.

«Трава Браны» растёт во многих местах Исландии и у неё крепкий стебель и блестящие зелёные листья на три стороны, и соцветие вверх, как говорит Эггерт Оулавссон, пурпурно-красного цвета.

Мор⁷ знаком с таким суеверием, что люди, как в Исландии, так и в других местах, представляют себе, что эта трава возбуждает похоть⁸ и любовь между мужчиной и женщиной, и успокаивает несогласие между супругами, ежели они спят на ней. Но сейчас, прежде всего говорят, что корни сей травы наиболее сильны, и их всегда два под одним стеблем, один сильный⁹, а другой слабый¹⁰. Когда они срезаны и оба брошены в воду, «сильный» держится на поверхности, а «слабый» тонет.

Когда человек хочет добыть сей корень, чтоб пробудить любовь, должен тот, кто ищет любви, окопать хорошенько вокруг корней той травы, и тщательно следить, чтоб ни один отросточек не оторвался ни от одного из корней, когда он достаёт их из земли; иначе потеряют они свою силу. После этого следует положить один корень под голову тому, чью любовь человек хочет заполучить, но всё же устроить всё следует так, чтобы она об этом не знала и спала на корне, а самому нужно спать на другом. Говорят, что едва ли подведёт [этот способ], что человек получит любовь той, которой искал, если всё правильно сделано.

⁶ Сейчас в Исландии эти названия относятся к разным видам орхидей, так *Hjópnagr* – Псевдорхис беловатый (*Pseudorchis albida* ssp. *straminea*), *Friggjargr* – Лимнорхис гиперборейский (*Limnorchis hyperborea*), а *Brönuagr* – Ятрышник пятнистый, или Ятрышник крапчатый (*Dactylorhiza maculata*).

⁷ Даниель Маттиас Генрих Мор (нем. Daniel Matthias Hienrich Mohr; 1780–1808) – немецкий ботаник-бриолог и зоолог.

⁸ Мор говорит, что эту траву дают слабым и вялым быкам в Швеции и на Фарерах, чтоб пробудить у них влечение к коровам (прим. автора).

⁹ Прилагательное «*hvatgr*» так же переводится – «быстрый», «проворный», «живой», «энергичный», т.е. то, что соответствует активному, «мужскому» началу.

¹⁰ Прилагательное «*blauðgr*» ещё и «вялый», «бездеятельный», «трусливый», «женского пола», т.е. всё, что соответствует пассивному, «женскому» началу.

Таволжник¹¹. Таволжник используют и использовали для того, чтобы узнать, кто украл. Её следует собирать в ночь мессы Йоуна, в самую полночь, наполнить тазик для умываний чистой водой и положить траву в воду. [Если] она всплывёт, то [вор] женщина, но [если] утонет, тогда парень. Тень растения укажет, кто именно [вор]. При этом следует читать сию формулу: «Вор, я заклинаю тебя вернуться с добром, что ты украл у меня, таким же сильным заклинанием, каким бог изгнал дьявола из рая в ад».

Трава Фрейи¹². Трава Фрейи используется для того чтобы узнать, кто у человека украл. Сначала надо поместить её в воду на три ночи, потом положить под голову свою и спать на ней, и должен человек тогда увидеть того, кто украл.

Калужница¹³. Магическая сила сей травы удивительна, потому как если она собрана, когда солнце в знаке льва (с 13 июля по 12 августа), и вымочена в крови ягнёнка, и вложен туда волчий зуб, и затем завёрнута в лавр (лист?), да носится на себе, никто не сможет сказать тому человеку ничего, кроме мирных слов. Если у человека украли, и он приложит её к своему глазу, должен он увидеть вора и все его деяния. Если лютик сей помещён в дом, где находятся женщины, которые прелюбодействуют, не смогут они выйти, пока лютик тот не заберут.

Если носить на себе **толокнянку**¹⁴, в серой бумаге, защитит того от всех духов, кроме тех, что призваны. Ягоды толокнянки называют *mulningar* (нечто разбитое, расколотое). Если люди их едят, избавляются они от вшей¹⁵. Вот почему их порой называют *lúsamulningar* (от *lús* — вошь).

Есть ещё кое-какие травы, о которых я не знаю никаких рассказов, но, тем не менее, похоже они должны быть, или по крайней мере были; и в состав их [имён] входило имя чёрта, например, «**демоногон**»¹⁶, и после того, как услышат это имя — не нужно большего, чтоб понять, что за сей травой великая сила, как упоминалось ранее, это [растение]

¹¹ *Mjaðurt* – Таволга вязолистная, Лабазник вязолистный, или Таволжник (*Filipendula ulmaria*).

¹² *Freyjugr* – Василисник водосборолистный (*Thalictrum aquilegifolium*).

¹³ *Lækjasóley* – Калужница болотная (*Caltha palustris*), другое исландское название – *Hófsóley*.

¹⁴ *Sortulyng* – Толокнянка (*Arctostaphylos uva-ursi*), другое исландское название – *Mulningur* (*Múðlungur*).

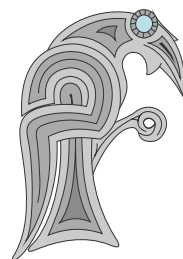
¹⁵ См. Л.Кораблев "Англосаксонская магия. Исландский травник", на стр. 152 приведён иной перевод этого отрывка.

¹⁶ *Fjandafæla* – Сушеница норвежская, или Сухоцветка норвежская (*Omalotheca norvegica*).

защита от зла. Другие — это «чёртов палец», «чёртова нога», «чёртова трава», «чёртов волос», «чёртова капуста», «чёртов канат»¹⁷. Порой невозможно понять, чего больше в названии растения, его лечебной силы, или колдовской. Так, например, с «**кровокорнем**»¹⁸, который в действительности останавливает кровотечение, но, тем не менее, используется так же и для магии.

¹⁷ Skollafingur – Баранец обыкновенный (*Huperzia selago*), Skollafótur или Klóelfting – Хвощ полевой (*Equisetum arvense*), Skollagras – водоросль (*Chordaria flagelliformis*) или папоротник Пузырник ломкий (*Cystopteris fragilis* var. *dickieana*), Skollahár или Kerlingarhár – водоросль (*Desmarestia aculeata*), Skollakál или Geitanjólí, Geitakál, Hvannabróðir – Сныть обыкновенная (*Aegopodium podagraria*), Skollareipi или Hnútaber – Костяника (*Rubus saxatilis*).

¹⁸ По разным данным Blóðgrót – это или Родиола розовая (*Rhodiola rosea*), другие исл. названия: Burnirót, Svæfla; или Лапчатка прямостоячая (*Potentilla erecta*), другие исл. названия: Engjamura, Blóðmura.

59...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 21
2018

Староанглийская руническая надпись на гребне из Уитби и современные технологии

Гэби ВАКСЕНБЕРГЕР
(Gaby WAXENBERGER),
Мюнхен 2011
Перевод:
Алексей ГЛАЗАЧЕВ
(АНДВАРИ)

1. Объект исследования

Гребень из Уитби хранится в музее литературно-философского общества Уитби (№ экспоната: WHITM: ARC1020)¹.

Согласно Стивенсу (1884: 118), гребень был найден «на мусорной свалке, принадлежащей старой монашеской семье в Уитби²». Поскольку этот объект из «мусорной свалки у руин Аббатства Уитби», то Пейдж считает (1973: 168, 1999: 165), что «гребень связан с англосаксонским монастырем Стрейнесхал, основанным в 657 году Преподобной Хильдой и разрушенным во второй половине девятого века викингами» Кто и при каких обстоятельствах нашёл гребень — неизвестно (так сказано в музее литературно-философского общества Уитби).

Гребень сломан, по этой причине отсутствуют первые две руны и последние руны (согласно Лоодженге 2003: 289). Средняя высота рун варьируется между 1,1-1,3 см.

2. Датировка гребня из Уитби

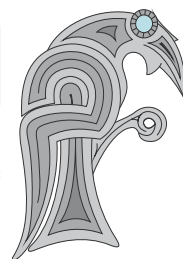
Предпринималось несколько попыток определить время создания гребня. Стивенс (1884: 118) предполагает «600-650 годы», но отмечает, что это неточно. Пейдж (1973: 168) определяет дату создания гребня исходя из предметов, найденных вместе с ним (657 — вторая половина девятого века), и также Пейдж (1973: 168; 1999: 165) отмечает, что язык (использованных рун — пр. пер) подходит «для этого диапазона дат». Митчелл (1994: WhiC1) предполагает восьмой или девятый век, а Флаверс (1999: 44) приписывает гребень седьмому веку. После анализа безударных гласных в корпусе староанглийских рунических надписей (Ваксенбергер, 2006) и после сравнения форм рун на гребне с рунами на ларце Фрэнкса³ был сделан вывод, что надпись на гребне принадлежит концу седьмого — началу восьмого веков.

¹ Автор статьи выражает искреннюю благодарность г-ну Марку Т. Эдвардсу, бакалавру (достопочтенному хранителю музея Уитби), чья помощь и поддержка позволили изучить гребень.

² Норт-Йоркшир, Великобритания.

³ Ларец Фрэнкса (Franks casket, или Auzon runic casket) — резная шкатулка, выполненная из китового уса. Надпись, окаймляющая сцены из древнегерманских, римских и библейских сказаний, вырезанная на руническом ларце Фрэнкса — самый значительный среди ранних англосаксонских рунических памятников.

3. Надпись на гребне из Уитби

Руническая надпись на гребне приведена согласно книге Т. Лоодженги — Texts Contexts of the Oldest Runic Inscriptions на рисунке 1.

Рисунок 1. Руническая надпись на гребне из Уитби

[dæ]usmæus godaluwalu d?helipæ cy[

Deus meus, may God almighty help Cy

Бог мой, да поможет Бог всемогущий Ки..

u	s	m	æ	u	s	g	o	d	a	l	u	w	a	l	u	d	a	h	e	l	i	p	æ	c	y
3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28

Примечание переводчика. Изначально я планировал сделать лишь перевод, но, как это часто бывает, погрузился в материал и одним переводом не ограничился.

Для удобства восприятия я привожу таблицу рун и их порядковых номеров. Руны № 1 и 2 отсутствуют, но по косвенным признакам там находилась вязаная руна **d[æ]** (см. ниже). Меня восхищает, что автор рунической надписи совершенно не переживал о размещении рун. Не получается записать *aluwaludo* единым словом? Не помещаются две последние руны *do*? Ничего страшного! Добавим их к следующему слову!

Отмечу интересный момент, про который умолчал автор оригинала. В слове **aluwaludo** (всемогущий) используется эпентеза (в данном случае это анаптиксис — появление в составе слова дополнительного гласного звука *u*), вероятно, это сделано для придания тексту дополнительной ритмичности, поскольку слово должно писаться как **alowaludo**. Лоодженга упоминает, что слово *alowaludo* встречается в старосаксонской поэме Хелианд (или Гелианд) о небесном конунге. Есть и другое предположение, что автор надписи хотел использовать слово **alu**, но, на мой взгляд, это маловероятно. Интересно, что староанглийское слово **walud**, вероятно, восходит к древнегерманскому слову *wald, wold* — лесистая возвышенность. Кроме того, анаптиксис используется в слове *helipæ*, где появляется дополнительный звук *i*, поскольку более традиционная форма это *helpæ* (помощь), вероятно, это сделано для придания тексту ритмичности.

Надпись состоит из тонких рун, прорезы относительно слабые. Надпись идёт слева направо. В сохранившемся тексте 28 рун, три из которых, без сомнения, вязаные. Кроме того, предполагается, что первые две руны также были вязаными. Боковые ветви второй руны **æ** в вязаной руне **d[æ]** (позиции 1 + 2) отсутствуют, но могут быть уверенно реконструированы, потому что второй элемент слова (**mæus** — мой) — это явно вязаная руна **mæ** (позиция 5 + 6). Поэтому вполне разумно предположить наличие вязаной руны, объединяющей руны 1 и 2, особенно потому, что между **d** и **u** нет основной линии. Несмотря на то, что верхняя часть руны 3 отсутствует, две линии четко указывают, что это руна *u*.

Несмотря на то, что руны **g** (№ 9), **d** (№ 19) и **y** (№ 28) расположены в потемневших областях гребня, они четко распознаются. Надпись содержит четыре вязаных руны:

1. d [æ] (руны № 1 + 2)
2. mæ (руны № 5 + 6)
3. da (руны № 19 + 20)
4. hel (руны № 21 + 22 + 23).

Текст прерывается после руны *u*.

Основная проблема надписи — руна № 20. В течение долгого времени она рассматривалась как руна -o- (Oc), что, в свою очередь, влияло на датировку надписи (см. ниже). Однако развитие технологий позволило точно расшифровать руны № 20.

61...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№ 21
2018

3.1 Обзор ранних попыток транслитерации и прочтения текста из Уитби

Пейдж (1973: 168; 1999: 164) считает, что надпись следует читать в следующем виде:

d[æ]us mæus god aluwaludo helipæ cy
'My God: may God Almighty help Cy-'
Бог мой, да поможет Господь всемогущий, Ки...

Руна № 20 в слове *aluwalud?* ранее рассматривалась как руна, передающая звук -о-, руна Ос (Пейдж. 1973: 168; 1984: 42; 1999: 164, Бамесбергер 1991: 134, Дувел 2001: 74; 2008: 74, Митчелл 1994: Чт.2). Однако, Пейдж (1966: 12) указывает на сложности, создаваемые руной №. 20, и полагает, что возможны оба варианта: и руна -а- (Ак) и руна -о- (Ос), и приходит к выводу, что «с точки зрения эпиграфики руна -о- более вероятна, учитывая, что у некоторых других рун надписи соединения боковых ветвей также не завершены».

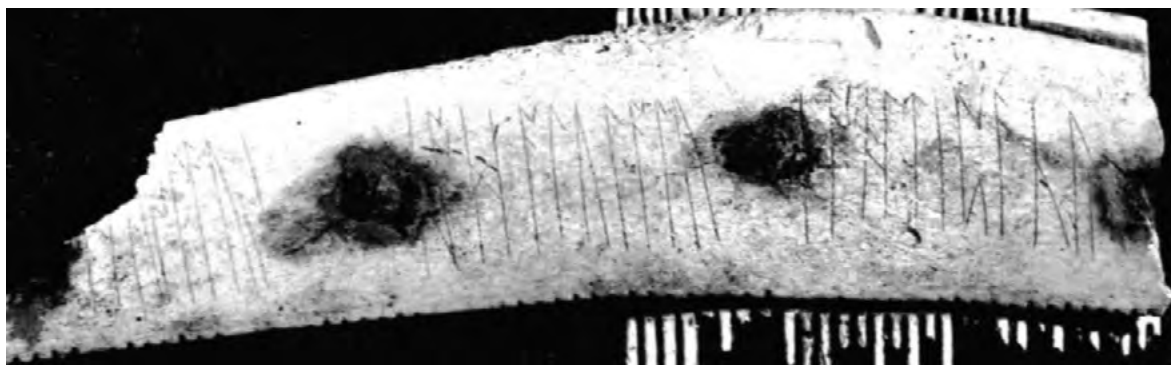
Согласно Лоодженге (1997: 172; 2003: 289) руна Ос в слове *aluwalud?* «неясна, это может быть и руна Ак». Лоодженга считает, что «надпись, безусловно, христианского содержания». Если там стоит -о— как окончание прилагательного, о котором идет речь (всемогущий), то это будет уникальный случай для корпуса англо-саксонских рунических надписей (согласно Ваксенбергер 2006: 306).

Если там действительно окончание -о-, то это идентифицирует текст как гораздо более поздний (см. Ваксенбергер 2006: 306).

Г-н Марк Т. Эдвардс, достопочтенный хранитель музея Уитби, любезно сделал новые фотографии гребня в июне 2009 года, которые убедительно доказывают, что руна № 20, о которой идет речь, это руна -а-, а не руна -о-. Фотографии г-на Эдвардса были увеличены с помощью ЖК-экрана (Metz Linus 42", коэффициент увеличения 8).

Рисунок 2. Гребень из Уитби

(Фотография: г-н М. Эдвардс, Музей литературно-философского общества Уитби, июнь 2009 года)

Кроме того, новый осмотр был проведен в сентябре 2010 года. Хотя гребень приклеен своей задней частью к стеклянной раме, и поэтому его нельзя подвигать (см. Рисунок 3), наш осмотр показал, что вторая нижняя боковая ветка руны №. 20 не является преднамеренным разрезом. Чтобы быть абсолютно уверенными, мы увеличили фотографии⁴, сделанные при осмотре, на ЖК-экране (на экране Metz Linus 42", коэффициент увеличения 4). Без сомнения, руна № 20 — руна Ак (см. рисунок 6 ниже)

⁴ Автор статьи выражает искреннюю благодарность доктору Джилл Вудман, которая тщательно осмотрела гребень и независимо пришла к выводу, что руна № 20 это руна Ак.

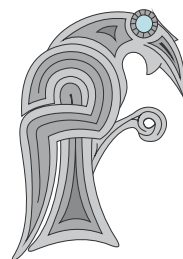

Рисунок 3. Гребень из Уитби
Фотография: Доктор Джилл Вудман

Рисунок 4. Гребень из Уитби —
вид с обратной стороны
Фотография: Доктор Джилл Вудман

Рисунок 5. Руны d?heliræсу
Фотография: Доктор Джилл Вудман

3.2 Руны Ак и Ос на гребне из Уитби. Рунологический анализ

Хотя цифровая фотография и современные технологии увеличения изображений позволили нам увидеть то, что невозможно разглядеть невооруженным глазом, тем не менее, анализ форм рун остается незаменимым средством для достижения абсолютной ясности.

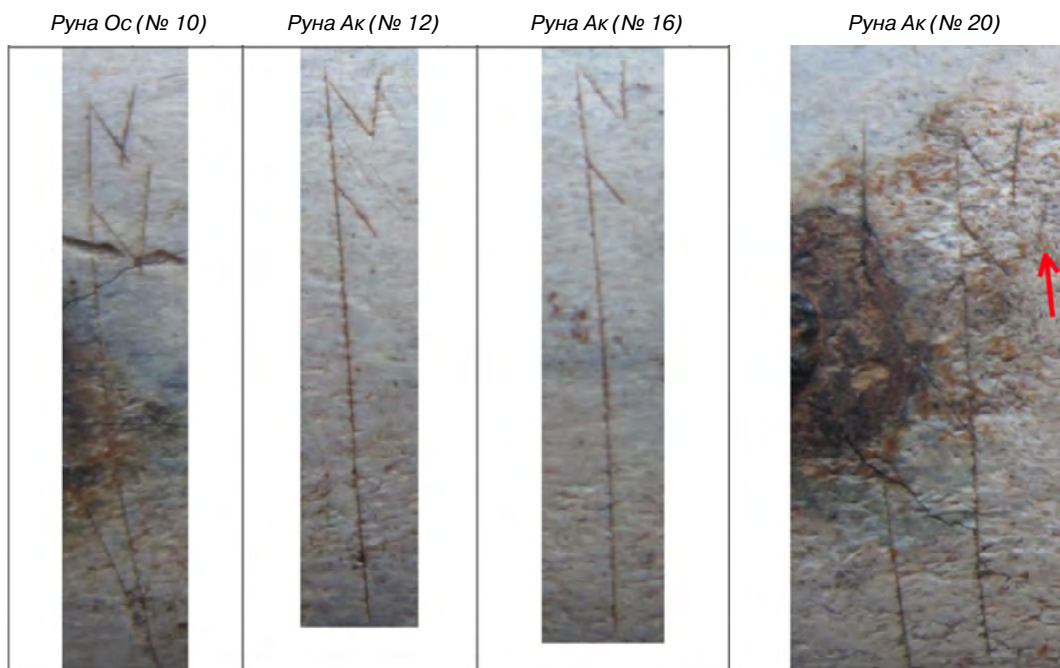
На *рисунке 6* показаны содержащиеся в надписи и не вызывающие сомнений руны Ос (№ 10) и Ак (№ 12 и 16). Важно отметить, что ветви рун в вершине руны соприкасаются (а иногда даже пересекаются). Это относится не только к руне Ос, но и к рунам Ак, стволы которых связаны с верхними боковыми ветвями.

Глядя на руны № 20 (*рисунком 6*), становится очевидным, что предполагаемая линия нижней ветви (показана красной стрелкой) не только не связана с ней, а, наоборот, несколько уда-

лена от неё. Следует также подчеркнуть, что руна с подобным вариантом начертания не только не имеет аналогов в этой надписи, но и не встречается во всем корпусе англосаксонских рунических текстов.

Рисунок 6. Руны Ос и Ак на гребне из Уитби

3.3 Транслитерация, чтение и перевод надписи

Поскольку руна № 20 была определена как -а-, надпись читается следующим образом:

d[æ]usmæus godaluwalu dahelipæcy[
 1+2 3 4 5+6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 17 17 18 19+20 21+22+23 24 25 26 27 28

*Dæus mæus God aluwaluda helipæ Cy[
 Бог мой, да поможет Бог всемогущий Ки*

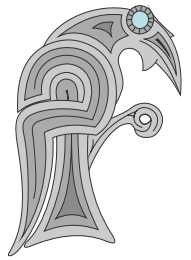
Пейдж (1973: 168) считает, что последнее слово — это личное имя, начинающееся на Ки..., и предполагает, что это может быть имя владельца и/или создателя рунической надписи. Также Пейдж (1999: 164) полагает, что это может быть кто-нибудь ещё. Лоодженга отмечает, что Ки.. это, без сомнения, имя собственное, и предлагает свой вариант *Sunewulf* — Киневульф (букв. «Волк семьи»).

Окончание -а- (слабое склонение) прилагательного *aluwaluda* «almighty» — «всемогущий» не противоречит более ранней датировке надписи и вместе с другими критериями, такими как формы рун (особенно аллограф — иной вариант начертания руны Ак) и концовка -æ (Ваксенбергер, глава 6.3), позволяет сделать заключение, что надпись была создана в конце 7-го / начале 8-го века.

Тем не менее Бамесбергер (2010: 294f.) убедительно доказывает, что **aluwaluda** является слабым существительным (используется в исландском языке, прямой аналог в русском языке отсутствует). По его мнению, «ala-wald-an- относится к категории мужских составных существительных, а мысль о том, что это слово является прилагательным, которое появляется в слабом склонении, необоснованная». Он развивает свою идею: «Все известные случаи использования данного слова могут быть отнесены к составным существительным мужского рода». Бамесбергер придерживается мнения, что оба существительных **god** и **aluwaluda** стоят в аппозиции (присоединены). Он даёт следующий вариант перевода: «Да поможет Бог всемогущий Ки.... Более того, он также рассматривает вариант, что **god** и **aluwaluda** стоят в звательном падеже, а слово **helipæ** (помощь) стоит в сослагательном наклонении («можете ли вы помочь»). Поэтому Бамесбергер предлагает два варианта перевода:

1) 'deus meus, may God the Allruler help Cy-['
Бог мой, да поможет Бог всемогущий Ки...

2) 'deus meus, oh God Allruler may you help Cy-['
Бог Мой, Господь Всемогущий, мог бы ты помочь Ки...

Бамесбергер (2010: 295) считает текст на гребне «молитвенной просьбой» и указывает на похожую надпись, нанесенную на шкатулку из Мортена:

*Good helpe: Æadan þiiosne ciismel gewarahtæ
God help Æadan who made this cismel
Да поможет Господь Эдану, который сделал эту шкатулку.*

4. Выводы

Гребень из Уитби был найден в 1867 году (по данным музея литературно-философского общества Уитби). Долгое время *communis opinio* (общественное мнение -лат.) заключалось в том, что руна № 20 — это руна, передающая звук «о» — Ос. Хотя ранее и высказывались предположения, что это может быть руна, передающая на письме звук «а» — Ак, чёткое определение рассматриваемой руны как Ак стало возможно только с использованием современных технологий. Цифровая макросъемка и увеличение руны (коэффициент увеличения: 2, 4 и 8) на экране с диагональю 1,07 м позволили это доказать. Но, что более важно, прочтение полученной таким образом надписи совместимо с грамматикой староанглийского языка. Обычное окончание слабого прилагательного/существительного в именительном падеже это -а-

Этот факт, в свою очередь, вписывается в другие лингвистические особенности, такие как финальные гласные. Данная работа показывает, что для более точной интерпретации надписей рунических памятников могут и должны использоваться все имеющиеся современные технологические средства, поскольку это может прояснить многие непонятные ранее детали.

5. Послесловие переводчика

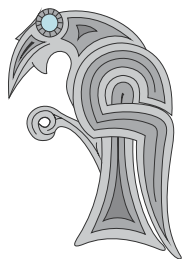
В процессе работы над статьёй обнаружился ещё один интересный момент. Как указывает википедия, для слова *alowaldo*⁵ в именительном падеже единственного числа существуют следующие формы:

Слабое склонение			
Род	Мужской	Средний	Женский
Именительный падеж	<i>alowaldo</i>	<i>alowalda</i>	<i>alowalda</i>

Обратите внимание, что доказанная с помощью макросъёмки форма *aluwalda* характерна либо для среднего, либо для женского рода. Это может означать, что автор рунической надписи обращался к Богу в среднем роде. Это возможно, поскольку известно, что протогерманский предок слова *God* изначально был среднего рода, но в процессе христианизации стал мужского рода. Либо, что, на мой взгляд, гораздо более вероятно и более интересно, создатель рунической надписи обращался к Богине...

А вот кого он имел в виду, Богородицу или Древнюю Богиню — этого мы, вероятно, не узнаем никогда.

⁵ <https://en.wiktionary.org/wiki/alowaldo>

Список использованных источников информации

Bammesberger 1991: A. Bammesberger, "Three Old English Runic Inscriptions", ed. A. Bammesberger, *Old English Runes and their Continental Background*, Anglistische Forschungen 217, Heidelberg: 126-136.

— 2010: A. Bammesberger, "A Note on the Whitby Comb Runic Inscription", *Notes and Queries*: 292-295.

DOEEF: Healey DiPaolo, A., et al., eds., 1986-: *Dictionary of Old English*, Toronto.

Düwel 2001: K. Düwel, *Runenkunde*, 3rd ed., Stuttgart.

— 2008: K. Düwel, *Runenkunde*, 4th ed., Stuttgart.

Flowers 1999: St. Flowers, *A Concise Edition of Old English Runic Inscriptions*, Smithville, Texas.

Healey DiPaolo et al. 1986-: A. Healy DiPaolo et al., eds., *Dictionary of Old English*, Toronto.

Looijenga 1997: T. Looijenga, *Runes: Around the North Sea and On the Continent AD 150-700, Texts and Contexts*, Diss. University Groningen.

— 2003: T. Looijenga, *Texts & Contexts of the Oldest Runic Inscriptions*, The Northern World 4, North Europe and the Baltic c. 400-1700 AD, Peoples, Economics and Cultures, Leiden-Boston

Mitchell 1994: M. Mitchell, *Corpus of English Runes*, Basle.

Page 1966: R.I. Page, "The Whitby Runic Comb", *Whitby Literary and Philosophical Society Annual Report*: 11-15.

— 1973: R.I. Page, *An Introduction to English Runes*, London.

— 1984: R.I. Page, "On the Transliteration of English Runes", *Medieval Archaeology* 28: 22-45.

— 1999: R.I. Page, *An Introduction to English Runes*, 2nd ed., Woodbridge.

Stephens 1884: G. Stephens, *The Old-Northern Runic Monuments of Scandinavia and England*, vol. 3, London-Copenhagen.

Waxenberger 2006: G. Waxenberger, "The Representation of Vowels in Unstressed Syllables in the Old English Runic Corpus", eds. A. Bammesberger; G. Waxenberger, *Das ältere Futhork und seine einzelsprachlichen Weiterentwicklungen*, Ergänzungsbände zum Reallexikon der Germanischen Altertumskunde 51, Berlin—New York: 272-314.

— forthcoming: G. Waxenberger, *Towards a Phonology of the Old English Runic Inscriptions and an Analysis of the Graphemes*, habilitation thesis, LMU Munich.

... 66

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 21
2018

Ходячие мертвецы: драуг и аптганг в древнескандинавской литературе

Перевод:
Анна БЛЕЙЗ

Стихотворные фрагменты из «Беовульфа» приведены в пер. В. Тихомирова.
Источник: [Viking Answer Lady](#)

ЧАСТЬ I. ВВЕДЕНИЕ И ОПИСАНИЕ «ХОДЯЧЕГО МЕРТВЕЦА»

Представления о загробной жизни у викингов зачастую отличались куда большей непосредственностью, нежели возвышенные скальдические предания о Вальхалле или христианских Небесах: верили, что, как только мертвое тело помещают в могилу, оно «обретает странную, чуждую человеку жизнь и силу» (Hilda Ellis-Davidson. *The Road to Hel*. Westport CT, Greenwood P., 1943, p. 96). Покойник продолжал вести в могиле некую псевдо-жизнь, не в виде духа или привидения, а скорее как нежить, во многих отношениях сходная с носферату или центрально-европейским вампиром.

Нежить эта была известна под различными именами. В норвежских сагах чаще всего упоминается хаугби (*haugbui*, от *haugr* — «курган») — обитатель кургана, труп, продолжающий жить в своей могиле. Хаугби почти никогда не покидает места своего захоронения. В исландских сагах обычно фигурирует драуг (*draugr*), известный также под названием аптганг (*aptrgangr*, букв. «ходящий после», «разгуливающий после смерти»). Это «оживший труп, выходящий из своего могильного холма или доставляющий людям беспокойство по дороге к месту погребения» (Ellis-Davidson, *The Road to Hel*, p. 80). Но и в том, и в другом случае у скандинавской нежити есть физическое тело — собственно, труп покойного, и хотя для ее описания может употребляться слово «привидение», современные представления о призраках или бестелесных духах

к этим сверхъестественным существам неприменимы.

Описания внешности этих существ лишней раз подчеркивают, что речь идет именно о «ходячем трупе». К ним применяются эпитеты *hel-blár* («черный, как смерть») или «синий, как смерть») и *ná-folr* («бледный, как труп»). В «Саге о людях с Песчаного берега» пастух, убитый драугом и обреченный сам превратиться в нежить, становится «весь черный как уголь», а когда убитого его дра-

67...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№ 21
2018

уга извлекают из могилы, тот оказывается «черным, как смерть». Глам — превратившийся в нежить пастух из «Саги о Греттире» — был якобы темно-синим, а в «Саге о людях из Лососьей долины» одной женщине является во сне умершая колдунья, и когда могилу покойницы вскрывают, то находят там кости — «синие и страшные».

Еще более ужасным казалось то, что оживший труп был способен увеличиваться до огромных размеров. И это не имело никакого отношения к обычному вздутию трупа из-за газов, выделяющихся при разложении, — поскольку тело друга вдобавок оказывалось невероятно тяжелым и зачастую оставалось неразложившимся даже много лет спустя после смерти. Торольв из «Саги о людях с Песчаного берега» «еще не разложился и вид имел наимерзейший... раздулся до размеров вола» и стал таким тяжелым, что поднять его без рычага было невозможно.

Огромные размеры приписывались драугу, чтобы подчеркнуть его колоссальную физическую силу. В сагах рассказывается, каких огромных трудов родственникам стоило распрямить тело для погребения. Аптганг обладал такой силой, что мог буквально раздавить жертву насмерть. Когда находят убитого Гламом пастуха («Сага о Греттире»), у того «свернута шея, и каждая косточка переломана». В описаниях сражений между че-

ловеком — героем саги — и драугом обычно не выражается заведомой уверенности в победе героя, хотя тот и сам наделен огромной силой: противники не уступают друг другу, и на протяжении схватки верх берет то один, то другой.

В некоторых рассказах драуги обладают магической силой и способны предсказывать будущее, управлять погодой и превращаться в животных. Живой мертвец может являться в облике тюленя («Сага о людях с Песчаного берега», «Сага о людях из Лососьей долины»), огромного освежеванного вола, серой лошади со сломанной спиной без ушей и хвоста, или кошки, которая садится спящему на грудь и постепенно становится все тяжелее и тяжелее, пока человек не умирает от удушья. В «Саге о Хромунде Грипссоне» драуг Траин превращается в «существо, похожее на кошку» (kattakyn): «Тут Траин обернулся троллем, наполнив зловонием весь курган, и впился когтями Хромунду в затылок, сдирая мясо с костей...».

Кроме того, драуги могли проходить сквозь землю и камень, как Храпп Убийца из «Саги о людях из Лососьей долины»: «Олав хотел броситься на Храппа, но тот провалился сквозь землю, где стоял, и на том их схватка закончилась». Таким образом, они имели возможность без труда выходить из могилы и возвращаться обратно.

... 68

ЧАСТЬ II. ОБИТАЛИЩЕ ДРАУГА

Драуг обитал в своем кургане. Несмотря на то, что в Скандинавии бытовали различные формы погребения (согласно литературным источникам и археологическим данным, тела покойных кремировали, погребали в ладьях, под грудями камней или в христианских могилах), все же наиболее распространенным способом в сагах предстает захоронение в кургане. Курган состоял из погребальной камеры, сложенной из камней и покрытой бревнами, и насыпанного поверх нее высокого земляного холма.

Курган Кара Старого в «Саге о Греттире» представлял собой большой сруб с бревенчатым настилом, скрытый под земляной насыпью. В «Саге о Харальде Прекрасноволосом» упоминается курган «из камня и глины», «укрепленный бревнами». В «Саге об Олаве сыне Трюггви» Хакон ярл прячется от Олава в яме, засыпанной землей, наподобие кургана:

Раб [Карк] вырыл в хлеву глубокую яму. Он убрал землю прочь и положил сверху бревна. Тут Тора рассказала ярлу,

что Олав сын Трюггви приплыл во фьорд и убил его сына Эрленда. Затем ярл влез в яму и с ним Карк, а Тора закрыла яму бревнами, насыпала сверху земли и навоза и загнала в хлев свиней. Хлев этот был рядом с большим камнем.

Хотя это и не настоящий могильный курган, но упоминание о стоящем рядом большом камне должно вызывать у читателя ассоциации с местом погребения: под такими

камнями, согласно поверьям, обитали цверги (карлики) и различная нежить.

Иногда над курганами вспыхивает яркий свет, словно от множества гнилушек. Это сияние «окружает курганы и отмечает границу между мирами живых и мертвых» (Ellis-Davidson, *Road to Hel*, p. 161). Греттир видит такое зарево над курганом Кара Старого:

Как-то поздно вечером, собравшись идти домой, Греттир заметил, что на мысу, ниже Аудунова Двора, вспыхивает яркий огонь. [...]

— У нас в стране, — сказал Греттир, — когда видят подобный огонь, говорят, что он идет от клада.

Бонд отвечает:

— Властелин этого огня таков, что навряд ли тебе будет польза допытываться.

Нередко погребальные холмы располагались по соседству с семейной усадьбой, а в англо-саксонских межевых грамотах курганы во многих случаях упоминаются в качестве межевых знаков, отмечавших границу земельных владений. По традиции, человек, наследующий участок земли, должен был перечислить поименно своих предков, владевших этой землей, и указать местоположение их курганов, — только после этого за ним признавалось право наследования. Возможно, в этом и состоит причина, по которой в исландской «Книге о занятии земли» с такой достоверностью указывается и описывается местонахождение могил покойных поселенцев.

Кроме того, со скандинавскими друзьями ассоциируются определенные формы ландшафта, в первую очередь — лощина (*hvatnir*), «короткая долина, окруженная горами, но с одного конца открытая в одном направлении» (Reidar T. Christiansen, «The Dead and the Living,» in *Studia Norvegica* 2 (Oslo, 1946), pp. 88-89). Некоторые источники передают также поверье о «мертвецах внутри горы» — гора такого рода функционально отождествляется с курганом. Лощина — это пограничная полоса между горой и долиной, между усадьбой и погребальным холмом, между живыми и мертвыми. Окруженная высокими горами, она защищена от прямых лучей солнца; на протяжении нескольких недель в середине зимы на дне такой лощины совсем темно. Именно таким местом была Тенистая Долина, в которой бесчинствовал Глам из «Саги о Греттире».

Любопытно, что «возвращения покойников ожидали на Рождество или на Новый год, в пору древнего праздника Йоль, приходив-

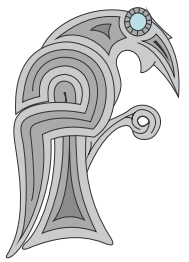
шегося на середину зимы» (Ellis-Davidson, *The Restless Dead*, p. 162). Нападения нежити начинались поздней осенью и учащались зимой, в то время года, когда ночи самые длинные. По-видимому, драуги умели также временно наводить темноту и в дневные часы или окутываться облаком тумана, чтобы подкрасться к жертве незаметно. По ночам же драуг таился в зыбком мареве тьмы и лунного света, наподобие того, что описано в «Саге о Греттире»: «Ярко светила луна, и густые облака то закрывали ее, то открывали». Подчас лунный луч, блеснувший во тьме, высвечивает голую кость или отражается призрачным светом в глазах драуга, что еще более усугубляет ужас происходящего.

Во многих сагах отражено «представление об умершем, который живет в могильном кургане, точно в доме, и ревностно охраняет свои сокровища» (Ellis-Davidson, *Road to Hel*, p. 90). Курган мыслился пиршественной залой мертвеца, как в «Пряди о Торстейне Бычьей Ноге», где Торстейна приглашают в «усадьбу» хаугби, уставленную пиршественными скамьями и полную пирующих воинов, или как Святая Гора, в которую «переселились» покойные родичи Торольва, Бородача с Мостра, — «внутри той горы горели большие огни, и доносился изнутри шум пиршества и гул голосов» («Сага о людях с Песчаного берега»).

В древнеанглийской поэзии средоточием пиршественной залы предстают сокровища и дары, вручаемые на пиру, — а в курганах обычно и впрямь хранились драгоценные сокровища: «Там была сложена груда сокровищ — золото и серебро, а под ноги ему поставлен ларец, полный серебра» («Сага о Греттире»). Несметные богатства в схожем контексте описываются также в «Пряди о Торстейне Погибели Хуторов» и в упоминавшейся уже «Пряди о Торстейне Бычьей Ноге».

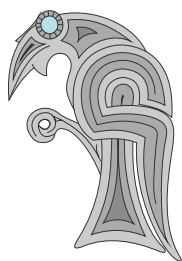
Поэтому нежить в некоторых отношениях ассоциируется с цвергами-карликами: цверги владеют такими великими сокровищами, как ожерелье Брисингамен (которое они позднее уступили Фрейе), и обитают в недрах гор, под камнями или внутри больших каменных глыб. Многие имена из «Перечня карликов» в «Старшей Эдде», по-видимому, связаны с нижним миром смерти, холода и распада.

Сокровища, заключенные в курганах, неудержимо влекли к себе грабителей могил, о чем свидетельствуют как исторические данные, так и литературные источники. Во многих сагах подобные ограбления описываются в достоверных подробностях, как, например, в «Саге о Греттире»:

69...

Греттир раскопал курган, и пришлось ему изрядно потрудиться. Он работает без передышки, пока не доходит до сруба. День к тому времени уже был на исходе. Он проломал бревна. Аудун заклинал его не заходить в курган. Греттир просил его подержать веревки.

— А уж я докопаюсь, кто здесь живет!

Спустился Греттир в курган. Там было темно и запах не из приятных.

Однако грабителю следовало быть настороже, ибо хаугби бдительно охранял свои сокровища и свирепо атаковал любого, кто нарушит его покой:

Греттир взял все эти сокровища и понес к веревкам, но в то время, как он шел к выходу из кургана, кто-то крепко его схватил. Он бросил сокровища, и они кинулись друг на друга и стали биться ожесточенно. Все разлеталось у них на пути. Могильный житель нападал свирепо. Греттир все пытался ускользнуть. Но видит, что от того не уйдешь. Теперь оба бьются нещадно. Отходят они туда, где лежат конские кости. Здесь они долго бьются, то один упадет на колени, то другой. Все же кон-

чилось тем, что могильный житель упал навзничь со страшным грохотом. Тут Аудун убежал от веревки: он подумал, что Греттир погиб.

Помимо зубов, когтей и общей физической силы, хаугби, обороняющий свое жилище, мог пустить в ход также *trollskap* — злые чары, как поступает Агнар в «Саге о Золотом Торире» или описанный Саксоном Грамматиком в «Деяниях данов» злобный обитатель кургана Митотин (*Mithothyn*), который «наслал зловонное моровое поветрие и своими помертвыми злодействами оставил по себе память едва ли не худшую, нежели теми, что вершил при жизни».

Более того, хаугби — не единственный обитатель кургана, которого следовало опасаться грабителям. В некоторых сагах упоминается также мать мертвеца, которая «вооружена длинными когтями и поэтому описывается как *ketta* (кошка); она еще более ужасна, чем ее чудовищный отпрыск» (Nora K. Chadwick, «The Monsters and Beowulf,» in *The Anglo-Saxons: Studies in Some Aspects of their History and Culture Presented to Bruce Dickens*, ed. Peter Clemoes. London, Bowes and Bowes, 1959, p. 178).

ЧАСТЬ III. МЕРЫ ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ: КАК ЗАЩИТИТЬСЯ ОТ «ХОДЯЧЕГО МЕРТВЕЦА»

Если хаугби, как правило, спокойно сидел в своем кургане, нападая лишь на тех, кто вторгнулся на его территорию, то драуг, напротив, то и дело выходил из могилы, нанося живым немалый ущерб. Страх перед злобной нежитью в Скандинавии был очень силен. Широко распространенные в эпоху викингов меры предосторожности, призванные помешать покойному восстать из могилы, кое-где применялись и вплоть до XX века.

...в домах, где сохранялся старый уклад, тщательно соблюдали [некоторые древние обычаи]: на грудь покойного помещали раскрытые ножницы, а под одежду подкладывали перекрещенные соломинки. Большие пальцы ног крепко связывали, чтобы покойник не смог сделать ни шагу. В подошвы втыкали иглы. Когда гроб выносили из дома, носильщики трижды поднимали и опускали его, всякий раз поворачивая головой в другую сторону, так чтобы образовался крест. Стулья или скамьи, на которых стоял гроб, опрокидывали, и все горшки и кастрюли в доме переворачивали вверх дном. Заупокойная молитва, которую священ-

ник читал при погребении, воспринималась как магическое заклинание, которое должно привязать покойника к могиле и не допустить его возвращения

H.F. Feilberg, "The Corpse-Door: A Danish Survival," in *Folklore* 18 (1907), p. 366.

Кроме того, в домах проделывали специальные «трупные двери» — отверстия в стенах, через которые гроб выносили ногами вперед. Затем их закладывали кирпичами, чтобы умерший не вернулся: верили, что беспоконный мертвец способен возвратиться только тем же путем, которым покинул дом. Ногами вперед гроб выносили для того, чтобы умерший не мог как следует разглядеть дорогу, по которой его несли к месту погребения (*Ibid*, pp. 364-369). Эти же меры предосторожности описаны и в «Саге о людях с Песчаного берега»:

Вот Арнкель входит в горницу, идет вдоль скамьи и заходит Торольву за спину; он просил никому не приближаться к Торольву, куда тому не закроют глаза и не уложат как полагается. Затем Арнкель подхватил Торольва за плечи, но даже ему

... 70

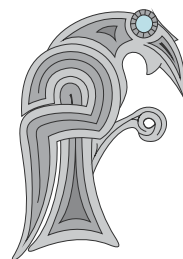
С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 21
2018

не хватило сил, чтобы сразу уложить его. Потом он обмотал голову Торольва покрывалом и убрал тело, как полагалось

по обычаю. После этого он распорядился сломать стену за спиной Торольва и вытащить его наружу через пролом.

ЧАСТЬ IV. НАПАДЕНИЯ ДРУГОВ

Разлагающиеся трупы распространяли заразу и болезни, как в приведенном выше эпизоде со злым колдуном Митотином из «Деяний данов», но в древности, когда никто не имел представления о микробах, причиной «морowego поветрия» считалась злая воля друга, обращенная на живых. Из этого следовало, что друг в принципе способен и на физическое нападение. Полагали, что друзья тоскуют по всему, чего они лишились, расставшись с жизнью, и завидуют живым. Очень трогательно это описано в «Саге о Фритьофе Смелом», где умирающий конунг говорит сыновьям: «Желаю, чтоб меня похоронили против самого кургана Беле, по ею сторону фьорда, у моря. Будет нам тогда привольно перекликаться о предстоящих событиях».

Образ умерших друзей, переговаривающихся между собой в могилах, не вселяет ужаса: здесь отражена лишь несбыточная мечта о том, чтобы дружба, связывавшая людей при жизни, продолжалась и после смерти. Однако эта тоска по уходящей жизни нередко приобретает и более зловещие оттенки, как в истории Храппа Убийцы, жестокого и свирепого человека, который на смертном одре обращается к своей жене с такими словами: «И когда я умру, то такова моя воля, чтобы мне вырыли могилу в дверях дома и чтобы я был погребен стоя в дверях. Так я смогу лучше следить за моим хозяйством». Далее в саге повествуется: «После этого Храпп умер. Было сделано все, как он сказал, так как жена не осмелилась сделать иначе. Но если с ним худо было иметь дело, когда он был жив, то еще хуже стало, когда он был мертв, потому что он часто вставал из могилы» («Сага о людях из Лососьей долины»).

Страстная жажда вернуть и удержать отнятое смертью отличает друзей, фигурирующих в «Саге о людях с Песчаного берега». В главные покои усадьбы на Вещей Реке возвращается утонувший бонд Тородд со своими спутниками, а затем являются мокрые, покрытые грязью шестеро друзей во главе с Ториром Деревянной Ногой. «Домочадцы рванулись из кухни прочь, чего следовало ожидать; у них под рукой ни оказалось ни лучины, ни разогретых камней, ни прочих нужных вещей, так что от огня в тот вечер им не было ровно никакого прока». Ходячие мертвецы

не только выгоняют людей на ночь из теплых покоев, но и наверняка учиняют беспорядок в доме, так что он становится непригодным для нормальной жизни даже днем.

В этих сагах «умершие не переходят в лучший мир — напротив, они лишаются привычных домашних удобств и общества своих родичей. Им холодно и голодно» (Christiansen, *The Dead and the Living*, p. 10). Поэтому ничего удивительного в том, что друг завидует живым и время от времени возвращается в дом, который все еще считает по праву своим.

Зависть к живым тесно связана с другой движущей силой, которой подчинены самые опасные и могущественные из друзей, — с обуревающим их неутолимим голодом. Этот голод описывается в истории Асмунда и Арана, братьев по оружию, которые дали друг другу клятву, что если один из них умрет, то второй должен будет три ночи просидеть над ним в кургане. Когда Аран умер, Асмунд воздвиг над ним курган и поместил туда имущество покойного, его стяги и оружие, сокола, пса и коня, а затем приступил к обещанному бдению. «В первую ночь Аран встал с кресла, убил сокола и собаку и съел их. Во вторую ночь он опять встал, убил коня и разорвал его на куски; затем он стал рвать плоть коня зубами, и кровь стекала у него изо рта, покуда он ел. [...] В третью ночь на Асмунда напала сонливость, и он пришел в себя лишь тогда, когда Аран схватил его за уши и оборвал их» («Сага об Эгиле Одноруком и Асмунде Убийце Берсерков»).

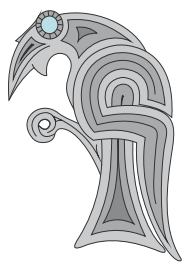
Саксон Грамматик, пересказывая этот сюжет, добавляет: «Но не насытился он ни конем, ни псом; он обратил ко мне свои сверкающие когти и оторвал мне ухо, расположив щеку» (голодные друзья фигурируют также в «Саге о Греттире» — Глам и в «Саге о Хромунде Грипссоне» — Траин). Очевидно, что друг, пожрав животных, попытался затем полакомиться самим Асмундом. Не исключено, что сверхъестественный голод друга — физическое проявление терзающей его жажды жизни. Именно поэтому современные исследователи нередко проводят параллели между друзьями и вампирами: «В этих преданиях труп, живущий в могиле, всегда наделяется вампирскими наклонностями, сверхчеловеческой силой и неистовым желанием

71...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 21
2018

уничтожить любое живое существо, посмевшее проникнуть в курган» (Ellis-Davidson, *Road to Hel*, p. 92).

Жертвами друга, однако, становились не только те, кто вторгался в его могилу. Бродячие мертвецы истребляли домашний скот — загоняли его до смерти, разезжая верхом на животных или преследуя их в ужасном обличье полуосвежеванного трупа. Нередко нежить вымещала свой голод и злобу также на пастухах, выпасавших скот по ночам: «в волов, на которых везли тело Торольва, вселилась нечистая сила, а любая скотина, подхитившая близко к могиле Торольва, бесилась и выла до самой смерти. Пастух на хуторе в Лощине стал приходиться домой чаще обычного, потому что Торольв гнался за ним. Однажды осенью в Лощине случилось такое событие, что ни пастух, ни скотина не вернулись домой» («Сага о людях с Песчаного берега»).

Убивал друг и животных в стойлах, и неосторожных путников, и тех, кто по ночам беспечно открывал двери на стук: «Когда они сели ужинать, кто-то громко ударил в дверь. Один из них сказал: «Видно, добрые вести подошли» — и выбежал на двор. Остальные заметили, что слишком уж долго он не возвращается. Тогда они вышли следом и увидели, что он совершенно лишился разума. Наутро он умер» («Сага о людях с Болота»).

Исландский обычай предписывал после наступления темноты тихонько стучаться в окно, и не один раз, а трижды. Сильный же удар в дверь, «в особенности удар однократный был верным знаком того, что в дом пытается проникнуть привидение или еще какое-то злобное существо» (Simpson, *Icelandic Folktales and Legends*, pp. 135—136).

Хотя оставаться дома по ночам было безопаснее, чем выходить наружу, друг мог на-

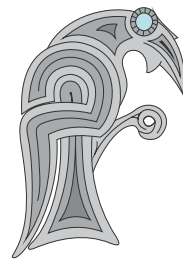
пасть и прямо на дом: «На хуторе в Лощине по ночам часто слышался страшный грохот; люди заметили также, что кто-то частенько ездит на коньке крыши» («Сага о людях с Песчаного берега»). «Езда на крыше» была одним из любимых развлечений друзей; молотя пятками по кровле, они производили ужасный шум, до полусмерти пугая жителей дома: «Кто-то лез на дом и ездил над самыми покоями, и бил по крыше пятками, так что каждая досочка трещала» («Сага о Греттире»). А иногда друг попросту выламывал входную дверь: «Наличник у входной двери был весь сорван. И теперь на его место кое-как приколотили жерди. Перегородка, которая прежде отделяла покои от сеней, была разломана и выше поперечной балки, и ниже» (там же).

Победить ходячего покойника было не просто, но скандинавы верили, что даже однажды умершего можно убить вновь. Как и многие другие сверхъестественные существа, друг боялся железного оружия, но холодного железа было недостаточно, чтобы загнать его в могилу раз и навсегда. Сперва герой должен был выйти против друга безоружным и побороть его голыми руками. Затем следовало отрубить ему голову, причем нередко — не простым оружием, а мечом, найденным в его же кургане. Иногда задача усложнялась: герой должен был проскочить между телом и отрубленной головой чудовища, пока труп не упадет на землю; или трижды обойти против хода солнца отрубленную голову и тело; или вогнуть в обезглавленное тело деревянный кол, подобно тому, как в других традициях предписывалось поступать с вампирами. И наконец, чтобы избавиться от друга наверняка, следовало сжечь его останки дотла, дожидаясь, пока пепел остынет, а затем похоронить его где-нибудь в отдаленном месте или бросить в море. Только после этого нежить погибала по-настоящему и больше не возвращалась.

ЧАСТЬ V. ПАРАЛЛЕЛИ МЕЖДУ СКАНДИНАВСКИМ ДРУГОМ И ГРЕНДЕЛЕМ ИЗ «БЕОВУЛЬФА»

Между поединком Беовульфа с Гренделем в Хеороте и схваткой Греттира с Гламом («Сага о Греттире») обнаруживаются явственные параллели. Аналогии прослеживаются не только на сюжетном плане, но и в описаниях двух чудовищ: «Важно отметить связь между Гренделем и трупом-демоном (аптгангом) Гламом» (Nicholas K. Kiessling, «Grendel: A New Aspect», *Modern Philology*, 65 (1968), p. 201). Гренделю присущи многие отличительные черты «ходячих мертвецов».

Нора Чедвик в своем анализе эпитетов, использованных в «Беовульфе» для описания Гренделя, указывает, что англосаксонские глоссарии соотносят эти эпитеты с латинскими словами, «ассоциирующимися с подземным миром, некрмантией и вредоносным влиянием духов умерших» (Chadwick, *The Monsters and Beowulf*, p. 175). Подобно другу, «раздувшемуся до размеров вола», Грендель «огромней любого мужа» (1353) и, обладая соответственной силой, может унести в свое логово пятнадцать человек за раз: «Затем он убил

в постелях спящих родичей Хродгара — пятнадцать датских мужей, и сожрал их, а еще пятнадцать унес с собою» (1580-1583).

По-видимому, Грендель, как и драуги, способен превращаться в животных. Грендель вполне однозначно определяется как человек словами *guma* (973, 1682), *haeleða* (2072), *rinc* (720) и *wer* (105), но при этом обладает и характеристиками чудовища. Рука, которую отрывает ему Беовульф во время поединка в Хеороте, выглядит как звериная лапа с когтями, острыми, как сталь (984-987). Это вызывает ассоциации с кошачьим обличьем, которое принял в битве с Хромундом драуг Траин («Сага о Хромунде Грипссоне»).

Кроме того, Гренделю, как и драугам, присущи вампирские наклонности. Опираясь на данные древнеанглийских глоссариев, Кисслинг связывает слово *maere* (103, 762), используемое для описания Гренделя, с латинским *lamia* — «ламия, ведьма-кровопийца» (Kissling, Grendel: A New Aspect, pp. 195-196). И Грендель действительно пьет человеческую кровь («кровь живую впивало, глотая теплое мясо»).

Логово Гренделя соотносится с курганом драуга. Обиталища мертвых, по распространенным представлениям, находились под камнями и скалами, — и пещера Гренделя также расположена под «серыми утесами» (*harne stan*, букв. «серый камень», 1415). Выражение *under harne stan* встречается в «Беовульфе» еще трижды и все три раза — в связи с описанием логова дракона (887, 2553, 2744). В древнеанглийской литературе существует устойчивая ассоциация между драконами и курганами: «Для англосаксонских поэтов само собой разумелось, что могильный курган с сокровищами — это «драконий холм»» (Ellis-Davidson, *The Hill of the Dragon*, p. 178). Пещера дракона в «Беовульфе» не однажды прямо называется «курганом» (*beorh*); когда Беовульф велит Виглафу спуститься и поискать драконьи сокровища «под серыми скалами» (*under harne stan*, 2744), молодой воин повинуется и выносит золото «из-под крыши кургана» (*under beorges hrof*, 2755). Таким образом, выражение *under harne stan* служит кеннингом кургана, условным обозначением потустороннего мира и обиталища мертвеца.

И само болото, в котором обитает Грендель, ассоциируется с жилищем покойника: «Там каждую ночь видят ужасное чудо: огонь над водой» (1365—1366). Болотные воды светятся зловещим огнем, напоминающим огни, что якобы светятся над могильными курганами. Воды этого болота и обра-

зовавший его «подземный поток» (1359, 2128) напоминают также о холме дракона: «...курган возвысился, свеженасыпанный, близ моря на мысе» (2411—2412) и «...увидел в скалах жерло, откуда поток изливался» (2545-2546). Курганы многих скандинавских драугов, подобно этому кургану из «Беовульфа», возвышаются на мысу над морем. Таким образом, и болото Гренделя приобретает дополнительную ассоциацию с обиталищем мертвеца.

Местность вокруг болота напоминает лощину-*hvammr* — обычное местообитание аптангов. Болото окружено горами и заключено в узкое ущелье, куда редко проникают солнечные лучи:

и где их жилище —
люди не знают;
по волчьим скалам,
по обветренным кручам,
в тумане болотном
их путь неведом,
и там, где стремнина
гремит в утесах,
поток подземный,
и там, где, излившись,
он топь образует
на низких землях. (1357—1360)

И далее:

Дальше направились
высокородные
к скалам гранитным,
к теснинам темным,
где меж утесов
стежи кремнистые
шли над ущельем,
кишащим нечистью. (1408—1411)

Этот ландшафт, как и лощина-*hvammr*, представляет собой пограничную местность, а Грендель именуется *mearcstapa* — «блуждающий у границ» (103).

Спустившись под воду, Беовульф попадает в *niðsele* — «вражеский зал» (1513), где обитает мать Гренделя. Подобно кургану, это жилище напоминает пиршественный зал — или, точнее, его противоположность. «Антизалы такого рода приобретают поэтический резонанс благодаря ассоциациям с могилой» (Hume, *The Concept of the Hall in Old English Poetry*, p. 68). *Niðsele* освещен «светом огня»; в нем хранятся «доспехи» и «меч победный» (1557) — воистину ценные сокровища с точки зрения воина. Но завладеть этим богатством нелегко: ведь его охраняет мать Гренделя, вооруженная «свирепыми когтями» (1542), как ее сын или как *ketta*, встречавшаяся в скандинавских курганах.

73...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№ 21
2018

Нападать на людей Гренделя побуждает то же чувство, которое движет драугами, — зависть к живым. Гренделю заказан путь в Хеорот, в этот «круг света и покоя, за пределами которого — только тьма, лишения и опасности» (Hume, *The Concept of the Hall in Old English Poetry*, p. 11).

Тут разъярился
дух богомерзкий,
житель потемков,
который вседневно
слышал застольные
клики в чертогах:
там арфа пела
и голос ясный
песносказителя. (86—90)

Этот отрывок, помещенный перед описанием первого нападения Гренделя, недвусмысленно объясняет слушателям мотивацию чудовища. Грендель лишен не только радости и уюта, царящих в зале Хродгара, но и не включен в социальную иерархию, традиционно закреплявшуюся раздачей даров, — не допущен к «трону кольцедарителя» (168).

Снедающая Гренделя жажда жизни находит выражение в его чудовищных пиршествах — пожирании дружинников Хродгара. Лишенный утех, которыми наслаждаются дружинники в зале, он в отместку лишает владыку его родичей, а тех — самой жизни. И убивает он точь-в-точь так же, как драуг из «Саги об Эгиле Одноруком и Асмунде Убийце Берсерков»:

тут же воина
из сонных выхватив,
разъяло ярое,
хрустя костями,
плоть и остов
и кровь живую
впивало, глотая
теплое мясо (742—745).

Само имя Гренделя этимологически связано со значениями «дробитель» или «разрушитель» и вполне уместно для драугов, которые нередко раздавливали своих жертв насмерть.

Как и драуги, Грендель — ночное чудовище, «полночная нечисть», «напасть ночная», «исчадие ночи». Подобно нежити из скандинавских саг, он «скользит в тенях» (703), —

дождавшись часа,
когда помрачится
закатное солнце
и с неба сумерки
призрачным облаком
сползут на землю (650—651).

Как и драуги, Грендель скрывается в тумане:

Из топей сутемных
по утесам туманным
Господом проклятый
шел Грендель (710—711) —

и глаза его в зыбком лунном свете так же вспыхивают зловещим огнем:

во тьме полыхали
глаза, как факелы (726—727).

Явившись в Хеорот в последний раз перед смертью от руки Беовульфа, Грендель объявляет о себе одним ударом в дверь, — так же, как в скандинавских сагах поступают драуги, пытающиеся проникнуть в дом:

Едва он коснулся
рукой когтелапой
затворов кованых —
упали двери,
ворвался пагубный
в устье дома (721—724).

Этот эпизод и разрушения, которые Грендель учиняет в зале во время поединка с Беовульфом, напоминает нападения драугов на скандинавские дома:

грохот в доме;
на редкость крепок,
на диво прочен
был зал для трапез,
не развалившийся
во время боя (770—773).

Наконец, победить Гренделя можно лишь теми же способами, что и драуга. Беовульф чувствует, что от железных мечей проку не будет, пока он не поборет чудовище голыми руками (677—683, 798—805, 987—990). Когда противники сходятся в поединке, выясняется, что они почти равны друг другу по силе. Беовульф ранит врага, но добить его не удается: Грендель спасается бегством (967—970). Но в конечном счете одной медвежьей хватки Беовульфа недостаточно, чтобы избавиться от Гренделя и его матери: поборов чудовищ, герой должен отрубить им головы:

далеко отпрянула
мертвая туша,
когда от тулова
отъяло лезвие
огромную голову (1588—1590).

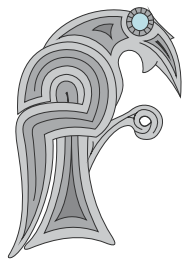
Такая же участь постигла и мать Гренделя:

сплеча ударил
и снес ей голову, —
шею рассекши,
разбив хребтину,

пронзило лезвие
плоть зломерзостную (1565—1568).

В целом, Грендель как оборотень-великан, жилище которого обладает приметами потустороннего мира, который нападает на людей по ночам, подкрадываясь к ним в тумане, и которым движут жажда жизни и зависть к живым, весьма близок образу ходячего

мертвеца, фигурирующему в скандинавских сагах. Впрочем, как «порождение той эпохи, в которую скандинавская традиция вступила во взаимодействие с южной, идущей от античности» (Kiessling, *Grendel: A New Aspect*, p. 201), Грендель — образ более сложный: элементы древнегерманской культуры англосаксов соединились в нем с новыми христианскими веяниями.

Литература

- Chadwick, Nora K.* «Norse Ghosts: A Study in the draugr and the haugbui». *Folklore* 57 (1948).
- Chadwick, Nora K.* «The Monsters and Beowulf,» *The Anglo-Saxons: Studies in Some Aspects of their History and Culture Presented to Bruce Dickens*. Ed. Peter Clemons. London: Bowes and Bowes. 1959. pp. 171-203.
- Christiansen, Reidar T.* «The Dead and the Living». *Studia Norvegica* 2 (Oslo. 1946) pp. 3-96.
- Clemons, Peter*, ed. *Anglo-Saxon England*. Cambridge: University Press. 1974.
- Ellis-Davidson, Hilda.* «The Hill of the Dragon: Anglo-Saxon Burial Mounds in Literature and Archaeology». *Folklore* 64 (1950). pp. 169-185.
- Ellis-Davidson, Hilda.* *The Road to Hel*. Westport CT: Greenwood Press. 1943.
- Feilberg, H.F.* «The Corpse-Door: A Danish Survival». *Folklore* 18 (1907).
- Foot, Peter G. and David M. Wilson*, *The Viking Achievement*. London, Sidgwick & Jackson. 1970.
- Fox, Denton and Hermann Pálsson*, trans. *Grettirs Saga*. Toronto: University of Toronto Press. 1974.
- Garmonsway, G.N. and Jacqueline Simpson.* *Beowulf and Its Analogues*. New York: E.P. Dutton. 1968.
- Hanning, Robert W.* «Sharing, Dividing, Depriving — The Verbal Ironies of Grendel's Last Visit to Heorot». *Texas Studies in Literature and Language* 15 (1973).
- Hollander, Lee M.* *The Poetic Edda*. Austin: University of Texas Press. 1962.
- Kiessling, Nicholas K.* «Grendel: A New Aspect». *Modern Philology* 65 (1968).
- Laeber, Frederick*, ed. *Beowulf and the Fight at Finnsburg*. 3rd ed. Lexington MA: D.C. Heath & Co.. 1950.
- Magnusson, Magnus and Hermann Pálsson*, trans., *Laxdaela Saga*. Harmondsworth: Penguin. 1969.
- O'Keefe, Katherine O'Brien.* «Beowulf, Lines 702b-836: Transformations and Limits of the Human». *Texas Studies in Literature and Language* 23 (1981).
- Pálsson, Hermann and Paul Edwards.* *Gautrek's Saga and Other Medieval Tales*. Harmondsworth: Penguin. 1970.
- Pálsson, Hermann and Paul Edwards*, trans. *Eyrbyggja Saga*. Buffalo: University of Toronto Press. 1973.
- Pálsson, Hermann and Paul Edwards*, trans. *Egil's Saga*. Harmondsworth: Penguin. 1976.
- Saxo Grammaticus.* *The History of the Danes*. trans. Peter Fisher. Totowa: Rowman and Littlefield. 1979.
- Simpson, Jacqueline.* *Icelandic Folktales and Legends*. Berkeley: University of California Press. 1972.
- Simpson, Jacqueline.* *The Northmen Talk*. Madison: University of Wisconsin Press. 1965.
- Sturluson, Snorri.* *Heimskringla: History of the Kings of Norway*. trans. Lee M. Hollander. Austin, University of Texas Press. 1964.
- Vigfússon, Guðbrandr and F. York Powell.* *Origines Islandicae*. Oxford: Clarendon. 1905.
- Williams, David.* «The Exile as Uncreator». *Mosaic* 8 (1975).

75...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

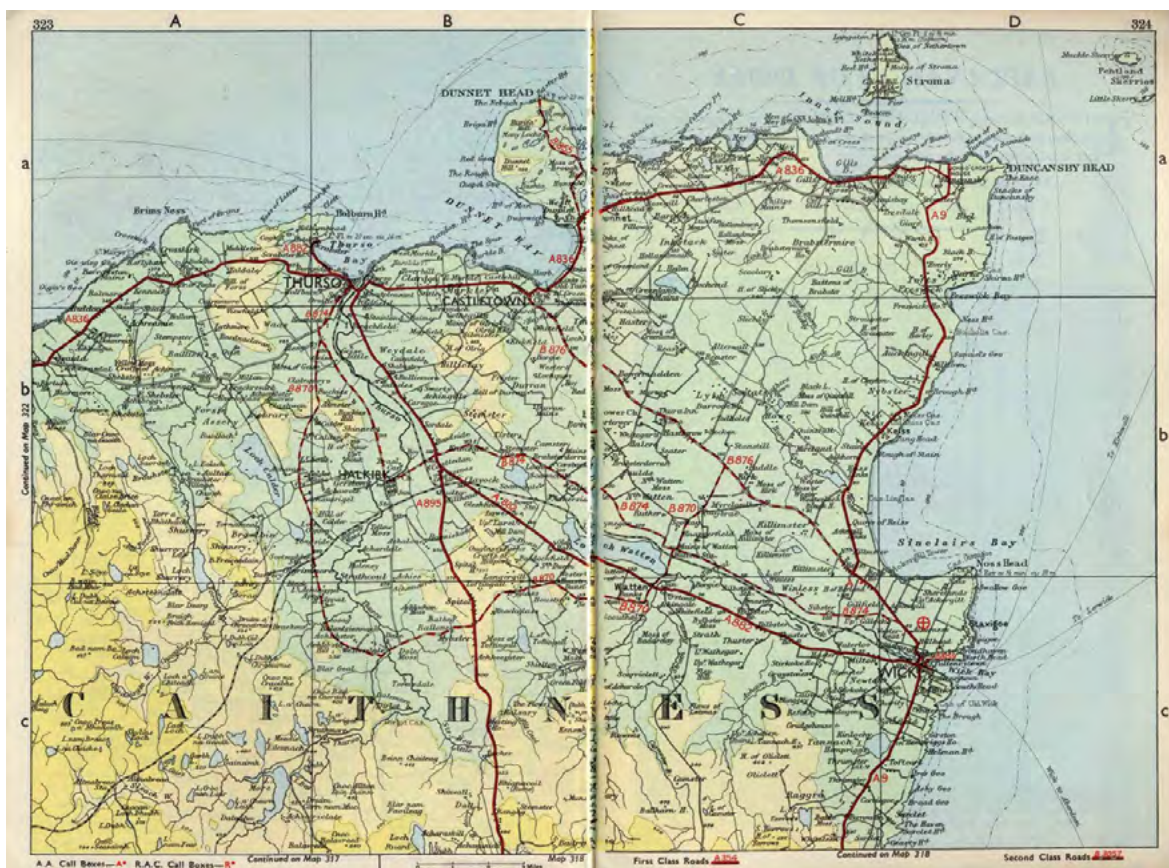
№ 21
2018

Перевод: Георгий УРУСОВ
(ХАЛЬВДАН)

Сага об оркнейцах

Продолжение. С предыдущими главами
Вы можете ознакомиться в 11–20
номерах журнала.

... 76

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 21
2018

91

Теперь расскажем о том, что произошло на Оркни во время отсутствия ярла Рёгнвальда. В то же самое лето, когда ярл уплыл, конунг Эйнстейн сын Харальда Гилли пришел из Норвегии с большим войском. Он остановился на Рёгнвальдсее, где узнал, что ярл Харальд Маддадарсон на лодке с двадцатью скамьями и с восьмьюдесятью спутниками убрался в Катанес и бросил якорь неподалеку от Торса. Как только Эйнстейн узнал об этом, он снарядил три лодки и поплыл через Петтландсфьорд в Торс. Он сделал это так стремительно, что ярл ничего не подозревал до тех пор, пока лодки конунга не поравнялись с его лодкой, и ярл не был взят в плен.

Его представили конунгу, и результатом переговоров стало то, что ярл выкупил себя за три марки золотом, а также перепоручил власть Эйнстейну, согласившись стать его человеком на всю оставшуюся жизнь. Так ярл принес клятву верности конунгу.

Конунг Эйнстейн после этого все лето воювал в Шотландии и даже в Англии под предлогом мести за убийство конунга Харальда Сигурдарсона (имеется в виду Харальд Суровый). Потом Эйнстейн вернулся назад в Норвегию. Ходило много разных толков об этой поездке.

Ярл Харальд остался на Оркни, и большинство людей поддерживали его. К этому

времени уже скончался его отец ярл Маддад, а мать Маргарет переехала к сыну на Оркни. Она была очень красивой женщиной, но много о себе мнила.

Примерно в это время умер конунг скоттов Давид, и новым конунгом стал его сын Мелькольм, хотя он был еще ребенком.

92

После того как умер ярл Оттар, Эрленд сын Харальда Льстеца провел много времени в Торсе, хотя иногда навещался на Оркни и ходил в викингские походы. Он был выдающимся человеком, талантливым во всем, щедрым, обходительным, всегда готовым дать совет. Его любили люди, и у него было много сторонников.

Жил человек по имени Анаколь. Он воспитывал Эрленда и имел на него больше влияния, чем кто-либо другой. Анаколь был безжалостным викингом. Он происходил из знатной семьи с Южных островов. Он был советником Эрленда.

Когда Эрленд узнал, что Рёгнвальд покинул свою вотчину и отправился в Йорсалахейм, он поехал навестить своего родича Мелькольма, конунга скоттов, с просьбой даровать ему титул ярла и власть над Катанесом — точно так же, как его отец Харальд получил все это от деда Мелькольма конунга Давида. Конунг Мелькольм был еще ребенком, и потому что за Эрленда просило много знатных людей, пришли к тому, что Эрленд получил титул ярла и половину Катанеса, а его родич Харальд — другую половину. Затем он поехал навестить своих друзей в Катанесе, собрал там войско и отправился на Оркни в поисках признания.

Как только ярл Харальд Маддадарсон узнал о приготовлениях Эрленда, он стал собирать свои войска и набрал много людей. Общие родичи пытались вмешаться в это дело и примирить их. Эрленд потребовал себе половину Оркни, но Харальд отказал. Тем не менее, они заключили перемирие сроком на год. Договорились, что Эрленд поедет на восток в Норвегию повидать конунга Эйнштейна и попросит себе половину Оркни, ту, что принадлежит Рёгнвальду. Харальд сказал, что если конунг согласится, он не станет препятствовать. Эрленд уплыл в Норвегию, оставив вместо себя Анаколя с несколькими людьми.

Темвременем Гунни Олавссон брат Свейна Аслеифарсона прижил от Маргарет, матери ярла Харальда, ребенка. Харальд объявил его

вне закона, и это положило начало вражде между Харальдом и Свейном Аслеифарсоном. Свейн послал Гунни на Льодхус, и он остался там у Льотольва, у которого Свейн сам когда-то останавливался. У Льотольва был сын по имени Фогль, который жил у ярла Харальда и который совсем не ладил со Свейном. После того как Эрленд уплыл в Норвегию, ярл Харальд поехал в Катанес и провел зиму в Вике. Свейн Аслеифарсон в то время находился в Трасвике, что в Катанесе, приглядывая за усадьбой своих приемных сыновей. Сначала он был женат на Рагнхильд дочери Эгмунда, но они прожили вместе недолго. У них был сын по имени Олав. Позже Свейн женился на Ингирид дочери Торкеля, их сына звали Андрес.

Случилось так, что в среду на Страстной неделе Свейн отправился в Ламбаборг с несколькими людьми. Они увидели торговый корабль, плывущий на юг через Петтландсфьорд. Они решили, что это, должно быть, люди ярла Харальда, которые плывут собирать подати в Шотландии (по другой версии — на Хьяльтланде). Свейн приказал сесть в лодки и плыть к тому кораблю. Они захватили весь груз, а экипаж того корабля высадили на берег. Эти люди пешком вернулись в Вик и рассказали ярлу, как было дело. Но он мало что сказал в ответ, заметив лишь, что теперь ход за ним. Он приютил их на время Пасхи, и люди в Катанесе говорили, что ярл идет по избитому пути.

Сразу после Пасхи Свейн уплыл на Оркни с торговым кораблем и несколькими лодками. В Кливсейде они увели корабль Фогля Льотовссона, который как раз вернулся с Льодхуса после поездки к своему отцу и собирался ехать к ярлу Харальду. Тем же способом они завладели 12 унциями золота, принадлежавшими одному из дружинников ярла Харальда Сигурду Клауви. Тот привез деньги, чтобы рассчитаться, в какую-то усадьбу, но оказалось, что люди, которым предназначались эти деньги, уехали в Киркьеваг. Затем Свейн поехал в Катанес и дальше — на юг в Авардион, где встретился с конунгом скоттов Мелькольмом, которому к тому времени исполнилось девять лет. Свейн получил теплый прием и провел у него месяц. Конунг скоттов сказал ему, что у Свейна есть право на все доходы с Катанеса, которые он имел перед ссорой с ярлом Харальдом. После этого Свейн приготовился уехать, и они расстались с конунгом хорошими друзьями. Свейн сел на корабль и уплыл на Оркни.

Анаколь находился в Дирнесе, когда Свейн возвращался с юга, и наблюдал за его

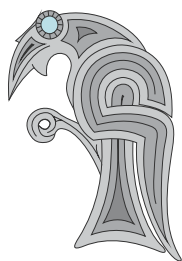

77...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 21
2018

кораблями, проплывающими к востоку от Мулы. К Свейну послали бонда Гаути из Скеггьябьярнастада с вопросом от Анаколя, как он намерен разрешить дело с кораблем Фогля. Это произошло не потому, что Анаколь решил вступить за родича, а потому, что Фогль в это время гостил у него. Гаути рассказал Свейну, с чем прибыл, и Свейн потребовал встречи на Сандей, куда он ехал и где захотел уладить это дело. После длительных переговоров в конце концов договорились, что Свейн сам решит, сколько выплатит в качестве возмещения. После этого Анаколь объединил войска со Свейном и поручился посодействовать примирению Свейна и ярла Эрленда по возвращению того из Норвегии, хотя между ними еще оставалась скрытая вражда из-за сожжения Фракокк.

Свейн и Анаколь отправились на Стронсей и на несколько дней остановились неподалеку от Хофснаса. На Стронсее в то время жил Торфинн сын Бруси. Он был женат на сестре Свейна Ингигерд, с которой развелся Торбьёрн Писарь. Когда они стояли у Хофснаса, вернулся ярл Эрленд. Анаколь и Торфинн поехали к нему, чтобы попытаться примирить его со Свейном. Ярл отвечал угрюмо и напомнил, что Свейн постоянно враждовал с ним и его родичами и не сдержал слово, данное ярлу Оттару, — не помогал Эрленду прийти к власти. Свейн предложил ярлу свою помощь и совет, но переговоры длились весь день, и ничего не решили, пока Анаколь и Торфинн не стали грозиться покинуть Оркни и присоединиться к Свейну, тогда ярл заключил мировую. Потом Эрленд рассказал им, что конунг Эйнштейн в Норвегии объявил своей вотчиной ту часть Оркни, которая принадлежала ярлу Харальду. После примирения с ярлом Эрлендом Свейн предложил как можно быстрее отправиться к ярлу Харальду, покуда он не узнал об этом от других, и потребовать часть островов в пользу Эрленда. Они сделали так, как сказал Свейн, — поехали к ярлу Харальду, который стоял со своим флотом в Кьяррекстаде.

Утром в День св. Михаила (= 29 сентября) Харальд и его люди увидели длинный корабль, приближающийся к ним, и заподозрив неладное, бросили свои корабли и скрылись в здешней крепости. Один человек по имени Арни Хравнссон так напугался, что бежал с корабля ярла без оглядки до самого Киркьевага, прежде чем понял, когда стал стучаться в двери церкви, что на его спине болтается щит. В церкви, когда все это случилось, находился человек по имени Торгейр. Спутники Арни думали, что он пропал без вести, и искали его два дня.

Ярл Эрленд и Свейн сошли с кораблей и преследовали ярла Харальда всю дорогу до крепости. Они атаковали весь день огнем и мечом, но люди в крепости дали решительный отпор, пока не наступила ночь, которая охладилась пыл тех и других. Было много раненых с обеих сторон, и если бы осада продолжалась дольше, людям Харальда бы не поздоровилось.

Утром пришли бонды и просили обе стороны примириться, но Свейн и Эрленд и слышать ничего не хотели об этом. И все-таки, в конце концов, они согласились на мир при условии, что ярл Харальд передаст свою вотчину на Оркнейских островах в руки Эрленда и никогда не потребует ее обратно. Клятвы были произнесены и засвидетельствованы многими знатными людьми.

Ярл Харальд уехал в Катанес, а потом отправился южнее, где присоединился к своим родичам. Лишь немногие оркнейцы поехали с ним.

Ярл Эрленд и Свейн собрали бондов на тинг в Киркьеваге, люди приехали со всех концов Оркни. Эрленд изложил перед ними дело, как это делали многие его друзья и родичи. Он сказал, что конунг Эйнштейн даровал ему власть над частью Оркни, которая ранее принадлежала Харальду, и попросил бондов признать это его право. В доказательство своих слов он привез письма от Эйнштейна, и случилось так, что бонды согласились поддержать Эрленда. Так острова оказались в его власти, и он стал полноправным правителем всего Оркни.

По соглашению с бондами было решено, что если судьба уготовит Рёгнвальду вернуться на острова, Эрленд не станет препятствовать ему получить свою половину. Но если Рёгнвальд станет претендовать на большую часть, бонды поддержат Эрленда.

Свейн Аслеифарсон проводил много времени с ярлом Эрлендом, предупреждая его быть всегда начеку и не доверять ярлу Харальду и скоттам. Большую часть зимы они провели на кораблях, рассылая по стране шпионов, но ближе к июлю, когда морозы стали суровее, Свейн уехал в свою усадьбу. Расставаясь, он попросил ярла быть как можно осмотрительнее. Ярл так и сделал. Его корабли были всегда наготове, и он не делал ни в каком специальном месте приготовлений к праздникам.

людьми, как вдруг у него зачесался нос.

— У меня такое чувство, — сказал он, — что ярл Харальд направляется прямо к нашим островам.

Его люди ответили, что это едва ли возможно из-за сильного шторма, но Свейн ответил, что знает, что у них на уме.

— Я не стану тревожить ярла Эрленда, основываясь на своей интуиции, — сказал он, — но сдаётся мне, что это будет не слишком мудрым решением.

На этом беседа закончилась, и они принялись пировать дальше как ни в чем не бывало.

Тем временем ярл Харальд на йоль двинулся в сторону Оркни с четырьмя кораблями и сотней бойцов. На два дня он задержался у острова Гримсей, высадился в Хавнарваге на Хроссее и на тринадцатый день йоля они дошли пешком до фьорда (имеется в виду Уайд Фёрт на западе Мейнленда). Во время снежной метели они укрылись в Оркхауге, и двое из них сошли там с ума. Это их ненадолго задержало, и к фьорду они подошли уже ночью. Между тем ярл Эрленд вернулся на свой корабль после пира неподалеку на берегу. Ярл Харальд со своими людьми убил двух человек — одного из них звали Кетиль, и захватил в плен четверых — Арнфинна брата Анаколя, Льота и еще двух. Потом Харальд вернулся в Торс вместе с Торбьёрном Писарем, а Бенедикт и его брат Эйрик, забрав Арнфинна, поехали в Ламбаборг.

Узнав о нападении, Эрленд той же ночь отправил гонцов на Гарексей к Свейну. На следующий день ранним утром Свейн снарядил корабли и поехал к ярлу Эрленду, как тот просил. Большую часть зимы они проводили на кораблях. Бенедикт и его брат Эйрик общались, что отпускают Арнфинна, если Эрленд отдаст корабль, захваченный в Кьярректаде. Ярл уже готов был согласиться, но Анаколь выступил против. Он сказал, что Арнфинн сумеет выбраться из плена, и нет нужды выполнять их требование, — так он говорил.

В среду перед Великим постом Анаколь и Торстейн сын Рагны, взяв 20 отборных мужей, отправились на лодке в Катанес и прибыли туда ночью. Они спрятали лодку в потайное место недалеко от крепости, а потом двинулись в сторону усадьбы в Трасвике и спрятались в местной роще. Они устроили в лодке так, что казалось, будто в ней лежит человек и занимает все место, и это не вызвало бы подозрений, если в лодку кто-то заглянет. Анаколь и его спутники наблюдали, как некоторые люди выходили из крепо-

сти и садились в лодки в устье реки. Потом они увидели, как из крепости вышел один человек в сопровождении другого, и поняли, что один из них — Эйрик. Анаколь разделил своих спутников на две группы: десять человек пошли к берегу, чтобы убедиться, что никто не тронул их лодку, а остальные двинулись в сторону усадьбы. Эйрик зашел в дом как раз перед ними и прошел в зал. Когда он понял, что за дверьми вооруженные люди, он бросился к дальней двери, пытаясь пробраться к лодке, но там его уже ждали и захватили в плен. Его привезли к ярлу Эрленду на Оркни, и ярлу Харальду тут же отправили гонцов с вестью, что Эйрика не отпустят, пока Арнфинн и его люди не вернуться в целости и сохранности к Эрленду. Все прошло, как было задумано.

Весной ярл Харальд покинул Катанес и отправился на Хьяльтланд с намерением убить Эрленда Юного. Тот просил руки матери Харальда Маргарет, но ярл отверг это предложение. Тогда Эрленд собрал войска, похитил Маргарет с Оркни, перевез ее на Хьяльтланд и поселил в Мосейборге, где все уже было к этому готово.

Как только Харальд прибыл на Хьяльтланд, он организовал осаду крепости, отрезав все пути снабжения, но нападать там было довольно сложно. Местные люди попытались их примирить. Эрленд Юный требовал, чтобы ему позволили жениться на избраннице, и обещал ярлу в случае положительного ответа свою поддержку, напоминая Харальду, что если тот хочет вернуть себе вотчину, ему необходимо собрать как можно больше друзей. Многие говорили так же, и в результате Эрленд и Харальд примирились. Эрленд женился на Маргарет, объединил свои силы с ярлом и поехал с ним тем летом в Норвегию.

Как только на Оркнейских островах узнали обо всех этих событиях, ярл Эрленд и Свейн собрались обсудить свои планы. Свейн настаивал пойти в поход и захватить немного добычи. Как он сказал, так и сделали. Они поплыли на юг в Брейдафьорд и грабили на восточном побережье Шотландии, дойдя аж до Бервика.

Один купец по имени Кнут Богатый много времени проводил в Бервике. Свейн захватил его большой красивый корабль с ценным грузом на борту и женой Кнута, а потом отплыл на Блюхольм. Кнут находился в Бервике, когда узнал о нападении. Он предложил сто марок серебром местным жителям, если они сумеют отбить его добро назад. Большинство из тех, кто отправился на

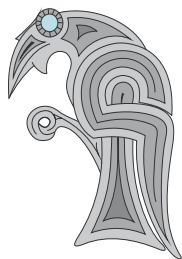

79...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 21
2018

поиски, были купцы, они плыли на 14 кораблях. Бросив якорь у Блюхольма, Свейн предупредил всех не спать в палатках, так как ожидал, что люди из Бервика придут этой ночью. Однако дул прохладный ветер, и многие проигнорировали его совет, все спали в палатках, за исключением тех, кто был на корме корабля Свейна — там просто не было таких палаток. Свейн оставался на палубе в меховом плаще, и так он собирался провести ночь.

На корабле Свейна был человек по имени Эйнар Кривоногий, который утверждал, что слухи о мужестве Свейна сильно преувеличены.

— Люди судачат, будто нет никого отважнее его, — говорил он. — И вот он сидит, боится ставить палатки.

Свейн делал вид, что не слышит. На острове находились наблюдатели, и он слушал, о чем они говорят и что видят. Свейн сошел на берег и спросил их, что они увидели. Те ответили, что не разобрали. Но Свейн был очень зорким. Он вгляделся и заметил 14 кораблей, плывущих вместе. Свейн приказал наблюдателям подняться на борт, предупредил остальных, а потом вернулся на свой корабль, разбудил своих людей и приказал сбросить палатки.

Поднялся большой шум, многие стали спрашивать Свейна, что делать. Он приказал им сидеть тихо и поставить корабли между островом и основной землей.

— Ждите и смотрите, как они проплывут мимо нас, — сказал он. — А если нет, мы двинемся им наперерез, быстро, как только сможем.

Свейн последним приготовился отступить, и Анаколю пришлось его ждать, но так как у него был самый быстрый корабль, он принял все меры предосторожности и в свою очередь стал ждать Анаколя, не желая оставлять его одного.

Когда корабль Свейна поднял все паруса, Эйнар Кривоногий спросил Свейна.

— Неужели наш корабль не двигается?

— Разве я это говорил, — ответил Свейн. — Но если ты так напуган, что не можешь понять, двигается самый быстрый корабль или нет, полагаю, ты не станешь больше никогда обсуждать мою отвагу.

Люди из Бервика проплыли мимо них на юг, после чего Свейн изменил курс и двинулся в сторону основной земли. Около острова Морсей Свейн отправил послов

в Эйдинаборг к конунгу скоттов рассказать о своей добыче, но не успели они приехать в город, как им повстречались двенадцать наездников с пристегнутыми к седлам сумками, набитыми серебром. Скотты спросили Свейна Аслейфарсона. Им ответили, где он, и спросили, что они хотят. Те сказали, что слышали о пленнике Свейна, и конунг скоттов послал их с этими деньгами заплатить выкуп. Люди Свейна ответили, что слухи ложные, затем прошли к конунгу и объяснили, с чем прибыли. Конунгу было мало дела до потерь Кнута, он послал Свейну красивый щит и другие ценные подарки. Ярл Эрленд и Свейн вернулись на Оркни уже поздней осенью.

Тем же летом ярл Харальд ездил в Норвегию, как мы об этом уже сказывали. Это произошло, когда ярл Рёгнвальд и Эрлинг Кривой приехали в Норвегию из Миклагарда. А перед самым йолем ярл Рёгнвальд вернулся на Оркни.

94

Как только это произошло, люди сразу попытались примирить ярлов Рёгнвальда и Эрленда. Бонды ссылались на соглашение, которое они заключили с Эрлендом, — о том, что он не станет препятствовать, если Рёгнвальд захочет забрать свою половину островов. Ярлы назначили встречу в Киркьеваге, и там они договорились за два дня до наступления йоля и скрепили договор клятвой. Они обязались править каждый своей половиной Оркни и вместе защищать острова против ярла Харальда или кого-либо другого, кто станет на них притязать.

Ярл Рёгнвальд тогда оставался еще без кораблей до самого лета, когда из Норвегии ему прислали несколько судов.

Зимой было тихо, но по весне Рёгнвальд и Эрленд стали готовиться к тому, что Харальд придет с запада. Ярл Эрленд и Свейн отправились на Хьяльтланд проверить, не захватил ли Харальд там земли, а ярл Рёгнвальд поехал в Торс, потому что они считали, что Харальд мог и там сойти на берег, ведь у него было там много друзей и родичей. Эрленд и Свейн оставались на Хьяльтланде все лето, проверили каждый корабль, и никто тогда не смог уплыть оттуда в Норвегию.

Летом ярл Харальд покинул Норвегию с семью кораблями. Он высадился на Оркни, но три судна двинулись в сторону Хьяльтланда, где их захватил Эрленд. По прибытии Харальд узнал, что Рёгнвальд и Эрленд заключили соглашение и поделили острова между собой.

... 80

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 21
2018

Харальд понял, что ловить нечего, и решил отправиться в Катанес, чтобы повидаться с Рёгнвальдом, прежде чем Эрленд с войском прибудет с Хьяльтланда.

Эрленд и Свейн были на Хьяльтланде, когда узнали о приезде Харальда. Они сразу собрались ехать на Оркни с пятью кораблями, но попали в сильное течение и ураган при Дюнросте, и корабли оказались разбросаны. Свейн добрался на двух кораблях до острова Фридарей и думал, что Эрленд погиб. Но когда он поплыл к острову Сандей, то обнаружил, что ярл дожидается его там с тремя другими кораблями, и они были рады видеть друг друга. Оттуда они поплыли на Хроссей, где узнали, что Харальд уехал в Катанес.

Теперь расскажем о маршруте ярла Харальда. Он прибыл в Торс на шести кораблях, но Рёгнвальд был в это время в Судрланде на свадьбе своей дочери Ингирид с Эйриком Стагбреллем. Как только Рёгнвальд узнал о приезде Харальда, он покинул свадебный пир и направился в Торс с большим количеством людей. Эйрик был другом Харальду и делал все, чтобы примирить двух ярлов. Многие поддержали его в этом: родичи, названные братья, бывшие соратники говорили, что надо держаться друг друга. В конце концов, они встретились и договорились о мире. Они уединились в какой-то крепости в Торсе и разговаривали наедине, у каждого оставалось одинаковое количество людей снаружи. Они долго вели беседу и хорошо поладили. Это была их первая встреча после возвращения Рёгнвальда из поездки.

Ближе к вечеру Рёгнвальд узнал, что вооруженные люди Харальда приближаются к крепости. Харальд сказал, что беспокоиться не о чем. Потом они услышали звуки битвы, бросились наружу и обнаружили, что Торбьёрн Писарь пришел с большим войском и тотчас же напал на людей Рёгнвальда. Ярлы стали кричать им остановить сражение, и прибежавшие местные жители разняли их, но к тому времени тринадцать человек ярла Рёгнвальда были убиты, а сам он ранен в лицо. Общие друзья ярлов примирили их, и они пришли к соглашению, подтверждающему их союз. Они снова скрепили договор клятвами. Это произошло за четыре дня до Дня св. Михаила. Было принято и другое решение: отправиться на Оркни той же ночью, чтобы сразиться с Эрлендом и Свейном. Они поплыли на 13 кораблях в Петтландсфьорд, затем переправились к Рёгнвальдсею, высадились в Витиваге и пошли пешком.

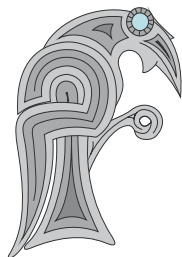
Ярл Эрленд и его люди находились на кораблях в Барвике, видели приготовления на Рёгнвальдсее и послали шпионов. Они выяснили, что ярлы заключили соглашение, поэтому не было никакой возможности поехать на острова и запастись провиантом. Эрленд стал спрашивать совета у своих людей, как быть. Договорились, что окончательное решение останется за Свейном. Так как у них было достаточно сил, чтобы сражаться с ярлами на островах, Свейн решил, что они поплывут этой ночью в Катанес. Людям он объявил, что они собираются уехать на Южные острова, и накануне Дня св. Михаила они вошли в Петтландсфьорд. Высадившись в Катанесе, они стали врываться в тамошние поселения, уводить скот на убой на берег, а затем загружать туши на корабли. В Петтландсфьорде тем временем поднялся шторм, и в залив было практически невозможно выйти. Когда ураган немного стих, Свейн отправил нескольких гонцов на лодке на острова, чтобы они распространили весть, что ярл Эрленд грабил в Катанесе, а теперь намерен уплыть на Южные острова, когда погода улучшится. Узнав об этом, Рёгнвальд собрал людей и приказал им быть начеку, оставаясь на кораблях всю ночь.

— Свейн может появиться на Оркни в любой момент, — сказал он. — Тем более если он заранее говорит, что отправится куда-то.

Ранней зимой Свейн покинул Торс и прошел вдоль западного побережья Шотландии на семи больших хорошо вооруженных кораблях. После того как люди Свейна покинули Катанес, шпионы ярла Рёгнвальда вернулись с этими новостями на Оркни, и ярлы повернули свой флот в сторону Скальпейди. Рёгнвальд приказал всем оставаться покамест на кораблях.

Добравшись до самой западной точки — Стэра, Свейн приказал своим людям больше не изнурять себя на веслах, а поднять паруса и сменить курс. Они посчитали эту мысль негодной, но сделали так, как он велел, и корабли быстро понеслись по ветру. Ничего интересного не произошло, пока они не добрались до Оркни. Они высадились на Вагаланде, где узнали, что ярлы покинули Кнаррарстад в Скальпейди с 14 кораблями. Со Свейном были Эрленд Юный, Эйрик Стагбрелль и много других знатных людей.

Торбьёрн Писарь между тем поехал на восток в Папюль повидаться с приемным отцом Хаконом Карлом. Он женился на его дочери Ингигерд. За несколько дней до празднования Дня св. Иуды и Симона (= 28 октября)

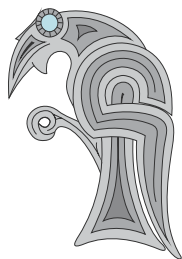

81...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 21
2018

Свейн объявил, что собирается этой ночью напасть на ярлов. Многие считали, что ему дали дурной совет, ведь перевес в силах явно был не на его стороне, но Свейн настаивал на своем, и так как его поддерживал ярл Эрленд, все пошло, как тот задумал.

Вечером началась метель с мокрым снегом. Ярл Рёгнвальд сошел на берег и остановился в своей усадьбе Йорфур. Он считал, что сейчас нечего опасаться. Его сопровождали пять спутников, и во время шторма они добрались до Кнаррарстада. Бондом там был один исландец по имени Ботольв Упрямый. Он был хорошим скальдом и настойчиво приглашал Рёгнвальда провести у него ночь. Они приехали, им помогли снять с себя промокшую одежду и отправили спать. Ботольв остался приглядывать за ними.

Этой самой ночью ярл Эрленд застал врасплох войско ярла Харальда, хотя его люди и слышали боевой клич, они не заподозрили неладное. Люди Эрленда захватили оружие, сломали сопротивление, некоторых убили. Но Харальд сумел вытащить на берег корабль, хотя на нем оставалось всего пятеро в строю. Вместе с сотней других был убит Бьярни, знатный человек, брат Эрленда Юного. Многие были ранены. Те, кто уцелели, покинули судно, прыгнув на берег. Ярл Эрленд потерял немного людей, захватил 14 кораблей и все добро на них.

Когда самая тяжелая работа была закончена, Эрленд узнал, что Рёгнвальд тем вечером отправился пешком в Кнаррарстад. Они пошли следом за ним. Ботольв был на улице и, когда они явились, тепло их встретил. Его спросили, где Рёгнвальд, и он ответил, что ярл провел у него ночь. Его стали настойчиво расспрашивать, где Рёгнвальд сейчас, знает ли это Ботольв. Тогда тот простер руку в сторону ограды и произнес вису:

[следует вису, в которой Ботольв в туманных выражениях отказывается говорить, где находится Рёгнвальд Кали]

Люди ярла тут же прочесали все окрестные земли, каждый надеялся оказаться быстрее другого и захватить ярла первым. Ботольв же вернулся в усадьбу, разбудил Рёгнвальда, рассказал, что произошло этой ночью и что делают сейчас люди ярла Эрленда. Рёгнвальд и его спутники тут же вскочили на ноги, оделись и ушли в сторону Йорфура, где по прибытии они обнаружили скрывающегося Харальда. Они тут же вышли в море, направились в Катанес, каждый на своей лодке: один с двумя, другой с тремя спутниками. Так делали все, кто мог добраться до Катанеса.

Эрленд и Свейн захватили все корабли, принадлежавшие ярлам, и много добра на них. Свейн Аслеифарсон собрал все ценности с кораблей Рёгнвальда и выслал их ярлу в Катанес. Он попытался убедить Эрленда отправиться на Вагаланд, где они могли бы бросить якорь вблизи Петтландсфьорда и наблюдать за всеми, кто идет из Катанеса. Он также считал это хорошим местом, откуда можно напасть, если представится возможность, но спутники Эрленда убедили его поехать севернее, на Дамисей, где они каждый день проводили в попойках в большой зале, а ближе к вечеру связывали канатами корабли и оставались на них на ночь.

За три дня до йоля Свейн отправился в Сандвик навестить свою родственницу Сигрид и уладить ее распрю с соседом Бьёрном. Перед отплытием Свейн предупредил Эрленда оставаться на ночь на кораблях и быть еще бдительнее во время его отлучки. Свейн провел ночь у своей родственницы.

Один из жильцов Свейна, его хороший друг Гисль, просил Свейна приехать и провести у него ночь. Гисль наварил эля и хотел развлечь Свейна и его людей. По приезду к нему они узнали, что Эрленд вечером не пошел на корабли. Свейн тут же отправил Маргада сына Грима и еще двух людей к ярлу, чтобы они напомнили ему быть более внимательным этой ночью, даже если он не внял предупреждению в прошлый раз.

— Но боюсь, у меня не хватит советов для этого ярла надолго, — добавил Свейн.

Маргад встретился с ярлом и передал поручение Свейна, но люди ярла заявили, что у Свейна очень странная манера: то он думает, что ничего не надо делать, то — опасается настолько, что не знает, что ему делать и что делать другим. Они заявили, что не намерены спать на кораблях, а проведут комфортную ночь на берегу. Ярл же настаивал, чтобы они сделали так, как говорил Свейн. В результате он и еще девятнадцать человек остались на кораблях, а остальные сошли на берег и разошлись по домам. Маргад со спутниками расположился в небольшой бухте неподалеку. Этой же ночью прибыли Рёгнвальд и Харальд. Они застали Эрленда врасплох, потому что ни наблюдатели на берегу, ни на корабле не заметили врагов, пока те уже не находились на их кораблях.

В каюте Эрленда спали два человека — Орм и Уфи. Уфи вскочил на ноги и попытался разбудить Эрленда, но не смог, потому что тот был мертвецки пьян. Тогда Уфи схватил ярла и прыгнул с ним за борт, а затем забрался

в лодку. Орм спрыгнул в воду с другой стороны и добрался до суши, а большинство тех, кто был на корабле, включая ярла Эрленда, были убиты.

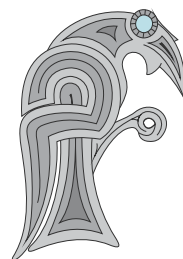
Маргада и его спутников разбудили воинственные крики, они прыгнули в лодку и стали грести в другую сторону. В свете луны они видели ярлов и поняли, что спор между ними разрешен окончательно. Они стали грести сильнее в сторону Ренадаля, а потом послали людей сообщить Свейну о том, что видели.

Харальд хотел пощадить людей Эрленда, но Рёгнвальд предложил сперва подождать, найдется ли тело ярла или нет. За два дня до йоля они нашли тело. Кто-то увидел древко копья, воткнутое рядом с кучей водорослей, а в ходе тщательных расспросов выяснилось, что в ту сторону бежал Эрленд. Его тело перенесли в церковь, людей пощадили, как и четверых жильцов Свейна, которых тоже взяли в плен.

Жил человек по имени Йон Крыло — племянник того Йона Крыло, которого упоминали ранее. Он жил у Хакона Карла и прижил с его сестрой ребенка, потом ушел в викингский поход вместе с Анаколем, а затем служил у ярла Эрленда, но в битве не участвовал. Все люди Эрленда отправились в Киркьеваг вымаливать прощение в соборе святого Магнуса. Ярлы Рёгнвальд и Харальд поехали туда же и устроили там примиренческое собрание. А Йону выставили условие, что пока он не женится, мира ему не будет. Все поклялись в верности ярлам, хотя те и не обозначили точно свои требования. Йон Крыло присоединился к ярлу Харальду и стал его человеком.

Продолжение следует...

Источник: интернет-портал УЛЬВДАЛИР
<http://ulfdalir.ru/>

83...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№ 21
2018

Исповедь Мастера

Владислав НОВИЦКИЙ

КАЖДОЕ наше действие в этой жизни является неким «ритуалом», который тесно связан с Законом Вселенной. Каждый шаг, каждое сказанное слово или мысль всегда несет в себе колоссальную силу. Прежде чем произвести действие, каждый для себя должен сначала дать ответ, какие последствия в будущем будут следовать за содеянным. Мощественная энергия содержится во всех сказанных нами словах, а что уж говорить о предметах, которые мы создаем и запускаем в Матрицу. Зачастую человечество создает продукцию, которая вольно отпускается в мир, только ради цели заработка. И в такие моменты никто не задумывается над тем, что именно за влияние будет оказывать продукт на будущего владельца.

Когда криэйтор создает какую-то вещь, он стабильно каждый раз наделяет свой продукт сильной энергетикой, вкладывая в предмет свое внутреннее состояние, эмоциональный фон, в котором пребывает. Поэтому так важно держать свое сознание в чистоте, когда вы решаетесь что-то произвести в мир, что будет служить кому-то другому. Людьями в большинстве случаев руководит желание заработать, и они полностью теряют нить связи с Божественным. А точнее, закладывают в свое творение вибрации низких частот, наспех делая что-то, чтобы это просто принесло им заработок. Поспешность действий, необдуманность, пребывание в страхе или негативе, бесцелевое создание продукта — все это приводит всегда к тому, что создатель вдыхает в свое творение ненужные вибрации, которые в будущем скажутся на других. Даже если это красиво выполненная графическая работа, энергия творения всегда будет нести то, что в нее заложено. То, что соединяет эту вещь нитями на тонкоматериальном уровне. И те, кто не обладает нужным «видением», часто становятся владельцами низковибрационного продукта, который со временем начинает деструктивно влиять на обладателя.

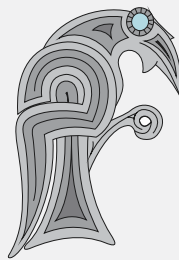
Тиражируемость чего-либо в жизни всегда приводит к тому, что люди перестают вкладываться в то, что делают. Все отдано машинам, которые штампуют ежедневно огромные серии вещей. В таком продукте нету высокой энергии, зато присутствует ряд низких частот, на который воздействуют ежедневно работники заводов и корпораций. Неудовлетворенные люди каждый день приходят на свою работу, у кого-то проблемы в семье, у кого-то просто нежелание делать рутинную работу, кто-то на днях поссорился с кем-то. Все это накладывает свой отпеча-

ток на то, с чем связывает себя по жизни человек. Даже если он включает кнопку «Печать» на станке, и машина делает красивый предмет, в этот момент работник излучает свои переживания в пространство, и поневоле все стоящее рядом получает эту волну. Особенно металл. Машины из металла имеют сильную силу притяжения и накопления, где концентрируются все эмоции людей, которые ежедневно облучают машины. Металл является накопителем любой энергии,

после чего начинает раздавать все, что в него заложено, в окружающую среду. Так в сумме люди и их ресурс производят в мир постоянно огромное количество вещей, которые с начала их создания несут в себе низкую волну. И так в мир ежедневно выносятся масштабный набор всего, что вскоре начинает работать «вай-фай» раздатчиком волн, которые заложены в продукт.

Именно исходя из множества вещей, я в своей жизни стараюсь не нарушать Законов Мироздания и связываю себя с тонкоматериальной работой, тем самым рискуя иногда погрязнуть в бедности. За свою жизнь сталкивался с разными профессиями и видами деятельности, но уже через пару месяцев бежал с криками и воплями с очередной работы, где меня заставляли делать то, что будет приемлемо для социального мира, где мне нужно было делать продукцию, не являющуюся вместилищем для «сердечного потока». И по сей день мне приходится выполнять работу, которая требует от меня «пустого кода». Тратя на такую работу неделю в месяц, мне постоянно требуется восстановление, которое требует от меня большего срока, чтобы ощутить себя живым. Я пробовал себя в разных направлениях, начиная от украшений, гравюр и картин, завершая музыкой

и созданием музыкальных инструментов. В каждом направлении сталкивался с одной и той же проблемой, где от меня требовалось тиражирование и работа без отдачи «частицы души». С каждым разом осознание росло, и я решил заниматься только единичным продуктом, который требует от меня полной отдачи.

В такие моменты мне не важны деньги, статус, мое место в социальном мире. Мои мысли сосредоточены только на том, чтобы создать вещь, которая пройдет через годы и лишь накопит в себе еще больше Света, подарит своему владельцу только самые яркие эмоции и чувства. Так я поступаю со всем, к чему прикладываю свою руку. И за последние годы начал создавать музыкальные инструменты эпохи викингов, которые требуют от меня того, что готов дать в любую минуту и в полном объеме. Север для меня выглядит иначе, нежели это нынче воспринимают люди. Для меня это не эпоха викингов, не Бронзовый век, религия и Боги. Я чувствую Север на тонком уровне, где он несет вибрации чистоты и космической Любви, Абсолюта. Это ощущения, которые вбирают в себя весь спектр цветов, где нету разделения на Черное и Белое, где все сливается в Триединство. Придя на Землю с Темно-Синей Аурой, уже с ранних лет я ощущал всю магию Севера, пытаюсь с каждым годом передать ее через слова, эмоции и предметы. Это позволяет мне создавать те же музыкальные инструменты изначально на тонком плане, а только

потом переводить это в физический мир.

С начала этого года мне довелось создать семь музыкальных инструментов, два из которых были созданы для заказчиков, остальные — для личных проектов. Поскольку пространство всегда притягивает к нам нужных людей, ко мне обращаются те, кто рассматривает свой будущий инструмент не просто музыкальным инструментом, но еще и вместилищем

85...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№21
2018

сильной энергетики. Во всем моем творчестве везде фигурирует символика Корней и Древа. Это олицетворяет мои знания Законов Вселенной и Мироздания, строения уровней бытия, знания о циклах. Данная символика на подсознательном уровне притянула на сей раз ко мне заказчика, который хотел заключить в свой инструмент закон о бессмертии души. Каждый раз, когда мне пишет заказчик, я задаю ряд вопросов, на которые человек

должен ответить сам себе. Это помогает моментально рассмотреть все тонкие грани, о которых заказчик даже может не догадываться. Мы решаем, в каком направлении будет циркулировать энергия, как она должна «изливаться» в будущем из инструмента, какой характер будет носить вибрация, где инструмент будет применяться и для каких целей, о чем в будущем планирует петь заказчик и с чем свяжет свое творение. Это помогает сразу же решить, каким делать инструмент, какая вибрация в нем должна пребывать, чтобы позже нести нужный поток в массы. Это своего рода «контракты», которые человек заключает со своим будущим инструментом. Мне же это поможет в будущем достигнуть данных нормативов. Создание такой вещи, как музыкальный инструмент, — это невероятное испытание для обеих сторон. И всегда требуется провести усиленный анализ всех сторон. Это является самой главной частью любого заказа, ибо в первую очередь души модулируют предмет на тонком уровне, вдыхая в него огромную мощь. На самом деле уже не так важно, каким будет выглядеть данный инструмент в материальном мире, ибо его уже будет творить душа, а не человек. Поэтому всегда так важно вкладывать все «Сердце» в каждую работу или мысль, ибо вскоре это станет материальным. Если не решать такие вопросы сразу, предмет станет «пустым» и не будет нести тех ощущений, которые требовались.

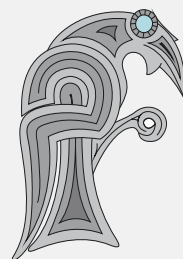
...86

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

После того, когда были решены главные вопросы, мы перешли с заказчиком к материальной форме. Мы обсуждали, каким образом лучше «внедрить» нужные знания и энергию в инструмент через текст и символику. Поскольку фраза, которая содержит в себе коды Мироздания, имеет связь с законами Вселенной, заказчик интуитивно попросил изобразить ее на фоне корней и ветвей, которые будут переплетены между собой. А по-

скольку инструмент является реконструкцией Тальхарпы (эпохи викингов), заказчик попросил оформить надпись руническим письмом на древнеисландском языке. Из-за того, что я очень серьезно отношусь к рунам, просто так оформлять простой текст руническим письмом практически никогда не соглашаюсь, если это не касается магического кода. Но на сей раз я решился заключить в рунах ту истину, которую мы оговорили с заказчиком. В нынешнее время законы Трехмерного Мира уже не работают, и вся символика не будет работать просто так, даже если ее нарисуют по канонам рунических знаков. Чтобы символ сработал, в него нужно заложить энергию, иначе без нее даже самый хитро написанный код не будет работать. Так выглядит работа с кодировками и символикой на сегодняшний момент, ибо человечество уже не пребывает на прежнем уровне сознания.

Как только мы решили главные вопросы и дизайн с заказчиком, я приступил к главной части — модуляции инструмента на тонком плане. Перед тем как перенести что-то в трехмерный мир, я модулирую объект на квантовом уровне, где прорисовываю его в фантазии со всех сторон, вдыхаю нужную энергию, направляю источник и плету из тонких нитей весь образ. Это самая ответственная часть, которая касается моей работы. Покуда объект не завершен в моей голове, я не приступаю даже к эскизам. К данному музыкальному инструменту я приложил очень много сил, тратя дни на формирование модели, изображения, а главное, продумывал, как использовать источник, чтобы в последствии инструмент зазвучал так, как надо в трехмерном мире. Когда вся

работа была проделана, принялся за передачу изображения на носитель, создав визуальный эскиз инструмента на планшете. Расписав все размеры, начал переносить чертеж на дерево. Много времени уходит на то, чтобы нарисовать на доске даже самую простую форму, потому что от каждого штриха и линии зависит многое. Когда все готово для работы, я стабильно чищу рабочее пространство и свой ум.

Это важная часть, которую нужно проделать всем, когда человек собирается что-то создавать. На сегодняшний день людям более не нужны ритуалы, как ранее. Но суть ритуала сегодня заключается в том, чтобы провести работу по очищению разума перед работой или каким-то действием. Безусловно, можно жечь травы и расставлять свечи по углам, но это будет являться больше игрой, чтобы легче поверить в свои силы и в действие. Поэтому перед каждой работой я провожу свой некий ритуал, где настраиваю себя на рабочий процесс, очищаю разум и пространство мыслью, настраиваю себя на энергетическую работу. Поддерживаю чистоту также в материальном мире, чтобы никакие предметы не отвлекали меня во время процесса. Когда я ощущаю покой и баланс, приступаю к рабочему процессу. С этого момента у меня начинается самая трудная часть, где мне нужно логически все просчитывать и контролировать, но не уходить в ум, не переставая работать душой. По большей части перед началом работы я отдаю свой эскиз на обработку душе и начинаю действовать инстинктивно. Руки двигаются плавно, соблюдаю баланс в теле. Это помогает творить через призму души, когда со спокойствием отдаю все на ее волю. В таком ключе очень легко и не принужденно получается вести рабочий процесс. В такой момент можно ощутить, как будто инструмент делает не ваш человек, а вы являетесь душой и творите с тонкого плана.

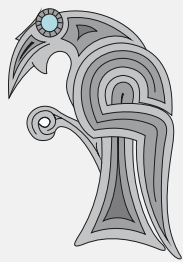
Поскольку процесс создания музыкального инструмента долгий и кропотливый, важно помнить о постоянных перерывах. Не насилуя физику, нужно неспешно делать каждый шаг. Когда я ощущаю, что после нескольких часов работы мои мысли начинают смешиваться, а тело устает, решаю остановить процесс. Это так же важно, как и все остальное, — вовремя остановиться. Если перенапрягаться и делать что-то с огромными усилиями, в продукт будет попадать низкая вибрация, и он может получиться уже не таким, как планировалось. В среднем, неспешным шагом, я трачу на один инструмент недели полторы-две. Даже невзирая на всю простоту конструкции музыкального инструмента, время здесь не главное, особенно когда вы творите с Душой. Покуда происходит работа

87...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№21
2018

на физическом уровне, параллельно работаю на тонком уровне, где стараюсь направлять весь процесс в мягкий поток, нейтрализуя спешку и ненужные действия.

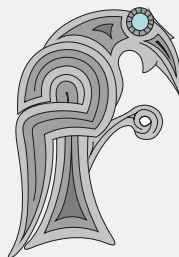
В этот раз я решил делать параллельно несколько инструментов одновременно. Это затрачивает больше усилий и энергии, нежели делать все друг за другом. Но я всегда уверен в своих силах и умею равномерно распределять свой ресурс энергии на несколько сторон. Я делал все инструменты не спеша, поскольку перед этим перенес сложную операцию. Но с каждым днем работы с инструментами восстанавливал свою оболочку за счет работы с энергиями. И в этой ситуации создание инструментов мне послужило также целительской системой, я ощущал себя с каждым днем лучше, тем самым отдавая больше энергии в мой продукт.

Так прошла пара месяцев, и к началу весны мои новые музыкальные инструменты были завершены. Результат, который я показал заказчику, ошеломил его. Он был очень доволен и сказал, что вышло даже лучше, чем он планировал. И вся магия сказалась на его звучании. Из-за того, что я не профессионал изготовления музыкальных инструментов и не люблю «вылизанные» формы, мои инструменты тем самым показались заказчику очень «магическими на вид». Я люблю порой неопрятность краев и форм, потому что в этом всегда присутствует больше природы. Когда создаю что-то из дерева, то всегда стараюсь оставить больше места тому, что создала природа, приложив минимум своей руки. Меня можно назвать ленивым и неопрятным в работе, но я осознанно так работаю, потому что желаю оставить больше природы, которая сама создала за меня все. Природа уникальна и всегда творит красоту лучше, чем это сделает человек. В ближайшем будущем планирую создать серию музыкальных инструментов из коряг, которые сформировала природа за многие годы. На данный момент ищу интересные сплетения корней и деревьев, которые уже изначально имеют шикарную форму. Мне не нравится использовать дерево как ресурс и создавать из него какую-то форму. Мне хочется найти первозданные отблески природы и, уже исходя из их формы, сделать из них музыкальный инструмент. Это будет уникальной вещью и не схожей с чем-либо. Некоторые коряги думаю превратить в смычковые инструменты, а ветвистые — в щипковые. Природа моего края сейчас выбросила на берега удивительные деревянные формы, в которых осталось только аккуратно сделать камеры для звука и поставить струны. Такие инструменты зазвучат уже без привязки к культурам и течениям людей. Так будет звучать природа, которая объединяет всех воедино. Тема Севера, безусловно, навсегда останется со мной, и в будущем готов создавать что-то тематическое. Но планирую подальше отойти от культур и истории, чтобы показать всю разносторонность природы. Мне всегда было противно находиться под эгидой разных культур, потому что это всегда урезало в чем-то другом. Сейчас же мне кажется, я нашел возможность уйти от всей символики и традиций, устремив свое внимание к корням, где все люди едины и никто не разделен. Для меня это будет чем-то новым, что я так долго искал. Я терялся длительное время во всей информации, которая меня окружала. Мне всегда хотелось создать что-то новое и уникальное, что не будет

подвязано под ту или иную доктрину. И мне кажется, что нашел это. Я хочу выразить все четыре стороны Земли и все четыре стихии в их первозданном виде, покуда это не обрело ярлыки и привязки к народам, истории. Меня всегда окружает множество идей и поддерживает масштабное вдохновение, но не всегда успеваю все воплотить в жизнь, следуя всем вышеописанным законам. Музыкальные инструменты — это еще одно направление, с которым связал себя еще с раннего детства. И это то, чем всегда буду параллельно заниматься.

В завершение хочу написать следующее. **Дорогие и Уважаемые люди, если вы связываете с чем-то свою жизнь или решаетесь создавать что-то для других, плотно обдумайте все свои действия в будущем. Не создавайте поспешных шагов и не рождайте в физический мир то, что не содержит в себе вашего сердечного потока. Вы все великие Боги и способные маги. Рождая что-то, вы всегда несете за это большую ответственность. Это еще один Закон Мироздания, закон Притяжения, закон магнетизма. То, что вы вкладываете в свой продукт, или обычные мысли, всегда вернется вам методом бумеранга вдвойне. То, что вы желаете себе, желайте всем остальным. Не приступайте к чему-либо, пока не выйдете в состояние покоя и сердечного потока. Окружающий мир — это лишь зеркало вашего внутреннего мира. Люди говорят вам только то, чего вы заслуживаете. Если вас что-то не устраивает, начните менять себя изнутри. Вы все Творцы своего мира. Окружайте себя только самым лучшим и самым прекрасным, что есть по вашему мнению. А ответы ищите только внутри себя. Каждый Создатель и каждый творит свою реальность ежесекундно. Раскрывайте свои уникальные стороны и показывайте этот свет всему миру. Творите постоянно!**

Страничка Мастера:
<https://vk.com/hrodhrafn>

89...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№21
2018

Волшебные исландские сказки

Колдун Лофт (Galdra-Loftur)

Перевод: Любовь ГОРЛИНА

Был когда-то в епископской школе в Хоуларе один ученик по имени Лофт. Всё свободное время он отдавал колдовству и превзошёл всех в этом искусстве. Он любил подбивать других учеников на всякие проделки. Однажды на Рождество Лофт поехал домой к родителям. В пути он заночевал на каком-то хуторе, а утром подковал тамошнюю служанку, взнуздal её и поскакал на ней домой. После этого служанка долго болела – Лофт загнал её чуть не до смерти, – но, пока он был жив, она словом не обмолвилась об этом случае. А другую служанку, которая от него забеременела, Лофт умертвил с помощью колдовства. Вот как он это сделал: несла служанка из кухни в корыте золу, и вдруг перед ней раскрылась стена. Только она шагнула в этот проём, как Лофт снова закрыл стену. Много лет спустя, когда стену рушили, в ней нашли скелет женщины с корытом в руках, а в её скелете – косточки неродившегося ребёнка.

Лофт не успокоился, пока не изучил до мельчайших подробностей всю «Серую кожу». Он встречался со многими колдунами, и никто не мог превзойти его в колдовском искусстве. Но зато он сделался таким злобным и мрачным, что другие ученики боялись и ненавидели его.

Как-то раз в начале зимы Лофт попросил самого храброго из учеников помочь ему вызвать из могилы одного древнего епископа. Тот стал отказываться, но Лофт пригрозил, что убьёт его.

– Вряд ли я смогу быть тебе полезен, ведь я несведущ в колдовстве, – сказал тогда ученик.

Однако Лофт объяснил, что ему придётся только стоять на колокольне и держать верёвку от колокола, и по знаку Лофта начать звонить.

– А теперь слушай, я открою тебе, что я задумал, – сказал Лофт. – Если человек владеет колдовством как я, он может использовать его только для злых дел, в противном случае его ждет смерть. Но если ему удастся постичь колдовскую премудрость до конца, дьявол потеряет над ним власть и даже станет служить ему, как он служил Сэмунду Мудрому. Постигший всю колдовскую премудрость делается независимым и может использовать свои познания, как пожелает. Беда в том, что приобрести такие познания в наши дни стало трудно. Теперь нет Школы Чернокнижия, а «Красная кожа» по повелению епископа Гохтскаулька Злого зарыта вместе с ним в могиле. Вот я и надумал вызвать епископа из могилы и отнять у него «Красную кожу». Правда, вместе с ним выйдут из могил и другие древние епископы – им не устоять перед всеми заклинаниями, которые понадобятся, чтобы вызвать Гохтскаулька. Эти заклинания не подействуют лишь на епископов, которые умерли совсем недавно и похоронены с Библией на груди. Только не вздумай звонить раньше, чем нужно, но и не опоздай, помни, от этого зависит и моё земное, и моё вечное блаженство. А уж я в свой черёд отблагодарю тебя: ты всегда и во всём будешь первым, и никто ни в чём тебя не превзойдёт.

Они столкнулись и, когда все легли спать, отправились в церковь. Светила луна, и в церкви было светло. Товарищ Лофта занял место на колокольне, а Лофт вззошёл на кафедру и начал читать заклинания. Вскоре из могилы поднялся мертвец с добрым серьёзным лицом и короной на голове.

– Остановись, несчастный, пока не поздно! – сказал он Лофту. – Тяжким будет проклятие моего брата Гвендура, если ты потревожишь его покой.

Но Лофт оставил без внимания слова этого епископа и продолжал заклинать. Тогда из могил один за другим стали подниматься древние епископы с крестами на груди и посохами в руках. Все они обращались к Лофту с какими-нибудь словами, а с какими – неизвестно. Трое из них были в коронах, но ничего колдовского в их облике не было. Однако Гохтскаульк всё не поднимался. Лофт начал заклинать ещё неистовей, он обратился к самому дьяволу и покаялся ему во всём содеянном им добре. Тут раздался страшный грохот, и поднялся мертвец с посохом в руке и красной книгой под мышкой. Наперсного креста на нём не было. Он сурово взглянул на епископов и устремил испепеляющий взгляд на Лофта. Тот стал заклинать ещё усерднее. Гохтскаульк грозно двинулся к нему.

– Хорошо ты поёшь, сынок, – насмешливо произнёс он, – лучше, чем я думал, но моей «Красной кожи» тебе всё равно не видеть.

Лофт пришел в исступление, и от богохульств церковь затрещала и заходила ходуном. Товарищу его показалось, будто Гохтскаульк медленно приблизился к Лофту и нехотя подаёт ему книгу. В глазах товарища потемнело, его обуял ужас. Увидев, что Лофт протянул к книге руку, он подумал, что тот делает ему знак, и ударил в колокол. Все епископы с грохотом провалились под землю. Одно мгновение Лофт стоял неподвижно, закрыв лицо руками, а потом медленно, шатаясь, поднялся на колокольню.

– Всё обернулось хуже, чем я предполагал, но ты в этом не виноват, – сказал он своему товарищу. – Мне следовало дожидаться рассвета, тогда Гохтскаульк сам отдал бы мне книгу. Но он оказался более стойким, чем я. Когда я увидел книгу и услышал его насмешки, я потерял над собой власть. Стоило мне произнести ещё хотя бы одно заклинание, церковь бы рухнула, а Гохтскаульк только этого и хотел. Но, видно, от своей судьбы не уйдёшь. Теперь у меня нет надежды на вечное блаженство. Но обещанную награду ты получишь, и пусть всё происшедшее останется между нами.

С той поры Лофт стал молчалив и даже как будто немного повредился в уме: он боялся темноты и с наступлением сумерек спешил зажечь все светильники.

– В субботу в середине Великого поста я буду уже в аду, – часто бормотал он.

Ему посоветовали попросить приюта у пастора из Стадарстадира, который был очень стар, твёрд в вере и считался лучшим священником в округе. Помешанных и околдованных он исцелял одним наложением рук. Пастор пожалел Лофта и позволил ему неотлучно находиться при себе – и днём и ночью, и дома и на улице. Лофт заметно оправился, но пастор продолжал опасаться за него, потому что Лофт никогда не молился вместе с ним. Лофт неизменно сопровождал пастора, когда тот навещал больных и искушаемых дьяволом, и присутствовал при их беседе. Пастор не выходил из дома без облачения и всегда брал с собой хлеб и вино для причастия.

Наступила суббота в середине Великого поста. Лофт был болен, пастор сидел у его постели и христианской беседой поддерживал в нём бодрость духа. Часов в девять утра пастору сообщили, что один из его друзей лежит при смерти и просит пастора причастить его и подготовить к благочестивой кончине. Пастор не мог ему отказать. Он спросил у Лофта, может ли тот сопровождать его, но Лофт ответил, что боли и слабость не позволяют ему двигаться. Пастор сказал Лофту, что всё будет хорошо, если тот не выйдет из дому до его возвращения, и Лофт обещал не вставать с постели. Потом пастор благословил и поцеловал его. У порога пастор опустился на колени, прочёл молитву и осенил дверь крестным знаменем. Люди слышали, как он пробормотал про себя:

– Один Бог ведает, спасётся ли этот человек. Боюсь, что мне не одолеть силу, которая мешает его спасению.

Когда пастор ушёл, Лофт вдруг почувствовал себя совершенно здоровым. День был погожий, и ему захотелось выйти прогуляться. Мужчины уехали рыбачить, и дома не было никого, кроме кухарки и одного работника, которые не стали его удерживать. Лофт отправился на соседний хутор. Там жил один старик, человек скорее злой, чем добрый. Сам он уже не рыбачил. Лофт попросил старика спустить для него на воду небольшую лодку – ему, мол, охота порыбачить у самого берега. Старик выполнил его просьбу.

Тихая погода держалась весь день, но лодки этой никто уже больше не видел. Даже обломка от весла, и то не нашлось. Только один человек видел с берега, как из воды высунулась серая мохнатая лапа, схватила лодку и вместе с Лофтом утащила её под воду.

91...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 21
2018

Marina KREWSKA

Сага о Ньяле

Сегодня я хочу посоветовать читателям посмотреть замечательную исландскую короткометражку «Njálssaga» Бьёрна Б. Бьёрнссона по мотивам Саги о Ньяле. Забегая немного вперед, я скажу вам, что она достойно снята для скромных бюджетов кинопромышленности Исландии 2003 года и весьма точно передает события Саги, начиная свое повествование с конфликта Гуннара с соседом по имени Откель.

С первых же минут фильма нас знакомят с главным героем поближе: Гуннар предстает перед взором зрителя как типичный светлый герой исландских саг, идеал человека того времени. В Саге о нем говорится следующее: «Это был человек рослый, сильный и очень искусный в бою. Он рубил мечом обеими руками и в то же время метал копьё, если хотел. Он так быстро взмахивал мечом, что казалось, будто в воздухе три меча. Не было равных ему в стрельбе из лука, он всегда попадал без промаха в цель. <...> Не было такой игры, в которой кто-либо мог состязаться с ним. Говорили, что ловкостью он превосходил всех. Он был хорош собой. <...> Он прекрасно знал правила обхождения, был вынослив, щедр и сдержан, верен в дружбе и строг в выборе

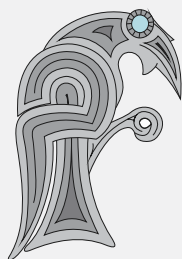
друзей. У него было много всякого добра». (Сага о Ньяле, XIX)

Гуннар близко дружит с Ньялем – человеком уважаемым, несравненным знатоком законов, хоть и с лысым лицом. Также упоминается, что Ньяль мог видеть будущее, охотно давал советы всем, кто в этом нуждался, и неоднократно демонстрировал своё благородство по отношению к друзьям.

Предваряющее событие к развернувшейся в будущем трагедии происходит в начале фильма: Гуннар встречается на тинге Халльгерд Длинноногую – красивую и строптивую женщину, сгубившую до момента знакомства с Гуннаром уже двоих мужей за то, что те ее ударили в ссоре. Ньяль предупреждает друга о том, что этот брак закончится для него тра-

женится на честолюбивой женщине, приносящей гибель и горе всем, кто ее окружает. А также продемонстрировать прекрасный образец дружбы, когда люди выручают близких в самых тяжелых ситуациях и помогают не сдаться перед лицом судьбы, хотя и знают, что конца не избежать.

Для кого этот фильм? Для тех, кто не может читать саги из-за их специфики, но очень хочет проникнуться духом скандинавского X века.

гедией, но Гуннар, проявляя истинный германский фатализм, принимает свою судьбу и женится на возлюбленной.

Завязка трагедии — конфликт Гуннара с соседом Откелем — начинается с отказа в просьбе Гуннара продать ему часть припасов, потому как в Исландии выдался неурожайный год. И Халльгерд выступает в роли роковой женщины — зачинательницы родовой вражды, когда, не стерпев отказа от соседа, подговаривает раба обокрасть владения Откеля.

С этого момента в фильме и разворачивается череда фатальных событий, которые в Саге приведут к гибели Гуннара, а впоследствии и Ньяля.

За 50 минут экранного времени нам успевают показать те стороны принятия древними скандинавами судьбы, которые для современного человека граничат с наивностью и глупостью: господин заводит дружбу с рабом, который всем известен как человек с лживым языком и черной душой; герой

но очень хочет проникнуться духом скандинавского X века.

Для тех, кто любит качественное кино и не страшится низких бюджетов кинокартин.

Для тех, кто хочет прочувствовать исландский менталитет: в фильме очень специфическая музыка, которая иногда не дает

93...

погрузиться полностью в атмосферу при первом просмотре. Но при последующих ты воспринимаешь ее как часть единой картины, изюминку исландского кинопрома.

На сегодняшний день, чтобы найти Njálssaga с русскими субтитрами, надо хорошенько постараться. Или обратиться в группу проекта «Северная Слава» Вконтакте и найти ее там на стене или в видеозаписях. Заодно там можно выразить благодарность за подготовку русских субтитров владельцу проекта — Тимофею Stridmann Ермолаеву.

Желаю вам приятного просмотра.

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№21
2018

Ольга МАРКЕЛОВА

Педер Арребё¹

Продолжение. Предыдущие части пронзительной истории жизни лютеранского священника, который меняет религию на язычество, и про то, как дальше изменилась его жизнь, вы можете прочитать в 11–20 номерах нашего журнала.

Приглашение к родне

В съёмных каморках с тонкими стенами человека постоянно тревожит звон чужих телефонов. Назойливые электронные мелодии скачут по воздуху, и даже тот, у кого никогда не было собственного мобильного, замирает и настораживается, будто это окликают именно его. А если трели звонков на нижнем этаже раздаются с утра, то спящий на чердаке безработный, скорее всего, примет их за чужой будильник и только подивится, кому это из соседей приходится так рано вставать...

В это июльское утро за звонком внизу послышались шаги на лестнице, затем в дверь к Педеру глухо постучали. Бодрый голос Стебби за дверью сообщил, что приятеля просят к телефону.

Педер накинул куртку и, натываясь на углы, спустился на кухню.

— Пьетюр! — раздался в телефоне голос Сванхильд. — Здравствуй, парнишка! Как дела? — (По-исландски этот вопрос звучал буквально так: «Что поет в тебе?» Педер уже успел привыкнуть к этой ласковой формуле в устах девушки).

— Да так... Всё путём...

— У тебя на завтра есть какие-нибудь планы?

— Нет; я, как ты знаешь, в свободном полёте...

— Знаешь, у нас намечается сбор всей родни дома у моей мамы, у неё своя ферма недалеко от Стиккисхольма. Все наши там будут, даже Тотти приедет из своего Вермонта, — (Педер, впрочем, не помнил ни кто такой Тотти, ни почему он живёт в Америке; Сванхильд когда-то рассказывала ему об этом, но он позабыл — а уточнить не решался, потому что невнимательное отношение к её родне могло обидеть девушку, она посчитала бы, что Педер сознательно пропускает мимо ушей важные с её точки зрения вещи). — Вот я и подумала, почему бы мне не взять тебя с собой.

— Ну, не знаю, достоин ли я такой чести...

— Пьетюр, да брось ты дурака валять! Надо же в кои-то веки выбраться из города! Ты когда-нибудь был на Снайфетльнесе?

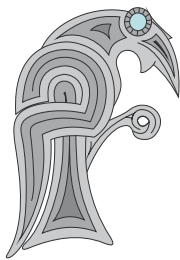
— Нет...

— Ну вот, побываешь. Это одно из самых красивых мест в Исландии. Там такие пейзажи! Это просто праздник какой-то! Зачем упускать такую возможность? Тем более, в университете

¹ Описанные в романе события в общественной жизни Исландии имели место в реальности. События в жизни персонажей, как и сами персонажи — литературный вымысел.

каникулы, на работе мне дали отпуск, делать всё равно нечего. Ты, как ты сам выражаешься, в свободном полёте... Поехали! Я уверена, тебя там хорошо примут, никто не будет против...

Итак, дело было решено. Педеру предстояло стать почётным гостем на пиру у родни Сванхильд.

Тем же вечером Педер встретился с Арнльотом. Тот оставался в Рейкьявике на несколько дней, а потом собирался снова выйти в море. У них было много свободного времени, обоим было некуда идти, и они нашли приют в одном из баров в центре города.

Арнльот долго жаловался на то, что рыбы ловится мало, расценки понижаются, да и вообще рыболовный промысел в последние годы не в таком почёте, как прежде. Потом он принялся рассказывать, как они с Олавом обнаружили в Рейкьявике исландскую языческую общину, пытались зайти к ним в гости, но, видимо, попали в неудачное время: двери были закрыты, а при входе в здание копошились ремонтные рабочие.

Педер поделился своими новостями:

— Ты можешь меня поздравить: я попал в число избранных.

— Ты что — получил работу?

— Нет; честно говоря, так хочется махнуть рукой на всё это... Тут дело в другом: Сванхильд меня пригласила на семейную встречу на Снайфетльснезе завтра утром.

— Сванхильд? Такая толстая черноволосая? Которая раньше была с Рунаром?

— Она самая.

— Значит, у вас всё серьёзно?

— По всему выходит, что так. Зная Рунара, я уверен, что с плохими девушками он водиться бы не стал.

А потом Педер замолчал: он встревожился, что друг, хорошо знавший его доисландское прошлое, спросит про Байнту. Но тут же он вспомнил, что Арнльот никогда не видел эту женщину, он знает о ней только то, что давным-давно рассказывал ему сам Педер. Зачем ждать от друзей тех вопросов, которые человек должен задавать сам: своему отражению в зеркале, своей совести? Стоп, причём тут муки совести, он договорился с самим собой, что ни в чём не виноват. Прошлого больше нет, и его не связывают никакие обязательства.

Педер оборвал разговор и предложил заказать ещё по стакану пива.

Семейный пир

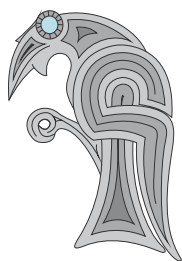
Рано утром возле домика в Тингхольте остановился аккуратный красный автомобиль хэтчбэк. Автомобиль посигналил, Педер сошёл с крыльца, распахнул дверцу и уселся впереди рядом со Сванхильд. Машина покатила мимо разноцветных стен и серебряных рябин в палисадниках, мимо слепых ворот супермаркетов с неизменными флаштоками на крыльце, по хитроумным дорожным развязкам... В Рейкьявике было немало уродливых новостроек — но изумрудные луга и лиловые горы на горизонте радовали глаз.

Выехали за город. По одну сторону дороги были сочные стебли, за которыми колыхались волны стального цвета, по другую — бурые утёсы.

Ветер здесь был сильным. Белая прядь водопада на высокой скале не падала вниз: она развевалась на ветру, как мокрая косынка, размётывалась по капле в сером воздухе. Над горой реяли вОроны: они позволяли воздушным потокам нести себя

95...

под облаками. На обочине мелькнул грязно-белый курчавый хвост: овца, напуганная шумом мотора, скакнула с шоссе на луг. С противоположной обочины, наперерез машине, припустился ягнёнок, догоняя убегающую мать. Сванхильд едва успела притормозить.

Педер не знал, как называются горы за окном машины, а девушка не могла сказать ему всех названий. Но горы были очень непохожими друг на друга: казалось, у каждой есть своё лицо, свой темперамент... Вдали все хребты отливали синевой, но стоило подъехать ближе, становились видны разные горные породы: седой долерит, бурый слякотный песчаник, чёрный ноздреватый базальт... В некоторых местах утёсы напоминали тесно стоящие многогранные колонны цвета мокрого бетона. Вершины то прятались в тумане, то тянулись к солнцу. И везде — косматая трава, малахитовые мхи и птицы, парящие над уступами. А рядом с горами и дорогой пело свою бесконечную песню переменчивое море...

Вот на обочине блеснул указатель: «Стиккисхольм». Машина въехала в городок на берегу огромного фьорда с тёмными лоскутками островов.

Сванхильд остановила машину возле неброского бетонного домика, где за окном поблёскивали бутылки и упаковки.

— Мне надо в магазин заглянуть. Ты как — со мной или подождёшь тут?

— С тобой. Я ничего покупать не собираюсь, просто хочется ноги размять.

В малолюдной лавочке Сванхильд стала расплачиваться за покупки банковской карточкой, но аппарат местных продавцов не хотел её принимать. «Ничего не понимаю; утром в Рейкьявике ведь нормально работала! — забеспокоилась девушка. — Надо, что ли, сходить в банк, спросить у них, в чём дело. Педер, ты ведь со мной? Мы пешком пойдём, тут буквально два шага!»

Визит в банк отнял не слишком много времени. Но когда красный автомобиль вкатился на хутор родителей Сванхильд и они вошли в просторный дом с огромной верандой, все гости уже были в сборе.

За длинным столом на хуторе на Снайфетльнесе собрался всевозможный народ. Писатель, сочиняющий толстые добротные социальные романы в лучших традициях прошлого века, обнаружил бы тут полный парад интересных человеческих типов, почти все сословия современного исландского общества. Тут были родители Сванхильд — тихие вежливые бонды, был её дядя — стареющий весельчак в красном свитере, которому единственному из всей семьи было дано право подтрунивать над родственниками. Был свод-

ный брат Сванхильд (сын её матери от первого брака) с женой и двумя рыжеволосыми девочками; они приехали на этот пир из самого Акюрейри и собирались гостить в доме целых две недели. Был адвокат, про которого Педер толком не понял, кем он доводится его даме. Весь его вид свидетельствовал о том, что он здесь богаче всех и сам знает об этом, — все остальные разговаривали с ним подчеркнуто вежливо, а глаза у них при этом были как у котиков, которые надеются, что им перепадёт рыбка. Была его жена, привыкшая держать свои бумаги в порядке, и взрослый сын с ирокезом на голове. Был какой-то кузен — кабацкий философ в потрёпанной кожанке, сидевший на пособии по инвалидности, дважды лечившийся от алкоголизма и живший в каморке в подвале. Его пригласили на пир в основном из жалости: пусть этот неудачник в кои-то веки выберется в приличное общество... Был там и другой кузен, с сотовым телефоном на шнурке, спускающемся на живот. Он изучал социологию, как и Сванхильд, только не здесь, а в Америке, а сейчас приехал на каникулы. Был какой-то моряк и его тайландская жена — субтильное робкое существо, лишённое возможности общения. Было ещё несколько детей... Педер сразу и не запомнил всех, кого ему представили. За пиршественным столом была даже старшая сестра Сванхильд — Эва Хрённ, которая так и не поехала в Швецию, потому что разбила свою

машину, и деньги, предназначенные на путешествие, ушли на новый автомобиль. Она говорила, что испытала такой большой стресс, что у неё не хватит сил на поездку в чужую страну, к тому же, ей предстоит долгое и неприятное общение со своей страховой компанией... Эва Хрённ была чрезвычайно похожа на сестру: те же толстые ноги, обтянутые спортивными штанами, то же бледное лицо и узкие очки, — разве что груди побольше и волосы посветлее.

Персона Педера вызвала у всей семьи неподдельный интерес.

— Вот, мама, познакомься, это мой новый парень. Его зовут Педер Арребё, он из Дании.

— Приятно познакомиться... А разве Рунар больше не с тобой?

— Ах, знаешь, мы расстались этой зимой. Там такая ерунда вышла, — просто ужас! Я думала, ей уже этого не переживу... Но бог, как видишь, не отвернулся от меня, — улыбнулась Сванхильд.

— Я очень рад приветствовать хозяйку этого гостеприимного дома, — сказал Педер по-исландски, чтобы с самого начала избежать скверного датского языка, на котором было склонно общаться с ним старшее поколение исландцев.

— Сванхильд говорит, ты датчанин. А откуда конкретно ты родом?

— Из Копенгагена.

— Петер, ты хорошо говоришь по-исландски, — сделала комплимент старушка. — Давно в нашей стране?

— Уже чуть более полугода, — ответил Педер.

— Просто удивительно, как ты усвоил язык за такое короткое время, — продолжала удивляться мать Сванхильд. — Может, у тебя кто-нибудь из родственников — исландец?

— Совсем нет, — сказал Педер. — Но он дался мне легко, потому что я, когда приехал сюда, уже владел фарерским. Я долго жил на Фарерах... Ну а там пришлось учить язык, потому что иначе на меня так бы и смотрели, как на чужого. На такого представителя имперской власти, знаете...

— А какой язык, по-твоему, легче: фарерский или исландский?

— Не знаю... Исландский, наверно, логичнее... Но к фарерскому я больше привык, мне так часто приходилось на нём говорить. Бывало, я даже проповеди по-фарерски читал, ей-богу! — не без самодовольства произнес Педер.

— Проповеди? — старушка, очевидно, подумала, что ослышалась. — Зачем тебе читать проповеди, разве ты священник?

— Это точно. Вернее, я когда-то был священником Датской Государственной церкви. Знаете, я закончил в Копенгагене теологический факультет, а на Фарерах ведь тоже церковь датская, так что для меня там нашлась работа... — Педер уже давно научился рассказывать любопытным только внешнюю сторону своей биографии, умело обходя личностные моменты. Так ему было легче, это позволяло избежать ненужных расспросов. Он опасался разбудить в своей груди свою великую черную тоску, своего паука...

Такая экзотическая деталь в биографии Педера только подогрела интерес родни Сванхильд к нему.

— Но ведь в Исландии датской церкви нет, — задумалась старушка. — Раньше мне не доводилось слышать, чтобы священники работали за границей.

— Собственно, я больше не священник, — Педер положил конец её удивлению.

— Отчего же?

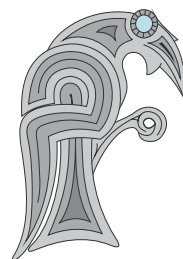
Пришлось частично раскрыть свои карты:

— Так получилось, что на каком-то этапе я сменил веру...

— И кто же ты теперь?

— Мы с несколькими моими приятелями решили основать языческую общину Фарерских островов.

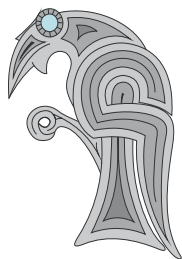
— С ума сойти; языческую общину! — подала голос Сванхильд. — Педер, а мне ты этого никогда не рассказывал! Я всё время думала, что ты либо как все, либо как Рунар со Стефаном,

97...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№ 21
2018

а ты, оказывается, вон какой необычный! Почему ты мне раньше не сказал? Ты думал, я тебя из-за этого брошу?

Педеру не пришлось отвечать на этот вопрос: как раз в этот момент мать Сванхильд начала созывать гостей к столу.

Жаркое, поданное в доме на Снайфетльсне, было восхитительным; Педеру впервые за много дней удалось как следует насытиться. А застольные разговоры полностью прошли мимо сознания, хотя говорил он много и с разными людьми. Когда он оторвался от беседы с очередным родственником своей возлюбленной и от тарелки с десертом и взглянул на стоящие на комодке затейливые часы с логотипом крупного исландского банка, оказалось, что уже поздний вечер. В это время года в Исландии почти не темнеет по ночам, — и он удивился, обнаружив, что время девалось неизвестно куда.

Он помог хозяйке, Сванхильд и её сестре убрать со стола. Все три дамы, курсируя между гостиной и кухней с тарелками и соусниками, увлечённо обсуждали стиль его одежды («Тебе, что ли, какие-нибудь панки свои обноски отдали? Тебе бы что-нибудь яркое, модное...») — но он был рад, что они перестали задавать ему вопросы о его биографии. Потом отец Сванхильд включил в гостиной огромный телевизор: начались вечерние новости. Толпа гостей понемногу таяла: кто-то ушёл в другие комнаты, а кто-то уже спешил во двор к своей машине...

— Пьетюр, — сказала мать Сванхильд, — вы ведь остаётесь ночевать? Я постелю вам в бывшей комнате Эвы Хрённ: вы как раз там на диване вдвоём поместитесь!

Ночные думы

Удивительно, сколько в голове за эти годы накопилось воспоминаний! Они рождались незаметно, как рождается из отдельных пылинок и песчинок новый культурный слой — на потребу будущим археологам. А теперь, молчаливой ночью, все эти слежавшиеся в плотный слой воспоминания вдруг активизировались и сами, потихоньку, независимо от разума, начали заполнять пространство... В июле он прочитал в газете «Сосиалурин» статью о древнескандинавском культурном наследии; он не помнил, каким именем она была подписана, но сейчас ему казалось, что её автором вполне мог быть Олав... В мае на стене подвала появилась рожа кудрявого злорадного тролля, и он не сразу сообразил, что это тень статуэтки с отбитой рукой, невесть зачем лежавшей на подоконнике, а пляшущие буйные кудри получились от того, что солнце светило сквозь густые листья шиповника под ветром... Зимой Мэлан решила сделать себе модную татуировку на пояснице и возбуждённо доказывала матери, что угловатый дракон с красными глазами лучше всего отражает её внутренний мир... В апреле Байнта вызвалась помочь ему написать текст проповеди (тогда он ещё нетвёрдо знал фарерский); отправной точкой для новой проповеди должна была стать библейская притча о виноградарях, а солнечная женщина истолковала её при помощи собственного сравнения из современной жизни: о клиенте, приходящем в банк; тогда он предложил: «А ведь правда, все эти виноградары, рабы и древние монеты ничего не говорят современному человеку! Может, нам переписать Новый Завет с аллегориями из жизни Торсхавна в наше время?» Они оба смеялись до упаду... Он не прочёл эту проповедь: сильно простудился во время прогулки в горах, потерял голос и не смог служить мессу; он помнил, что пока он лежал больной, возле кровати всё время висела голубая ночная рубашка с оторванной оборкой, и его раздражали эти болтающиеся возле самого пола кружева...

Воспоминания заставили исчезнуть опрятную комнату с большими окнами, за которыми величественный двурогий ледник драпировался в волглые лоскуты низкого тумана. Эта комната — с деревянной статуэткой чомги и плоскими подсвечниками из гнutoго крашеного стекла — не принадлежала его миру.

И уж совсем сюрреалистическим объектом казалась в этот прозрачный безмолвный час рыхлая рука женщины, покоящаяся на плече Педера.

Сон Байнты: Педер заклинет призрака

Решетчатое окошко задребезжало под частыми ударами. Байнта всегда удивлялась манере торсхавнских мужиков, если им что-то потребуется от пастора, стучаться прямо в стёкла, игнорируя гордо висящую у крыльца британскую диковинку — дверной молоток, подарок фогта.

К пастору часто приходили просители из Торсхавна и с окрестных хуторов — Педер никогда никому не отказывал.

Служанка впустила в гостиную запоздалого визитёра. На его бурой вязаной кофте поблёскивали капли воды, а кое-где в складках виднелись полоски стремительно тающего снега. Пастор, сидевший за столом с чашкой кофе в руке, указал вошедшему на свободный стул. Но гость — востроносый бородатый бонд с Арджир — не сел, а долго переминался с ноги на ногу посреди комнаты, очевидно, думая, как бы получше изложить свою просьбу. В конце концов, он выдавил из себя:

— Vælsignaður, Никулас-то помер...

— Помер, Агнар. Ты же сам знаешь. Ты же был на похоронах, — Педер не понял, к чему клонит посетитель.

— Да, похороны-то, они прошли хорошо. Вы вон сами такую надгробную проповедь прочли — всех проняло! А в прошлую пятницу вечером мне понадобилось пройти мимо кладбища — гляжу, а могила-то открыта и камень сдвинут. А вошёл я к себе во двор — смотрю, а он уже там сидит!

— Никулас?

— Да! Сидит и улыбается, а в руке у него пила. Он эту пилу у меня уже давно просил одолжить, только она мне самому была нужна, я дверь починял... А потом его и другие видели! Прямо все: и брат мой Гуннар, и Суймон, и Катрина из Подвала...

Педер повёл бровью и отхлебнул из чашки. Мужик в серой кофте медленно и сбивчиво рассказывал дальше:

— Ну вот... Катрина, значит, рассказывает: пошла она скотине корму задать. Ну, там уже время позднее, смеркалось. Зашла в хлев — а он там стоит! И смотрит на неё! Она ему: «Поди прочь, окаянный!» А он, ну, я не знаю, что сделал, но она потом без ума от страха домой прибежала! И вот у Суймона тоже... — тут гость прервал рассказ и одним духом выпалил: — В общем, vælsignaður, сделайте что-нибудь, а то мы все...

И тут в окно снова постучали. Но стук был уже не дробным, как прежде: казалось, каменный тролль со взморья, чей горбатый базальтовый нос так любили обсиживать чайки по утрам, каким-то чудом выломился из своей скалы, чтобы нанести визит в пасторский дом. Агнар беспомощно заводил глазами по углам гостиной.

— Сиди смирно, — бросил Педер служанке, которая тоже начала тревожно водить глазами по углам. — Я сам.

И он взял со стола свечу и вышел из дверей. Вскоре он вернулся, но не один: впереди него вышагивало серое существо с неподвижным взглядом. Агнар просеменил к стене, пробормотав: «Что Вы делаете, vælsignaður? Он же убьёт меня!»

Байнта помнила, что при жизни Никулас был тихим забитым мужичонкой, не смеющим поднять руку даже на наглого дворового пса. Но потусторонний мир изменил его: бывший прихожанин Педера стал как бы выше ростом и шире в плечах, его походка — твёрдой, а взгляд — суровым. Он уверенно двигался прямо на гостя.

— Отойди к кухонной двери, — шёпотом скомандовал пастор Агнару, — и ни в коем случае не поворачивайся к нему спиной!

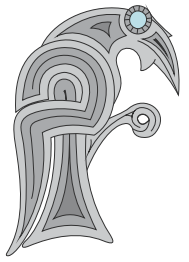
Каким-то образом (как именно, Байнта не увидела) Педеру удалось встать между грозным призраком и его жертвой. Педер поднял свечу на вытянутой руке. Серое существо остановилось и раскинуло руки. За секунды, необходимые, чтобы пройти от порога гостиной до места, где стоял посетитель с Арджир, оно подросло — и сейчас стало стремительно расти дальше, упираясь головой в потолок, касаясь руками стен, занимая всё пространство. Скоро всё вокруг заволокло сплошной тёмно-серый туман. И в этой мрачной слепоте только подрагивал огонёк свечи в руке Педера да слышался его чёткий властный голос:

Дух нечистый речистый!

Сгинь, схлынь, застынь!

Лети за горы с ором,

развейся, разбейся,

99...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 21
2018

Исчезни, исчадье, во аде

от наших заклятий²!

Пастор произносил эти строки по-исландски. Байнте вспомнились рассказы старых людей: когда-то в Торсхавн морем привезли из Исландии книгу с толстыми пергаментными страницами; она была такой огромной, что две крепкие лошади едва смогли дотянуть её с причала на холм Рейн, где стояла церковь. Куда книга девалась потом, непонятно; видимо, она так и осталась в церковных хранилищах, во всяком случае, больше её никто не видел. Но порой тут и там на островах духовенство и чиновники-датчане вдруг обнаруживали, что местные бонды в трудные минуты читают какие-то странно звучащие стихи, называя их «крепкими заклинаниями» или «хорошими молитвами», — и эти стихи почти всегда оказывались отрывками старинных исландских псалмов... Может, в загадочной книге была не только духовная поэзия, но и настоящие заклятия против оживших мертвецов?

А голос пастора в серой пустоте заклинал дальше:

Да будет повержен,

удержан, затвержен.

Вот он обречён,

сломлен, смятён,

скручен, смирён.

И придут травы на нивы

и воды в проливы...

А дальше всё слилось в один неразборчивый гул, серая пустота закружилась, задрожала, заколебалась, хлынула извне в сознание, неся ужас и смятение... А потом всё смолкло. Тёмно-серый туман стал светлеть.

В пустоте раздался усталый голос Педера:

— Мы победили.

.....

Байнта тряхнула головой, пытаясь прогнать ночное наваждение. Она была не в маленьком пасторском доме в старом Торсхавне, а там, где сон застиг её вчера вечером: на просторной кровати в спальне на втором этаже. Судя по свету, пробивающемуся сквозь тяжёлые розовые шторы, на дворе уже давно стоял день, но в жилище было тихо: домработница, в обязанности которой входило мыть полы в многочисленных пустых комнатах, ещё не пришла, а Опперманн, видимо, куда-то отлучился, а может, и вовсе уехал из города на несколько дней без предупреждения. Женщине на кровати хотелось думать, что это именно так: тогда она будет сама себе хозяйка и позволит себе провести свой выходной так, как бывало в иные времена в родном городе...

Она в который раз спросила себя, что, собственно, она делает здесь. Такой вопрос она задавала себе и раньше: в немецком отеле с холодными бежевыми стенами, в ветшающей служебной квартирке в Венгрии, в финском филиале крупного исландского банка, в последние годы стремительно открывающего всё новые и новые отделения за границей... А потом Опперманн перебрался в отделение того же самого банка в самой Исландии, — и теперь она находится в этом крошечном городишке на Снайфетльсне, вытянувшем единственную пару улиц вдоль пропахшего рыбьими потрохами берега...

Сон о странных существах из давно минувшей эпохи отступил было перед стерильной реальностью, — но через несколько минут стал вспоминаться вновь. Байнте давно уже не снились такие яркие и связанные сны. Обычно в те редкие ночи, когда ей что-то снилось, в сознании роились всего лишь малозначачие обрывки дневных впечатлений: улицы безветренных городов,

² Использован аутентичный текст исландского заговора против призраков, переведённый на русский язык специально для этого романа (прим. автора).

обрывки немецких и французских фраз (в поездках ей приходилось объясняться на этих ползнакомых языках), банковские бумаги. Опперманн следил, чтоб она всегда была загружена работой. Да, если честно, она и сама была не прочь взвалить на себя побольше обязательств, чтобы отгородиться делами от общения с британцем, которое всё больше тяготило её. Но лишь сегодня ей удалось по-настоящему сбежать от него в сновидения.

Этот сон был жутким — но родным. Тот же город и тот же век часто снились ей раньше.

Вставать не хотелось. Женщина перестала вспоминать ночные видения и принялась вспоминать то, что было вчера. День был, в общем-то, рядовым: она с утра скучала за кассой, изредка вспоминая иностранные языки, когда в банк заходили туристы обменивать валюту. А сразу после обеденного перерыва перед окошком кассы показалась дородная исландская девушка в узких очках и в обтягивающей чёрной кофте. («У такой женщины-горы наверняка в роду могли быть тролли», — отметила про себя кассирша). Девушка долго и возбуждённо толковала о своих проблемах с банковской карточкой. А за её спиной Байнта заметила другого посетителя — худого темноволосого человека с рассеянным взглядом. По всей видимости, он не стоял в очереди в кассу сам, а просто пришёл вместе с девушкой и не знал, куда себя деть в этом малознакомом застеклённом царстве. Байнта механически распечатала чек, отсчитала купюры и проводила взглядом парочку, завершившую свои дела. Походка у спутника толстухи такая знакомая... Нет, какой вздор: печальный церковник-идеалист, раньше так часто заглядывавший в её сны по ночам, не может носить потрёпанную косуху! И такой причёски у него тоже не может быть! Наверняка она обозналась. Это просто похожий местный парень, а тот сейчас наверняка где-нибудь в Дании — тот человек из её вольного и зелёного торсхавнского прошлого. А «прошлое уже прошло, теперь другие времена», как говаривала Мэлан... Не стоит думать об этой случайной встрече.

Но среди упорядоченных будней, безжизненных, как стол в переговорной после рабочего дня, даже короткая встреча с посетителями может превратиться в значимое событие, даже сон станет важным переживанием. Байнте вовсе не хотелось, чтоб эти мелочи забылись: сейчас они были для неё важнее любой самой ответственной работы.

Встреча Педера и Байнты в Стиккисхольме

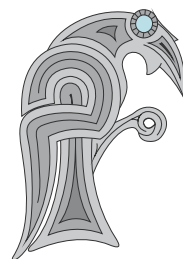
Утром Сванхильд поговорила с матерью и приняла решение остаться на хуторе до конца выходных. Хорошо жить в столице и быть независимым, но здесь красивая природа, вкусная еда, да и, в конце концов, бессмысленно в такую хорошую погоду киснуть в Рейкьявике! Хозяйка не спросила самого Педера, нужно ли ему возвращаться домой: он как бы прилагался к дочери.

Педер в который раз поймал себя на том, что со вчерашнего вечера не может запомнить имя хозяйки: то ли Кристин, то ли Кристбьёрг...

Сванхильд с матерью после завтрака надолго засели в комнате с распахнутыми настежь платяными шкафами, а он отправился бродить по окрестностям.

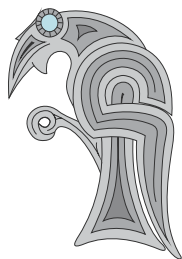
Этот край недаром снискал похвалы любителей красивых пейзажей. Хутор прилепился к подножию небольшой возвышенности (в родной Дании это считалось бы полноценной горой, а здесь — игрушечным пригорком). Склон был настолько зелёным и кудрявым, что его смело можно было снимать в каком-нибудь романтическом кино про Шотландию. Его перепоясывала упругая прозрачная лента торопящегося вниз ручья. Здесь было ласковое взморье: песок не чёрный, грубый, как почти

101...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№ 21
2018

везде в Исландии, а жёлтый. Полевые травы под ветром шумели и кланялись в такт. Птицы над лугом демонстрировали фигуры высшего пилотажа. И нависал над долиной сияющий двурогий ледник правильных очертаний, словно сошедший с картины художника-романтика.

Педер перешёл изумрудное болотце, где белые помпоны пушицы салютовали ветру, и оказался на шоссе. Он двинулся вперёд по обочине, не особо задумываясь о том, куда попадёт. Рассыпчатый гравий хрустел под башмаками, горы медленно плыли мимо дороги...

Со стороны моря показался джип, замедлил ход. Сидевший за рулём небритый исландец с картофельным носом и любопытными тёмными глазами, в расстёгнутой потёртой клетчатой рубашке (очевидно, местный фермер) опустил стекло и обратился к неожиданному прохожему: «Привет! Куда направляешься!»

Мозг Педера ещё не успел осмыслить вопрос, а язык уже сказал: «В Стиккисхольм!»

— Это в другую сторону! — рассмеялся любопытный мужик за рулём. — Я сам как раз туда еду. Тебя не подвезти? А то ты так до вечера топать будешь! ...Ты иностранец, да?

Хруст гравия под башмаками сменился пением асфальта под колёсами.

На полпути у Педера появилось непреодолимое желание выбежать из автомобиля и помчаться обратно на хутор. Для чего он едет в Стиккисхольм? Вчера, пока они со Сванхильд стояли в банке, он увидел за окошком кассы сотрудницу, которая была как две капли воды похожа на... О боги, что может быть сумасброднее: ехать в чужой городок ради сомнительной встречи с призраком прошлого! Где он будет искать эту женщину, что он ей скажет? А может (вероятнее всего), это вовсе и не она, и он напрасно предпринял эту вылазку. А ведь ему надо ещё подумать, как он будет возвращаться обратно: ведь у него нет ни своей машины, ни лишних денег на автобус или такси...

Джип вкатился на приморскую улицу. Мужик припарковал машину у супермаркета.

— Ну, приехали. Мне теперь в «Бонус» надо. Приятного тебе путешествия по Исландии — и будь осторожен, особенно в горах!

И он бодро шагнул по направлению к стеклянным дверям, над которыми красовалась эмблема магазина: ярко-розовая самодовольно улыбающаяся свинья-копилка... Супермаркеты с такой эмблемой Педер часто видел в Рейкьявике. Но сейчас ему почему-то вспомнилось, что однажды на Фарерах в такой же летний день он зашёл в такой магазин, расположенный как раз в похожем крошечном городишке на взморье, а местные судачили, что владелец этой сети супермаркетов — исландец, и что исландские бизнесмены совсем обнаглели: только и знают, что открывать зарубежные филиалы своих фирм, как будто им уже недостаточно драть деньги только с соотечественников, а надо ещё и с других народов...

Он несколько минут стоял у входа в магазин возле бетонной урны, а мимо сновали люди с жёлто-розовыми пакетами...

Но неужели он стал настолько впечатлителен, что любые мысли о Фарерах уже вызывают у него видения? Смотрите: из дверей лёгкой походкой выходит стройная женщина без всякого пакета, с парой датских булочек в руках; густые русые волосы развеваются вдоль плеч на ветру, живые серые глаза глядят на небо и на золотисто-синие волны фьорда...

Расстояние между ними — два шага. Он делает эти два шага и говорит: «Добрый день!» (Если он обознался, это приветствие ни к чему не обязывает: в сельской местности друг с другом здороваются даже посторонние).

Женщина чуть не роняет булку из рук:

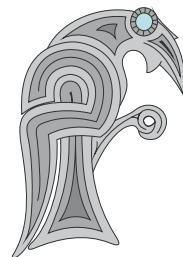
— Здра... Ой, нет, Педер, ты ли это!

— Я, но... — все слова куда-то разбежались из головы. Мысли теснятся в черепной коробке, но выражения для них не находится.

— У Давида в этом городе филиал банка. А я за кассой сижу, повышения мне так и не дали.

— Так значит, это тебя я вчера видел? — Педеру удалось сформулировать первый, к тому же, не весьма умный вопрос.

— Ты вчера с какой-то девицей в банк заходил? — задала свой вопрос Байнта. — А я всё утро думала: неужели пригрезилось?

— Она... Ну, я у их семьи гощу на ферме. Сегодня я гуляю, а что буду делать завтра, пока не известно. А в воскресенье поеду домой, в город.

— Значит, ты теперь переехал в Исландию? Разве у местной церкви есть нехватка в кадрах? — Байнта постеснялась в первую минуту после встречи расспрашивать про то, что последовало за погромом банка.

— Какая церковь, родная, я уже давно не пастор!.. И даже уже не христианин, если на то пошло. Да, живу в Рейкьявике... Безработный... Я по тебе очень скучал все эти годы, честно!

Байнта вместо ответа молча обняла его.

— А этот, Опперман, то есть, Давид, он сейчас с тобой? — забеспокоился Педер.

— Нет; он с утра куда-то уехал. Зная его, могу сказать, что до вечера точно не вернётся... Я так рада тебя видеть!

Они ещё раз крепко обнялись. Отойти от дверей магазина им не пришло в голову, и спешащие покупатели с недовольными лицами обходили их. Прошёл мимо небритый фермер в клетчатой рубашке, подвозивший Педера (в руках — пакеты и коробки), его взгляд задержался на счастливой парочке...

Байнта спохватилась:

— Ай, да что мы, в самом деле, застряли у входа в «Бонус»! Пойдём в здешнее кафе, пообщаемся, наконец, по-человечески! Или вот: тут прямо за городом есть красивая долина... Ты как — на машине?

— Родная, я так и не научился водить.

— Пойдём!

Обратно Педер возвращался уже под вечер на каком-то местном автобусе.

Из разговора с Байнтой Педер понял, что банкир не захочет так просто отпустить её. Но она непременно собиралась перебраться от него в Рейкьявик. Педер нацарапал для неё на узорчатой салфетке из кафе номер телефона Стебби.

На двух-трёх улочках Стиккисхольма, вытянувшихся вдоль взморья, были некрасивые бетонные дома, но их уродливость не раздражала глаз: любая архитектура становилась неважной на фоне безбрежного фьорда, серебрящегося под солнцем, и каменных спин на берегу.

Здешние пейзажи были не слащавой романтической картинкой, как показалось ему с утра: они были живые, величественные и пронзительно реальные.

Когда он вернулся на хутор, горы уже завернулись в сумрак. Он опоздал к ужину.

— Где ты был? — всполошились Сванхильд и Кристбьёрг.

— Так, гулял по окрестностям.

— Ты далеко ходил? Мы за тебя волновались. Там к северу утёсы крутые, в прошлом году двое мальчишек сорвались в море! Ты уж смотри, будь осторожнее!

Продолжение следует...

103...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 21
2018

Переводы всех приводимых
здесь стихотворений
публикуются с согласия
авторов.
Перевод Ольги МАРКЕЛОВОЙ.

Из современной исландской ПОЭЗИИ

BJARNI BERNHARÐUR

Úr bókinni «Í landi þúsund djöfla», 2017

Næturljóð **Ночные стихи**

Лучше подождать, пока стихи
застынут на листке, налить
кофе, зажечь сигару.

Да, лучше положить стихи,
влажные от росы,
сушиться под рассветным ветерком
из кухонного окна,
покормить чаек,
поставить «Black Sabbath».

Ультрафиолетовые
мельчайшие
стихотворные значки
ночного излучения
— бойкие, но мирные —
оперятся на белом листе
и будут ждать момента,
когда строчки оживут!

Tími **Время**

Время
Землисто-серы
стены времени

Тяжёл топор
в руке того
кто рубит корни
жизни

Úr bókinni «Skáldfákur á heljarslóð», 2009

Utankassaskáld **Поэт, не вмещающийся в рамки**

Семи лет отроду
он сочинил стихи
и прочитал их вслух
в песочнице.

Из песочницы его
выгнали.

Ольга Маркелова

* * *

По лиловой горе
бродят фонари.
И в любом фонаре
солнца-янтари.

Из лиловой темноты,
выверив маршрут,
мысли, страхи и мечты
по горе бредут.

ДЕРЕВО ВО ДВОРЕ

Только на самом деле это не дерево.
Это Нонни, который пропал

в семнадцатом веке.

С той поры ему каждый год обстригали руки
и развешивали на бёдрах бельё и сети.

Его матушка никогда не ходила в школу,
не читала у Данте о круге печального ада,
где несётся сквозь лес погоня, ломая ветви,
и конечности хрупких деревьев исходят

кровью.

Не деревья это, а заклятые грешники,
в человеческом мире ничто их не расколдует!
Но, как сказано, матушка Нонни была

неграмотна,

и она просто вешала тряпки на это дерево.

Иногда в жару она его поливала.

А может быть, в холода укрывала лапником.

Может быть, пела ему колыбельные песни,
даже, может быть, по ночам приносила жертвы.
Дерево благодарило её своим шелестом.

И это всё, на что оно было способно.

Было б оно плодовым — послало б яблоки!

А так — оставалось лишь потряхивать

листьями.

Матушки нет — а листья, как прежде,

шевелиются:

кто-то невидимый всё повторяет шёпотом:

«Это не дерево, это вовсе не дерево!»

РЕЙКЬЯВИК

Я люблю этот город, хотя он несносен.
Лишь несносное вечно пленяет
Новостройка-страшилище
горную просинь
осеняет.

ИСЛАНДСКИЕ ТОПОЛЯ

В тополях есть что-то такое —
незыблемое, как детство,
неспешное, как рутина,
что-то от мирных будней,
что-то от чинных улиц
в чисто метённых столицах.
Что-то от полного штиля,
что-то от пресного хлеба.
В каждой их ветке лепечет
смесь уюта и скуки.
Они превращают землю
неистового синескального авангарда
в мирную гостиную.

* * *

И тут он с ужасом понял,
что очень давно не видел
северного сиянья.

Включил компьютер: нет, не то!
Ну, ползает полоска по экрану
зеленоватой кисеи
и извивается на чёрных небесах
совсем-совсем как в жизни.
И горы, звёзды... Верная картина,
и даже, вроде бы, знакомый дол, —
а всё-таки ему подсунули не то:
в ней нет былого ощущенья
волшебной зыбкой гати в иномирье,
священного очелья мирозданья,
безмолвной музыки судьбы.

Сейчас бы выключить компьютер
и, бросив всё, рвануть на северá —
но лето на дворе, и там безночно...

Вот он сидит в своей квартире
при занавешенном окошке,
сосредоточенно молчит
и в тёмных недрах головы
медлительно и плавно зажигает
огни воспоминаний...

105...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 21
2018

Арт-проект «Боги ходят по земле»

Автор: СИГРИД

▲ Один

*Тихо, в предрассветной мгле
Боги ходят по земле.
Песни древние поют,
Из колодца воду пьют.*

*Дрогнет тонкая струна —
Звонкий свет. Луна полна.
Город спит. Уснул, как кот.
Нитью снов плетется год.*

*Спит трава и спит асфальт.
Спят бандура, скрипка, альт.
Флейту взял пресветлый бог.
Перекресток. Пыль дорог.*

Арт-проект «Боги ходят по земле»

◀ Эльф

◀ Локи

Арт-проект «Боги ходят по земле»

◀ Идунн

Фрейя ▶